

63.3(2)46

П-12

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ

27

ИЮНЯ

1709

Н. Павленко , В. Артамонов

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ

27
ИЮНЯ
1709

Н. Павленко, В. Артамонов

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1989

Профсоюзная
библиотека
ДК «Урал»

- 514524 -

ББК 63.3(2)46
П 12

*Рецензент: доктор исторических наук
Е. В. АНИСИМОВ*

Павленко Н. И., Артамонов В. А.

П 12 27 июня 1709. — М. : Мол. гвардия, 1989. —
270[2] с., ил. — (Памятные даты истории).

ISBN 5-235-00325-X

Книга рассказывает о борьбе русского и украинского народов со шведским нашествием 1708—1709 годов, победе русского оружия под Лесной и Полтавой. Книга, широко иллюстрированная старинными портретами и гравюрами, адресована массовому читателю.

П 0503020200—253 012—89
078(02)—89

ББК 63.3(2)46

ISBN 5-235-00325-X

© Издательство
«Молодая
гвардия»,
1989 г.

ОТ

РЕДАКЦИИ

Куликовская битва, Полтава, Бородино, Сталинградское сражение — эти события разделяют целые столетия, но между тем каждое новое поколение знает и помнит о них. В чем причина подобного явления, почему, по точному замечанию А. Блока, «таким событиям суждено возвращение»?

В памяти каждого народа есть события, имеющие эпохальное, символическое значение. Именно к таким относятся и перечисленные выше сражения. Такие события всегда переломны, всегда на долгие годы определяют ход истории, хотя воздействие их может ощущаться не сразу: после Куликовской битвы золотоордынское иго еще столетие тяготело над Русью, от Полтавы до Ништадтского мира прошло более десяти лет, после Бородина была оставлена Москва. Однако начало освобождения, победный отсчет ведется именно от дат, когда произошли эти битвы. Исторически здесь все верно, потому что эти события меняли мироощущение современников, рождали веру, которая потом переплавлялась в действие.

Размышляя дальше, мы увидим, что все эти события-символы были вынужденными. Вынужденными в том смысле, что отстаивать свою свободу, независимость народ мог только на поле брани. Эта

безусловная нравственная правота становилась для участников события источником невиданного самопожертвования, гражданского мужества, для потомков — предметом гордости. К этому надо добавить, что упомянутые сражения-символы всегда были связаны с огромным, титаническим напряжением сил, величайшими жертвами и поистине удивительным проявлением народного духа, любви к Родине. В последнем и кроется ответ на замечание А. Блока, почему таким событиям «суждено возвращение».

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена Полтавской битве, точнее — нашествию войск Карла XII в 1708—1709 годах на Россию. Последнее время к истории петровского времени, к Северной войне вновь пробудился большой интерес: появляются новые монографические исследования, статьи. Это и понятно — первая четверть XVIII века в истории России время переломное, надолго определившее развитие страны. Однако в книгах, адресованных широким кругам читателей, по-прежнему ощущается острая нехватка. Данная работа — попытка хотя бы отчасти восполнить этот пробел, дать читателям книгу, в которой нашли бы отражение выводы, сделанные по этой проблеме историками за последнее десятилетие.

Первая часть книги (до главы «Нашествие») написана доктором исторических наук, профессором Н. И. Павленко, вторая — кандидатом исторических наук В. А. Артамоновым.

План Азова и карта Азовского моря (фрагмент гравюры начала XVIII в.).

НА РУБЕЖЕ

ВЕКОВ

Среди славных страниц истории нашего прошлого, когда русскому народу доводилось в жесточайшей схватке отстаивать свою независимость, почетное место занимает день 27 июня 1709 года. В этот день состоялось главное сражение Северной войны — битва под Полтавой. Битва развеяла в прах завоевательные планы шведского короля Карла XII, пытавшегося поработить Россию: разделить ее на отдельные княжества, поставив во главе каждого из них своих марионеток. Битва положила конец шведскому великодержавию. Битва, наконец, положила начало возведению России в ранг великой державы: в представлении европейских дворов, на восточной окраине Европы находилась полудикая Московия; теперь на глазах изумленной Европы, преодолевая отсталость, она в короткий срок подняла на более высокую ступень торговлю и промышленность, просвещение и культуру.

Мощь России опиралась на созданную Петром I регулярную армию, прославившуюся на полях сражений

отвагой, стойкостью и военным мастерством. Мощь страны опиралась и на созданный при Петре Великом военно-морской флот, чьи славные победы закрепили за Россией репутацию морской державы. Укрепляя армию и флот, царь руководствовался, как он сам писал, «одной присловицей»: «Всякой потентент (властелин. — Н. П.), который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а которой и флот имеет, обе руки имеет»¹.

Северная война на века сохранилась в народной памяти. От того времени осталось немало песен, посвященных отдельным эпизодам долголетней эпопеи: взятию Орешка — Нотебурга, Риги, битве у Лесной, но центральное место среди них занимает Полтавская баталия. Одна из них передает напряженное ожидание сражения и его этапы: сначала «шведская сила испужалась», затем «перепалась», потом «помешалась» и наконец «отступила». Другая песня запечатлела решающее значение народа в полтавской победе:

Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками;
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

Выразительнее и лаконичнее всего происшедшее под Полтавой передает пословица, имеющая хождение и в наши дни: «Пропал, как швед под Полтавой».

К Полтаве Россия двигалась по тернистому пути через тяжелейшие испытания почти девять лет. Все было на этом пути — горечь поражений, напряжение материальных и духовных сил народа, титанический труд организатора победы, командовавшего армией в решающем сражении, — Петра Великого.

Чтобы ориентироваться в сложном, а иногда и запутанном лабиринте событий Северной войны, надобно вспомнить прошлое, ей предшествовавшее, выяснить причины, которые привели к столкновению. Для этого взглянем на карту Русского государства XVII века. Два обстоятельства обращают на себя внимание: огромная

территория страны и отсутствие удобных путей сообщения, связывающих ее со странами Западной Европы.

Границы России уже в то время простирались от Ладожского озера по Днепру до Запорожской Сечи на западе и до берегов Тихого океана на востоке. Южная граница Европейской России пролегла от Астрахани до столицы Войска Донского — Черкаска на Дону и до излучины Днепра. Самой протяженной границей была северная — безлюдные просторы Заполярья, омываемые студеными морями Ледовитого океана. Хозяйственного значения ни земли, расположенные в районах вечной мерзлоты, ни омывавшие их моря не имели. Как, впрочем, не имели и земли, расположенные у восточной границы. Сибирь и Дальний Восток в XVII веке только начинали осваиваться русскими, и на огромной территории размещалось крайне немногочисленное население, к концу столетия насчитывавшее сотню тысяч человек.

Рост территории страны значительно опережал рост численности населения. Это создавало условия для его миграции и хозяйственного освоения необжитых районов. Отлив населения из давно освоенного Центрального нечерноземья в Поморье, Приуралье, на Дон и особенно в Сибирь сопровождался освобождением его в одних случаях на короткий срок, в других — на длительное время от повинностей в пользу помещика и государства. Таким образом, колониционный поток нес с собою существенные социальные изменения, поскольку в новых районах так и не приобрело значительных размеров феодальное землевладение. Колонизация, кроме того, включала в хозяйственный оборот новые массивы земли. Но вместе с тем широкие масштабы колонизации не создавали стимулов для повышения производительности труда в сельском хозяйстве. В итоге оно развивалось экстенсивными путями: закреплялись застойные формы развития земледелия и скотоводства, что влекло к сохранению в течение столетий традиционно низкой урожайности и выращиванию малопродуктивного скота.

К явлениям, неблагоприятно отражавшимся на темпах развития производительных сил, в особенности на раннем этапе нашей истории, относятся климатические условия. Суровый климат позволял земледельцу зани-

маться производительным трудом только половину времени в году. Лишь когда в крестьянское хозяйство стали внедряться промыслы и в стране появились мануфактуры, занятость населения производительным трудом стала неуклонно повышаться, что вызывало общий подъем экономики страны.

К условиям, пагубно отражавшимся на социально-экономическом и культурном развитии России, относилась также ее изолированность от передовых стран Западной Европы. Главные очаги цивилизации в мире находились в то время в странах Западной Европы, значительно опережавших в своем развитии Россию.

Взглянем еще раз на карту России XVII века и обнаружим отсутствие удобных морских путей, считавшихся в то время, как, впрочем, и в наши дни, самыми дешевыми и удобными средствами сообщения. Это лишало страну возможности поддерживать тесные торговые и культурные связи с передовыми странами Запада. Правда, Россия располагала единственным портом, позволявшим ей поддерживать внешнеторговые отношения с Западом, но использование этого порта (Архангельска. — *Н. П.*) было затруднено. Подходы к нему были покрыты льдом на многие месяцы, и навигационный период был непродолжительным. Длиннен и сложен был морской путь из Архангельска к берегам Европы: путешествие из устья Северной Двины через Белое, Баренцево, Норвежское и Северное моря было в два раза длиннее пути через Балтийское море. Оно было, кроме того, и более опасным, ибо кораблям грозили встречи с айсбергами и свирепыми штормами. Наконец, Архангельск имел еще одно неудобство — дорога в центр Русского государства, где сосредоточивалось основное население страны и главные ее экономические центры, была в два раза протяженнее дороги от Москвы до берегов Финского залива.

Торговые связи с Западом поддерживались через города, расположенные на западной границе — Новгород и Псков. Однако перевозка товаров гужевым транспортом многократно удорожала их стоимость и поэтому не могла приобрести широкого размаха.

Отсутствие выхода России к Балтийскому морю не являлось извечным. Оно наступило в начале XVII века после Смуты, когда шведы, воспользовавшись слабостью

Петр в Полтавском бою.
С картины И. Таннауэра.

России, отняли у нее устье Невы, обеспечивавшее ей выход в Финский залив. Итоги войны были закреплены в 1617 году в Столбовском мирном договоре.

Потеря выхода к морю дорого обошлась России. Тем не менее ей долгие десятилетия приходилось с этим мириться — Смута настолько обессилила страну, надорвала ее хозяйственные и финансовые ресурсы, что она не могла помышлять о возвращении отобранных земель. Более того, Россия не в состоянии была вернуть даже Смоленск, перешедший к Речи Посполитой и являвшийся удобным плацдармом для нападения на Москву. Смоленская война 1632—1634 годов закончилась неудачей — Поляновский мир 1634 года сохранил Смоленск за Речью Посполитой.

Долгое время страна залечивала раны, нанесенные смутным лихолетьем — восстанавливалась пашня, налаживалась финансовая система, в городах развивалось ремесло, появились первые мануфактуры. К середине столетия экономическое состояние уже позволило России вести войну с Речью Посполитой из-за Украины. В первые годы столкновения Речь Посполитая терпела одно поражение за другим, и Швеция, воспользовавшись истощением ее ресурсов, напала на своего южного соседа и легко добилась успехов: большая часть польских земель, в том числе Варшава, а также северо-западные районы Литвы оказались в ее руках. Правительство Карла X даже добилось соглашения с литовскими магнатами об объединении Литвы с Швецией.

Чтобы воспрепятствовать осуществлению этих планов, правительство России заключило перемирие с Речью Посполитой и весной 1656 года открыло военные действия против Швеции. В первые месяцы войны русским армиям сопутствовал успех. Был взят Ниеншанц, Нотебург, Динабург, началась осада Риги. Однако острый недостаток продовольствия и боеприпасов, а также невозможность блокировать крепость с моря, откуда гарнизон получал подкрепление, вынудили русскую армию снять осаду. Военные действия в 1657—1658 годах проходили с переменным успехом, и в 1658 году было заключено трехлетнее перемирие, по которому за Россией остались земли, приобретенные в ходе войны.

Между тем Речь Посполитая, оправившись после перемирия, возобновила войну против России, и царю,

таким образом, предстояло воевать на два фронта. Пришлось пойти на мир с Швецией. По Кардисскому договору 1661 года Швеции были возвращены все земли в Прибалтике, занятые русскими войсками. В итоге попытка пересмотреть кабальные для России условия Столбовского мира закончилась неудачей.

Балтийское море оставалось под полным контролем Швеции, считалось «шведским озером», поскольку южное побережье его, провинции Эстляндия и Лифляндия являлись ее колониями. Шведское правительство, отнюдь не заинтересованное ни в повышении экономического потенциала России, ни в развитии ее культуры, препятствовало приезду в Москву иностранных специалистов, офицеров, поставкам оружия и т. д.

Таким образом, борьбу за выход к морю Петр унаследовал от предшествующего времени. Правда, у Петра был выбор: либо возобновить борьбу за выход к Балтийскому морю, либо бросить силы на овладение южными морями — Азовским и Черным. Царь поначалу избрал второй путь. На то были веские причины. Главная из них состояла в том, что Османская империя, с которой предстояло воевать, была неизмеримо слабее другого противника, в руках которого находились все подступы к Балтийскому морю — Швеции. Царь руководствовался еще одним соображением, быть может, имевшим на первых порах решающее значение: овладение Азовом предоставляло возможность урезонить крымского хана и положить конец разбойничьим набегам крымцев на русско-украинские земли. В случае удачного исхода операции и утверждения России в Азове Крымский полуостров становился уязвимым с моря, что давало возможность контролировать политику хана.

Походу на юг предшествовали знаменитые кожуховские маневры русских войск под Москвой, в которых участвовали все полки, находившиеся в столице, как стрелецкие, так и недавно организованные солдатские. Сохранилось шутливое описание маневров, впрочем, довольно точно рассказывающее о том, что происходило под Кожуховом с 30 сентября по 18 октября. «Сражению» предшествовала словесная перепалка двух командующих армиями, князя-кесаря Ромодановского, носившего чин «генералиссимуса» Фридриха и «генералиссимуса» Ивана Ивановича Бутурлина.

Во время маневров была сооружена крепость, которую должны были оборонять стрельцы Бутурлина. На долю солдатских полков Ромодановского выпало рытье подкопов, бомбардирование крепости ядрами, правда, глиняными и, наконец, штурм. Когда царь обнаружил, что солдаты овладели крепостью без должного сопротивления осажденных, он велел все повторить. Маневры завершились пленением Бутурлина, захватом обоза и знамен, а затем — совместным пиром под гром пушек победителей и побежденных.

Маневры убедили царя в том, что его армия обладает достаточной выучкой, чтобы одержать верх не только над крымцами, но и султанским войском. Решено было двигаться не традиционным путем в направлении к Перекопу, а по рекам Дону и Волге к Азову.

Путь к Перекопу был сопряжен с огромными трудностями, обусловленными необходимостью преодолевать огромные пространства безлюдной и безводной степи. Отсюда надобность в колоссальном обозе, телеги которого были бы нагружены не только пушками, порохом, снаряжением и провиантом, но и питьевой водой. Армия с громоздким обозом утрачивала маневренность, способность быстро передвигаться и оказывать сопротивление столь же внезапно нападавшим, как и исчезающим отрядам татарской конницы.

Новое операционное направление имело ряд преимуществ. Главное из них состояло в освобождении армии от громоздкого обоза. К Азову полки двигались двумя колоннами: первая из них вышла из Москвы в марте 1695 года и маршировала к Воронежу, где ее ждали заранее приготовленное снаряжение и продовольствие, погруженное на струги. Этой колонной командовал Патрик Гордон. Вторая колонна под командованием Федора Алексеевича Головина и Франца Лефорта погрузилась вместе со всем необходимым на барки в Москве и проследовала по Москве-реке, Оке и Волге до Камышина. Путь от Камышина до Паншина войска преодолевали маршем, чтобы вновь погрузиться на струги и двигаться Доном до Азова, где уже расположился лагерь отряд Гордона.

Началась осада Азова. Осаждавшим пришлось довольствоваться малым: они захватили две каланчи, то есть башни, воздвигнутые османами после того, как ка-

заки в течение пяти лет (1637—1642) владели Азовом. Турки соорудили эти каланчи, чтобы протянуть между ними железные цепи и тем самым преградить выход казачьим стругам в Азовское море.

Что касается самой Азовской крепости, то осада не наносила ей урона — осажденные беспрепятственно получали все необходимое морем. Обнаружив неумелую организацию осадных работ, турки совершали внезапные вылазки. Особенно недобрую память русским войскам оставила вылазка 15 июля 1695 года. Голландский матрос Ян Янсен перебежал к неприятелю и сообщил ему ряд ценных сведений о русских войсках: их расположении, инженерном обеспечении осадных работ, быте осаждавших. Противник воспользовался советом Якушки — так называли Янсена русские источники — напасть на полки Петра в те часы, когда солдаты и стрельцы отдыхали после обеда. Внезапная вылазка нанесла значительный урон.

Убедившись в безуспешности осады, Петр решил овладеть крепостью штурмом. Он состоялся 5 августа, но из-за слабой инженерной подготовки — не были проделаны бреши в крепостных стенах, отсутствовала четко разработанная диспозиция — штурм закончился полной неудачей.

Однако Петр не отчаивался. Он намеревался остаться у стен Азова ровно столько времени, сколько понадобится, чтобы овладеть им, но должен был уступить разумным доводам военных консультантов: наступала осень, а вместе с нею — болезни и холод. Правда, напоследок, 25 сентября, войска вновь двинулись на штурм, но он закончился так же плачевно, как и предыдущий.

2 октября началось отступление. Как ни жесток был этот первый урок, Петр не пал духом. Он иронизировал, назвав азовскую акцию «походом от невзятия Азова», был полон желания повторить все сначала. Наконец, он проявил такую сторону своей личности, без которой не может состояться ни один крупный политик — умение извлекать из поражений уроки, превращая эти поражения в ступеньки будущих побед.

Едва ли не самой главной причиной «азовского невзятия» было отсутствие флота, без которого оказалось немыслимым блокировать крепость с моря. Это Петр уяснил сразу и не мешкая приступил к созданию фло-

Медаль на взятие Азова.

та, благо уже был небольшой опыт — верфи Переславского озера с его «потешной флотилией». Над строительством кораблей трудились несколько тысяч плотников, согнанных из ближайшей к Воронежу округи. Дело спорилось, и Петр, сам работавший с топором в руках, доносил князю-кесарю 23 марта 1696 года: «Галеры и иные суда по указу вашему строятся; да нынче же зачали делать на прошлых неделях два галиаса»². В общей сложности было сооружено 1300 стругов и несколько десятков галер.

Азовский поход выявил, сколь пагубно отражалось на действиях войск отсутствие единого командования. Готовясь ко второму походу, царь вручил командование всеми сухопутными войсками боярину Алексею Семеновичу Шеину. Командующим строившимся флотом был назначен Франц Лефорт.

Справедливости ради отметим, что ни Шеин, ни Лефорт не обладали ни талантами военачальников, ни опытом руководства боевыми действиями. Похоже, что Петра это нисколько не смущало, ибо начиная с козуховских маневров и кончая последними операциями Северной войны, царь никогда не возлагал на себя обязанности главнокомандующего, хотя фактически руководил всеми боевыми операциями. Номинальную роль главнокомандующего он охотно отдавал другим: на су-

ше, в годы Северной войны, — фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву, на море — адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину.

Обратил внимание Петр и на отсутствие офицеров, способных руководить осадными работами. Поскольку своими силами справиться с этим не могли, по дипломатическим каналам, через русских представителей в Австрии, прибегнули к найму на службу иностранцев.

В начале мая армия и флот в составе 27 галер и галиасов и огромного числа стругов двинулись к Азову. 20 мая русские войска начали вторую осаду крепости. Турки то ли не ожидали, что русские, не откладывая дела в долгий ящик, предпримут новый поход уже в следующем году, то ли надеялись на неприступность крепостных сооружений, но палец о палец не ударили, чтобы засыпать прошлогодние подкопы и траншеи. Это значительно упростило задачу царским войскам, и они беспрепятственно заняли свои старые траншеи.

Впрочем, использовать эту оплошность османов не довелось. После того как казаки на стругах совершили дерзкое нападение на османские корабли, прибывшие к Азову с подкреплением, и вынудили их отойти от крепости, гарнизон решил сдаться. К этому его склонили не только успешные действия казаков на море и стоявшая на виду флотилия галер, но и интенсивная бомбардировка города. На 22 июля намечался генеральный приступ крепости, но османы, упреждая события, за три дня до штурма капитулировали.

Победу отпраздновали с небывалым до того размахом и новизной: в Москве были сооружены триумфальные ворота, войска торжественно проследовали через всю столицу, привычный колокольный звон в честь победителей дополнялся артиллерийской пальбой. Среди участвовавших находился и бомбардирский капитан Петр Михайлов — царь Петр, — шагавший во главе бомбардирской роты в черном немецком костюме с протазаном на плече. Все почести во время триумфального шествия выпали на долю боярина Шеина и Лефорта, следовавших в роскошных каретах в сопровождении многочисленной свиты из всадников и трубачей.

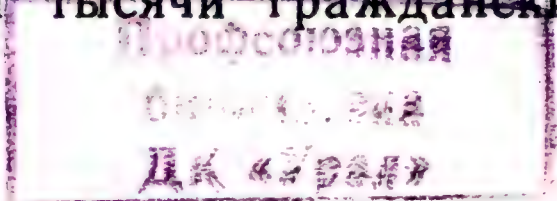
Надо отдать должное Петру — успешными результатами второго Азовского похода он не обольщался, отдавая отчет, что овладение Азовом не открывало мор-

ского пути в Европу, ибо Черное море, равно как Босфор и Дарданеллы, оставалось в руках османов, и следовательно, о свободном мореплавании по Черному морю, выходе в Средиземное море не могло быть и речи до тех пор, пока не будет сломлено могущество Османской империи. Более того, даже завоеванное невозможно было удержать, не располагая мощным военно-морским флотом.

129419
Петр, во многих случаях довольствовавшийся сиюминутными результатами, на этот раз в своих действиях руководствовался дальней перспективой и с присущей ему энергией взялся за создание отечественного флота. В его возможности он уверовал вполне и полагал, что коль он сделал свое дело под Азовом, то поможет совершить еще один шаг вперед, — утвердиться на Черном море. После триумфального возвращения в Москву царь подает боярской думе записку, в которой развивает мысль о необходимости заселения Азова и строительстве флота. Петр писал: «Понеже она (крепость. — Н. П.) разорена внутри и выжжена до основания, также и жителей фундаментальных нет, без чего содержатися не может, и того для требует указу, кого поселить и много ли числом, и жалованья всякая откуды».

Более обстоятельно аргументирована необходимость постройки кораблей. Силами пехоты и кавалерии оборонять Азов невозможно, к тому же «неприятель, видя пресечение генеральных промыслов на себе, паки прежнего гордостию взнявся, паче прежнего воевати будет». В этой фразе имеется завуалированный намек на необходимость продолжать активные боевые действия против османов — они, убеждал царь Думу, возобновят операции, «видя пресечение генеральных промыслов на себе». Глухой намек на существование у царя обширных планов, правда, довольно смутно сформулированных, можно обнаружить и в его заявлениях: «Ныне же, аще воля есть, радети от всего сердца в защищение единых своих и себя к безсмертной памяти» и далее: «время есть и фортуна сквозь нас бежит, которая никогда так к нам блиско на юг не бывала: блажен, иже иметца за власти ея».

Боярская дума вынесла угодные Петру постановления: в Азове оставить три тысячи солдат и стрельцов и, кроме этого, переселить три тысячи гражданских се-

Портрет Петра I
во время
пребывания царя
в Саардаме
(рисунок
неизвестного
голландского
художника).

мейств в качестве постоянных жителей. Что касается флота, то о нем сказано коротко и выразительно: «Морским судам быть».

Казна не располагала средствами, чтобы осилить сооружение флота. Но приговор боярской думы обнаружил выход и из этого затруднения: строительство флота возлагалось на «кумпанства» — принудительно организованные сообщества из светских и духовных феодалов, каждому из которых поручалось сооружение, оснастка и вооружение корабля, а также укомплектование его личным составом. Один корабль надо было поставить от определенного количества крестьян, которыми владели светские и духовные феодалы: монастыри от восьми тысяч крестьян, помещики — от десяти тысяч. Поскольку лишь немногие землевладельцы, как светские, так и духовные, располагали таким количеством

крестьян, чтобы в одиночку соорудить корабль, то подавляющее большинство строило их в складчину, на паях, причем мелкие помещики и монастыри, владевшие менее чем сотней крестьян, вносили в казну деньги. Посадские люди тоже участвовали в создании флота, причем они составили как бы одно «кумпанство», обязанное соорудить 14 кораблей.

Таким образом, овладение Азовом вызвало цепь новшеств: одним из звеньев этой цепи являлось строительство флота, в свою очередь, вызвавшее серьезные социальные последствия — они положили начало тяготам, связанным с преобразованиями. Одна из тягот состояла в введении денежной повинности, другая — в трудовой. Глухой городок Воронеж превратился в оживленный центр кораблестроения, где кипела работа десятков тысяч плотников, согнанных из ближайшей округи.

Во время строительства воронежского флота был обнаружен существенный пробел — отсутствие отечественных кораблестроителей. Сооружением кораблей в Воронеже руководили иноземные специалисты — англичане и голландцы. Но использование иностранцев обходилось слишком дорого — им платили большие деньги. Кроме того, в ориентации на иностранцев был заложен известный риск: страна ставилась в зависимость от государств, выходцами из которых являлись кораблестроители, — их могли в любой момент отозвать. Опыт найма цесарцев во время осады Азова обнаружил все неудобства иметь дело с иноземцами — те прибыли на место со значительным опозданием, когда надобность в них практически отпала, а именно 11 июля, то есть чуть больше, чем за неделю до капитуляции крепости.

Путей подготовки отечественных специалистов было два: открытие специальных учебных заведений в России и отправка русских юношей за границу. Первый путь был более надежен и основателен, но требовал значительного времени; вторым путем результаты можно было достичь быстрее, но страдало качество подготовки, поскольку речь шла об овладении чисто практическими навыками.

У Петра в тех условиях выбора не было — время не позволяло ждать. Поэтому царь сразу же после Азовского похода отправил в Италию группу стольников, мо-

лодых людей из числа придворных. Обращает внимание, что из 35 стольников две трети — 23 человека принадлежали к княжеским фамилиям. Затем царь велел отправить за границу еще одну партию учеников, укомплектовав ее на этот раз не отпрысками аристократов, а лицами, близкими к царю по потешным ротам, маневрам и Азовским походам.

Поездка этой группы за границу, вероятно, не приобрела значения важного события в истории России, если бы в число волонтеров не вошел сам царь, решивший овладеть корабельным мастерством. Не терпелось ему взглянуть и на страны Западной Европы, о которых был наслышан от жителей Немецкой слободы в Москве, часто им навещаемой. Была найдена и удобная форма пребывания царя среди волонтеров: за границу отправлялись не молодые люди для усвоения азов кораблестроения, а великое посольство, наделенное большими полномочиями. Впрочем, было бы неверно полагать, что великое посольство всего лишь камуфлировало царя, скрывавшегося под именем Петра Михайлова. На великое посольство возлагались более важные задачи, чем только устройство волонтеров для работы на верфях. Оно должно было нанять матросов, капитанов, корабельных мастеров для флота в Воронеже, закупить оружие и инструменты. Но главная цель посольства состояла в сколачивании антиосманской коалиции, привлечении в ее состав морских держав, располагавших военно-морским флотом, без которого добиться перевеса в борьбе с Османской империей не представлялось возможным.

Великое посольство возглавляли три посла. Роль первого посла царь возложил на Лефорта. Но не потому, что тот обладал выдающимися дипломатическими способностями, а за изысканные манеры и знание иностранных языков и обычаев при европейских дворах. Фактическим руководителем посольства, при надобности сменявшим платье плотника на парадный кафтан, был сам Петр, без ведома которого не предпринималось ни одной акции.

Посольство отправилось в путь в начале марта 1697 года. Незадолго до отъезда, в феврале, был раскрыт заговор стрелецкого полковника Ивана Елисеевича Цыклера, в котором участвовали окольный Алексей

Остиндская верфь (гравюра XVII в.).

Прокофьевич Соковнин, боярин Матвей Степанович Пушкин и его сын окольный Федор, несколько стрельцов и казаков. Заговорщики намеревались убить Петра. Соковнин рассуждал: «Мочно им (стрельцам. — Н. П.) государя убить; что ездит государь один, а на пожаре бывает малолюдством. И около Посольского двора ездит одиначеством». Заговорщики намеревались вручить скипетр царевне Софье. Впрочем, не прочь был утвердиться на престоле и обрусевший иноземец Цыклер. 4 марта он и его товарищи были казнены на Красной площади, причем один из очевидцев Желябужский, сообщая о церемонии экзекуции, пишет, что ее порядок определил сам царь. Идейным вдохновителем заговора царь считал Ивана Михайловича Милославского, умершего еще в 1685 году. «И в то время к казни из могилы выкопан мертвой боярин Иван Михайлович Мило-

славской и привезен в Преображенское на свиньях, и гроб его поставлен был у плах изменничьих, и как головы им секли, и руда (кровь. — *Н. П.*) точила в гроб на него, Ивана Михайловича»³.

Казалось бы, что Петр после раскрытия заговора Цыклера должен был расстаться с мыслью о поездке за границу. Однако заговор нисколько не нарушил намерений царя.

Великое посольство находилось за пределами России около полутора лет. За это время Петр побывал в Кенигсберге, Амстердаме, Лондоне, Вене, Варшаве, встречался с курфюрстом Бранденбургским Фридрихом III, английским королем Вильгельмом III, королем Речи Посполитой Августом II, обозревал и изучал множество достопримечательностей: мануфактуры, ботанические сады, кунсткамеры, арсеналы, монетные дворы. В промежутках между переговорами, аудиенциями и осмотрами музеев и предприятий работал на Саардамской верфи плотником и во главе десятка волонтеров соорудил и спустил на воду фрегат «Петр и Павел».

Не во всем посольству сопутствовал успех. Лучше всего обстояло дело с устройством волонтеров. Саардамская верфь Остиндской компании являлась школой, где они приобретали навыки кораблестроителей. Труднее шел наем матросов и офицеров и закупка оружия. Четыре раза послы встречались с представителями голландского правительства и всякий раз получали вежливый, но твердый отказ в помощи, мотивированный тем, что Голландия только что закончила изнурительную войну с Францией и не располагала ни деньгами, ни лишним оружием, чтобы поделиться и тем и другим с Россией. Кроме того, морские державы были озабочены подготовкой к новой войне с Францией, на этот раз за испанское наследство. В конечном счете посольству все же удалось закупить и доставить в Архангельск значительную партию оружия, инструментов, а также нанять разнообразных специалистов, среди которых преобладали кораблестроители и моряки.

И уж совсем застопорилось дело, когда великое посольство пыталось решить задачу возрождения и усиления антитурецкой лиги. Обнаружив нежелание морских держав оказывать помощь России, великое посольство посчитало, что вести переговоры о присоединении Анг-

Медаль на первое путешествие Петра I по Европе.

лии и Голландии к Священному союзу в составе России, Австрии и Венеции бесполезно. Лефорт точно передал настроение голландцев в короткой записке царю, написанной латинскими буквами: «Они не хотят ничаво дать».

И тем не менее дипломатическую миссию великого посольства нельзя считать провалившейся. Ему действительно не удалось усилить свою позицию в борьбе с Османской империей приобретением новых союзников, но зато оно позволило прояснить отношение партнеров по переговорам к возможному их участию в антиосманской коалиции.

Миссия великого посольства позволила России круто изменить направление борьбы за выход к морю: вместо утверждения на южных морях Россия решила добиваться возвращения своих владений на Балтийском море. В этих условиях менялся и противник, закрывавший России доступ к морским просторам: место Османской империи заняла Швеция.

Изменение внешнеполитической ориентации России обнаружилось 6 июня 1697 года в Кенигсберге, где великое посольство начало переговоры с курфюрстом Бранденбургским Фридрихом III. Встреча завершилась подписанием союзного договора. В ходе переговоров представители курфюрста предложили включить в договор статью, предусматривающую взаимную помощь друг

другу в случае нападения на одну из сторон третьей стороны. Хотя документ и не называл возможного агрессора, но под ним подразумевались соседи России и курфюршества — Речь Посполитая и Швеция. Именно эта статья и вызывала возражения великих послов. Свою позицию послы мотивировали тем, что эта статья противоречит мирным договорам, заключенным Россией со Швецией и Речью Посполитой и утвержденной клятвой государей.

Договор был подписан без статьи о взаимной помощи. Но ее заменила устная клятва царя и курфюрста о взаимной помощи, особенно против шведа»⁴. Это был первый шаг (практическое значение его ничтожно) на пути создания Северного союза. Следующий шаг связан со свиданием Петра с саксонским курфюрстом и польским королем Августом II.

Петр вместе с посольством выехал в Вену 15 мая 1698 года. В столице империи состоялась встреча с императором Леопольдом I. Из Вены царь намеревался отправиться в Венецию и уже готов был сесть в карету, как из Москвы было получено известие о стрелецком бунте. Поездка в Венецию была оставлена. Петр сломя голову помчался в Россию, делая лишь кратковременные остановки для обеда и смены лошадей. Но на четвертые сутки пути, 22 июля, когда царь остановился на ночлег, стало известно о разгроме восставших стрельцов под Новым Иерусалимом. Планов царя эта успокаивавшая весть не изменила — он продолжал путь в Россию, хотя уже и не с такой скоростью, как прежде. Особенно надолго он задержался в Раве Русской, где встречался с саксонским курфюрстом и польским королем Августом II. Здесь пирушки, смотры саксонских войск и развлечения чередовались с дипломатическими переговорами, причем велись они с глазу на глаз, без свидетелей, так что польские вельможи даже не подозревали о предмете разговоров. Собеседники обсуждали план борьбы с общим неприятелем — Швецией. Разъезжались друзья, обязавшись только «крепкими словами о дружбе», не оформив эти «крепкие слова» официальным договором.

Так был положен камень в основание будущего Северного союза.

Русское посольство в Вене у императора Леопольда в 1698 г. (фрагмент гравюры начала XVIII в.).

НА ПУТЯХ

К СЕВЕРНОМУ СОЮЗУ

После возвращения царя из затянувшегося путешествия в страны Западной Европы его внимание было приковано к трем сюжетам. Во внутренней жизни страны его в первую очередь интересовал стрелецкий розыск, а также строительство воронежского флота и проведение городской реформы. Во внешней политике Петр уже не довольствовался определением ее целей на ближайшее и отдаленное будущее, он окунулся в повседневные заботы дипломатической службы и выступал исполнителем собственных намерений. Здесь энергия царя была мобилизована на решение двух, хотя территориально и разобщенных, но тесно взаимосвязанных задач: на юге надлежало дипломатическими средствами закрепить результаты Азовских походов договором с Османской империей; более, чем юг, царя интересовал север — если на юге подводились итоги прошлому, то на севере взоры были устремлены в будущее, там вызревала идея формирования антишведской коалиции.

Третий вопрос имел для царя сугубо личное значение

Ф. Ю. Ромодановский.

и относился к его семейным делам — разрыву брачных уз, связывавших его с опостылевшей царицей Евдокией. Для нас же, бесспорно, первостепенное значение представляет дипломатическая подготовка Северной войны, сколачивание антишведской коалиции.

Изменение направления усилий для решения кардинального вопроса — овладения морским побережьем сопровождалось перемещением центра тяжести внешнеполитических действий с юга на север и смену противника — место Османской империи должна была занять Швеция. Естественно, при этом надо было заручиться уверенностью в безопасности южных границ: воевать на два фронта, и против окончательно не утратившей былого могущества Османской империи, и против Швеции, у России не было ни финансовых, ни экономических, ни военных ресурсов. Однако царя не устраивало основание будущего мира с Турцией на принципе «*uti Possidetis*» («кто чем овладел, тем и владеет»), который отстаивали союзники России — участники Священной лиги. Дело в том, что Австрия и Венеция за время войны с 1684 по 1698 год добились значи-

тельных территориальных приобретений: Австрия овладела Венгрией, Семиградией, Словенией, Сербией и частью Боснии; к Венеции отошли Далмация и Морея. На фоне этих приобретений овладение Азовом, а также приднепровскими крепостями (Тамань, Казыкермень, Гасланкермень и Шангирей) являлось слабой компенсацией за понесенные затраты материальных и людских ресурсов в двух крымских и двух Азовских походах.

Поручение Петра оставленному в Вене третьему послу посольства Прокофию Богдановичу Возницыну состояло в том, чтобы во время переговоров с Османской империей выторговать для России максимально выгодные условия мира или перемирия. Усердие Возницына царь поощрил пожалованием ему дотоле неведомого чина — из думных дьяков в думные советники.

Новоявленный думный советник первоначально пытался действовать заодно с союзниками, но очень скоро убедился в тщетности своих усилий. Поэтому Возницын, как, впрочем, и другие послы, вступил с османами в конфиденциальные контакты. Тому представился благоприятный случай — в составе османской делегации на конгрессе находился давний знакомый Возницына — Александр Маврокордато, с которым он имел дело еще во времена своего посольства в Стамбул в 1681 году. Но, увы, старое знакомство не помогло — попытка действовать через Маврокордато оказалась безрезультатной. Тогда вслед за тайной дипломатией наступило время дипломатии явной — начались переговоры на конгрессе. 9 ноября состоялась первая встреча русской и османской делегаций, во время которой стороны изложили условия перемирия, причем и те и другие предложили их с большим запросом: османы призывали следовать примеру царя Михаила Федоровича, возвратившего ради дружбы с ними Азов, захваченный казаками (ради «приятства» русские должны вернуть Азов и сейчас). Настаивали они и на разрушении приднепровских городков, находившихся в руках России.

Возницын же, действуя по посольскому наказу, потребовал у турок Керчь. О том, какое впечатление это требование произвело на османских представителей, Прокофий Богданович колоритно живописал в «Статейном списке»: «И когда турецкие послы то слышали, в великое изумление пришли и вдруг во образе своем пе-

ременились и, друг на друга поглядя, так красны стали, что большаго того невозможно быть. И немало время молчав и с собою шептав, говорили, что они того не чаяли... И как тот Керчь отдать? Он стоит на устье Черного моря против Тамани и царскому величеству отнюдь не пристоеен и держит врага всего Черного моря и Крымского острова и град тот великой и не обмолвился ли он в имени и в ином чем»¹.

После оживленных споров стороны разошлись, не придя к соглашению ни по одному пункту. На второй конференции, состоявшейся 12 ноября, стороны как бы молчаливо признали нереальность выдвинутых ими условий и как по команде не упоминали ни о передаче Керчи, ни о возвращении Азова. Спор разгорелся вокруг приднепровских городков. Но и на этот раз он закончился ничем.

И все же настойчивость и долготерпение Возницына в конце концов были вознаграждены. 14 января 1699 года стороны подписали перемирие сроком на два года, в течение которых должен быть заключен мир или продолжительное перемирие. Спорные вопросы остались нерешенными, и их урегулирование договор оставлял на будущее. Единственное условие договора, четко сформулированное, состояло в том, что между Россией и Османской империей на два года прекращались военные действия.

Итоги Карловицкого конгресса для России имели положительное значение. Это был первый конгресс европейских государств с участием России. Страна выходила на широкую международную арену. Возницыну удалось одержать верх в споре с османскими послами, отклонить все их претензии и не поступиться ничем, что было завоевано.

Последующая задача состояла в замене краткосрочного двухлетнего перемирия многолетним миром. Необходимость в нем ощущалась тем острее, чем успешнее продвигалось к завершению оформление Северного союза. Осуществить эту нелегкую задачу выпало на долю руководителя Посольского приказа думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева. Петр внял совету Возницына отправить посольство не традиционным путем по суше, а непременно морем, причем на военном корабле. Эта идея вполне импонировала царю, во-пер-

вых, потому, что он получит возможность опробовать в море свое детище — корабли, сооруженные кумпанствами, во-вторых, отправка флота к границе морских владений Османской империи — Керчи, равно как и морскому путешествию Украинцева через Черное море в Стамбул, придавалось значение военной демонстрации. Перед султанским двором Россия должна была предстать в новом грозном качестве морской державы.

Как и все послы, Украинцев был вооружен двумя инструкциями. Одной гласной, открытой, предъявляемой в стране аккредитования и предусматривавшей преимущественно парадные обязанности посла: его поведение во время церемоний и тексты речей, произносимых на этих церемониях. Другая инструкция, секретная, по-деловому, без показной парадности и витиеватого многословия, определяла условия торга во время переговоров: максимум и минимум претензий к партнеру и максимум и минимум уступок ему. Поскольку ответы на отправляемые послом запросы приходили медленно, документы из Стамбула до Москвы и обратно оборачивались в лучшем случае за три-четыре месяца, то указы по заведенной традиции пытались предусмотреть все многообразие ситуаций, в которых мог оказаться посол.

Тайный наказ предлагал Украинцеву завершить переговоры заключением вечного мира или перемирия сроком на 25 лет, не соглашаясь ни на какие территориальные уступки. Азов, Казыкермень и другие городки должны остаться во владениях России. «Где то слыхано, — должен был парировать требования османов посол, — чтобы с такими трудами и убытками взятые города и крепости отдавать без всякой причины».

Эскадра, направлявшаяся к Керчи, первоначально состояла из двенадцати линейных кораблей, четырех галер, тринадцати бригантин и одиннадцати галиотов. Выйдя из Воронежа 27 апреля, она почти месяц добиралась до Азова, а затем бросила якорь у крепости Керчь.

В Стамбуле полагали, что русское посольство, прибыв на корабле в Керчь, продолжит свой путь в столицу Османской империи по суше. Каково же было удивление паши, когда на рейде он увидел не один посольский корабль, а целую эскадру. Более того, посол заявил о намерении достичь столицу на 46-пушечном корабле «Крепость». Такого поворота событий не пред-

усматривал ни султанский двор, ни керченский паша. Все попытки должностных лиц крепости заставить Украинцева двинуться в столицу по суше закончились неудачей. Посол был непоколебим. 28 августа «Крепость» подняла паруса и 7 сентября, под артиллерийскую канонаду, бросила якорь против султанского дворца — сераля. Появление русского корабля в столице вызвало не меньшую сенсацию, чем прибытие эскадры в Керчь. Многие жители Стамбула с удивлением рассматривали корабль, сомневаясь при этом, что он сооружен русскими людьми и вооружен пушками, отлитыми русскими мастерами. Только предоставленная возможность осмотреть корабль рассеяла сомнения персонала французского посольства: «Не по малу они дивятся, что в Русском государстве строятся корабли, чего прежде не бывало и не слыхано»². Не удержались от соблазна осмотреть корабль сам султан и везирь.

Первый контакт Украинцева с османскими дипломатами произошел 4 ноября, когда думный дьяк предъявил везирю грамоту, уполномочивавшую заключить прочный мир. Затем начались изнурительные переговоры, продолжавшиеся восемь месяцев. 23 раза встречался чрезвычайный посланник с турецкими представителями, которые, в отличие от русской стороны, придерживались уже знакомой по Карловицкому конгрессу тактики — требовать с «запросом». Их план, по-видимому, состоял в том, чтобы, добившись от посланника одной уступки, выдвинуть другую, а вслед за нею третью. Именно эта манера османов вести переговоры придала им затяжной характер.

Поначалу османы потребовали от русских «какой-нибудь уступки, чем бы раздраженные сердца могли приттить к умягчению», причем долгое время они не пытались даже уточнить характер этой уступки, а только пугали, что без нее «не для чего много о иных трудиться».

Только на шестой конференции, 23 декабря, «думные люди» — так русский посланник называл своих оппонентов по переговорам — раскрыли карты и заявили, что они под «какой-нибудь уступкой» подразумевали Казыкермень с приднепровскими городками. Получив решительный отказ, турецкие представители пошли на компромисс, который, впрочем, не устраивал русских:

они предложили Казыкермень передать султану, а царю предоставлялось право сооружать близ него новый город, посадив в нем ратных русских людей.

Неизвестно, как долго продолжались бы территориальные споры, особенно о приднепровских городках, грозившие привести к разрыву переговоров, если бы в Стамбул в последний день января 1700 года не прибыл из Москвы гонец — сержант Преображенского полка Никита Иванович Жернов. Он доставил Украинцеву письмо царя и инструкцию. Ради скорейшего заключения мира или продолжительного перемирия Петр, находившийся в курсе переговоров из еженедельных донесений посланника, решил пойти на уступки османам.

К сожалению, текста инструкции не сохранилось, но из дошедшего до нас письма царя явствует, что речь шла о его согласии передать султану приднепровские городки. «Только, конечно, учини мир, — увещевал царь своего дипломата, — зело, зело нужно».

Украинцев, чтобы не показывать своей заинтересованности в быстрейшем завершении переговоров, не сразу объявил об изменении своей позиции. Сначала он на десятой конференции, 12 февраля, предложил оставить эти городки во временном владении России, чтобы через шесть-семь лет вернуть их султану, на что «думные люди» «отозвались, что мы предлагаем такой средок на лукавстве, играя, аки малые дети». На следующей конференции Емельян Игнатьевич согласился передать османам приднепровские городки, предварительно разорив их. 16 марта «думные люди» приняли это предложение.

12 апреля на посольском дворе в Стамбуле появился гетманский канцелярист Иван Черныш, доставивший Украинцеву еще одно письмо царя, подписанное 20 февраля. Петр уполномочивал посланника пойти на дополнительную уступку, а именно — передать османам приднепровские городки, не разоряя их. К счастью, письмо царя запоздало — ко времени приезда Черныша в Стамбул стороны пришли к соглашению, причем более выгодному для России, чем условия, на которые соглашался Петр, — городки надлежало разорить, а не передать их неразрушенными.

Это была последняя уступка со стороны России. По-

Корб. Казни стрельцов в 1698 г. (фрагмент).

лученная вместе с письмом инструкция предписывала Украинцеву прямо спросить у османов: «Мир ли хотят делать или войну и противу сего учинили б отповедь немедленно и больше того не живи»³.

Казалось бы, что после решения территориальных споров партнерам оставалось выполнить лишь некоторые формальности: перевести договор на латинский язык и обменяться текстами. Но у османов, окрыленных уступчивостью русских, разгорелся аппетит, и они потребовали разрушения всех городков, примыкающих уже к Азову. Речь шла о Таганроге, Павловске и Миусе, которые еще не были построены. Украинцев остроумно возразил:

протест османов против не построенных Россией приазовских городков подобен тому, «как кто кому отдает кафтан, а рукава того кафтана оставляет у себя, и то платно (платье. — Н. П.) стало ни тому, ни другому». Когда это требование было отклонено, турки выдвинули новое — настаивали на уплате крымскому хану ежегодных поминок — дани: «А без той дачи и поминков мир статься не может и султан в таком бесчестии его, хана, не учинит». Твердая позиция Украинцева вынудила «думных людей» отказаться и от этой претензии.

Константинопольский договор, подписанный 3 июля 1700 года, состоял из 14 статей, из которых первая устанавливала перемирие на 30 лет, а вторая предусматривала передачу приднепровских городков, предварительно разоренных, Османской империи. Принципиальное значение имела четвертая статья договора, оставлявшая во владении России Азов со всеми городками.

На родину посольство возвращалось сухим путем и прибыло в Москву 10 ноября, то есть после того, как Россия объявила войну Швеции и началась осада Нарвы. Аудиенция чрезвычайного посланника царя состоялась 11 декабря в Преображенском. Петр счел, что посольство выполнило свою миссию успешно. Подтверждением положительной оценки деятельности Украинцева служит пожалование ему вотчины в Каширском уезде.

Украинцев действительно справился с поручением лучшим образом, он доставил в Москву результаты своих восьмимесячных усилий — договор о тридцатилетнем перемирии, которого с таким нетерпением жаждал царь, и тем самым решил возложенную на него главную задачу, то есть сделал то, чего не удалось достичь на Карловицком конгрессе.

Одновременно с переговорами в Карловицах и Стамбуле в Москве разворачивались события, влияние которых на историю России в течение двух десятилетий нового века трудно переоценить. В Карловицах и Стамбуле усилия Петра и его дипломатов были направлены на заключение мира. В Москве Петр энергично сколачивал союз ради войны.

Отметим в связи с этим два момента: на юге главными действующими лицами были дипломаты Петра; в Москве же государь отстранил их от дел и практически в одном лице представлял всю дипломатиче-

скую службу страны. Отличие состояло еще и в том, что, добиваясь выхода к южным морям, Россия посягала на не принадлежавшие ей земли; ведя дипломатическую подготовку к войне на севере, Россия претендовала на возвращение издревле принадлежавших ей территорий, отторгнутых у нее в годы слабости и лихолетья.

Если антитурецкая лига рассыпалась из-за отсутствия общих интересов у бывших союзников, то на севере складывалась противоположная ситуация. И Дания, и Саксония, и Россия, хотя и по-разному, были ущемлены шведским великодержавием. Причем каждая из сторон была заинтересована в союзе.

В основе противостояния Дании Швеции лежало их давнее соперничество за господство на Балтийском море. В последние десятилетия эта борьба склонялась в пользу Швеции, превращавшую Балтику в шведское озеро. Шведам удалось даже создать реальную угрозу Дании с юга, со стороны суши, заручившись поддержкой Шлезвиг-Голштинского герцогства. В 1699 году, вопреки всем предшествующим договорам, в герцогство было введено 1200 шведских солдат. В таких условиях король Дании Христиан V проявлял большую заинтересованность в поиске союзников, могущих остановить движение своего опасного конкурента. Взор его обратился в сторону восточного соседа — России, с которой у Дании установились традиционно дружеские отношения. Уже весной 1697 года в Москву было направлено посольство Павла Гейнса, который должен был прозондировать почву относительно антишведского союза двух держав.

Свидание Петра с Гейнсом состоялось в ночь с 21 на 22 октября 1698 года. Оно было лишено обычных пышных церемоний, проходило в полной тайне, в доме датского поверенного Бутенанта. 2 февраля 1699 года состоялась еще одна встреча, столь же таинственно обставленная и беспротокольная. «Царь сделал мне знак следовать за ним в отдельную комнату, — доносил Гейнс в Копенгаген, — приказал запереть двери и спросил, что я могу ему предложить». Затем переговоры были продолжены в Воронеже, причем глава Посольского приказа, Ф. А. Головин был привлечен к ним только на самом последнем этапе.

В конце ноября 1699 года договор с Данией был со-

Король
польский
Август II
(гравюра
XVIII в.).

гласован. Он состоял из одиннадцати открытых и двух тайных статей. В открытых статьях стороны обязались по истечении трехмесячного срока со времени акта агрессии оказывать взаимную помощь от «нападателя и оскорбителя». Две сепаратных статьи уточнили некоторые детали. Поскольку у союзников не было общих границ, то каждый из них должен был открыть военные действия «вблизи во отстоющих местах», то есть вблизи своих границ. Конкретизировались и условия вступления в войну России: оно могло состояться только после заключения мира с Османской империей⁴.

Особые основания для вступления в Северный союз были у Августа II. Напомним, что в течение долгой жизни он выступал в двух ипостасях: саксонского курфюрста и польского короля. Война, причем не какая-нибудь, а победоносная и без больших затрат материальных и людских ресурсов, была крайне нужна Августу, чтобы упрочить свое положение как в Саксонии, так и в Речи Посполитой. В Саксонии вызывали разочарование беспринципность и легкомыслие курфюрста, кото-

рый, ради получения польской короны, отрекся от протестантизма и принял католичество. В Речи Посполитой против него выступали влиятельные магнаты, считавшие, что он являлся в большей мере курфюрстом, нежели польским королем, склонным блюсти в первую очередь интересы Саксонии, а затем уже Речи Посполитой.

В Северный союз вступала не Речь Посполитая, претендовавшая в случае успеха на Лифляндию, а Саксония, не имевшая территориальных притязаний к Швеции. Но таковы были странности межгосударственных отношений тех времен, находившихся под сильным воздействием воли монархов и династических интересов. Дело в том, что шляхта обусловила избрание Августа II королем его обязательством вернуть Лифляндию в лоно Речи Посполитой. Поэтому саксонские солдаты должны были своей кровью оплачивать обещания, данные курфюрстом сейму.

11 ноября в Преображенском Петр ратифицировал договор с саксонским курфюрстом. Он был составлен на бланке, заранее подписанном Августом II, и поэтому не нуждался в ратификации.

Договор признавал исторические права России на земли, «которые корона Свейская при начале сего столетнего времени при случае тогда на Москве учинившегося внутреннего несогласия из-под царской области и повелительства отвлекла и после того времени чрез вредительные договоры за собою содержать трудилась». Стороны обязались друг другу помогать в войне против общих неприятелей и не заключать мира до удовлетворения требований, ради которых она началась: «...и никому из обеих сил высоких союзников никак мирных предложений не слушать и не принимать без соизволения другого». Русские войска должны были вести военные действия в Ижорской земле и Карелии, а саксонские — в Лифляндии и Эстляндии. Царь обязался повелеть своим послам в Стамбуле о быстрейшем заключении мира или длительного перемирия с османами «хотя бы и с убытками» с тем, чтобы договор был заключен не позже апреля 1700 года. Вслед за этим Россия немедленно объявляет войну Швеции.

Переговоры царя с представителями датских королей, сначала Христиана V, а затем Фредерика IV, а также саксонского курфюрста Августа II были ослож-

нены прибытием в Москву шведского посольства. Грамота Карла XII о намерении прислать в Россию посольство была получена в конце 1698 года, но оно прибыло в Москву со значительным опозданием, — 26 июля 1699 года.

Л. К. Нарышкин пригласил шведских послов на аудиенцию в свою подмосковную вотчину село Чашниково, где им довелось выслушать выговор за прибытие не ко времени: царь долго ждал их, даже задержал свой выезд из столицы, а теперь находится в продолжительной отлучке в Воронеже и Азове. Во время аудиенции послы сообщили Нарышкину о цели своего приезда: в Швеции умер король Карл XI, его преемником стал Карл XII. Новый король послал их, чтобы царь дал «присягу на св. Евангелии и тот вечный мир своею государскою душою и крестным целованием подтвердить».

Начались обычные в дипломатической практике тех времен споры по поводу этикета. Очень важной считалась церемония, выражаясь современным языком, вручения верительных грамот, то есть документов о полномочиях послов при выполнении определенных поручений. Такого рода грамоты вручались лично царю во время торжественной аудиенции. Поскольку шведские послы прибыли не вовремя, в отсутствие царя в столице, и эта оплошность произошла по их, послов, вине, то Нарышкин потребовал вручения королевской грамоты «ближним боярам». Послы сочли подобное предложение ущемляющим честь их государя и решительно отказались. В свою очередь, Нарышкин категорически отверг требование клятвы на Евангелии, заявляя, что Кардисский договор, на условия которого ссылались послы, подобного действия царя не предусматривал: «Такого обязательства, — заявил он, — в той статье не написано, а говорят они о том напрасно, знатно не ведая совершенно тех статей постановления»⁵.

Предварительные переговоры в селе Чашниково к соглашению не привели: послы королевскую грамоту «ближним боярам» не отдали; что касается клятвы царя на Евангелии и целования креста, то послы оставили вопрос открытым до получения из Стокгольма текста Кардисского договора на шведском языке.

26 июля 1699 года состоялся торжественный въезд посольства в Москву. Заметим, что посольство въезжа-

ло в столицу в дни, когда переговоры о союзе с Данией практически вступили в стадию завершения, а переговоры с Саксонией находились в самом разгаре. Тем не менее это никак не отразилось на церемонии встречи посольства с персоналом в 150 человек. Послов принимали с обычной торжественностью и даже более того — подчеркнуто радушно и с бóльшим, чем прежде, почетом. Никаких симптомов назревавшего военного конфликта хозяева не выказали, как не проявили они и никаких признаков недоброжелательства, а гости, естественно, тоже не обнаружили ни того, ни другого.

Отказ послов вручить «ближним боярам» королевскую грамоту лишал их официального статуса и возможности вести переговоры. Такое право посольство получило только после торжественной аудиенции у царя, состоявшейся 13 октября.

Старинный ритуал приема послов причудливо сочетался с новшествами. По обе стороны улицы, по которой следовал посольский кортеж, расставили не стрельцов, как бывало ранее, а солдат; новостью было и использование солдат вместо жильцов — дворцовых чинов — во время посольского шествия.

Во время аудиенции тоже было введено новшество: экипировка царя и бояр существенно отличалась от традиционной — вместо тяжелой одежды из парчи, украшенной драгоценными камнями, царь предстал в суконном кафтане; бояре тоже были облачены не в собольи шубы и горлатные шапки, а суконные кафтаны.

На следующий день после аудиенции состоялась первая конференция. Предметом обсуждения оставался все тот же спорный вопрос, наметившийся еще во время неофициальной встречи послов с Нарышкиным: давать или не давать царю клятву на Евангелии и целовать ли крест в знак неукоснительного выполнения Кардисского мира 1651 года, Плюсского соглашения, заключенного в развитие Кардисского мира на реке Плюсе в 1666 году, а также Московского постановления 1684 года, дополнявшего Кардисский и Плюссский договоры.

Русские представители считали такую церемонию излишней, так как Петр давал клятву в 1684 году. Шведские послы твердили свое: прежнюю клятву царь давал Карлу XI, теперь трон занимает Карл XII.

Переговоры грозили затянуться до бесконечности.

Вывел их из тупика опытный полемист Ф. А. Головин. Он сослался на прецеденты в русско-шведских отношениях: королева Христина в 1635 году присылала к царю Михаилу Федоровичу послов для подтверждения вечного мира, и русский царь второй клятвы не давал, подтвердив Столбовский договор «докончальной грамотой»; равным образом, царь Алексей Михайлович в 1646 году отправил королеве Христине своих послов, и та тоже «обещания не чинила и душою своею тех договоров не закрепляла», а подтвердила их докончальной грамотой.

Доводы Головина произвели впечатление на шведских послов, и те отказались от своего требования.

На первый взгляд может показаться, что стороны затеяли праздный спор, не имевший никакого практического значения. Такое мнение покоится на игнорировании роли столетиями складывавшегося в каждой стране дипломатического этикета. Отсутствие выработанных международных норм поведения дипломатов восполнялось прецедентами, становившимися традициями. Любое новшество с трудом пробивало себе признание, а новшеству, ущемлявшему престиж государя, путь к утверждению был закрыт. Требование шведов относилось к разряду тех, которые наносили урон государевой чести.

Была еще одна причина упорства русских дипломатов — она тоже лежит на поверхности и была обусловлена двойной игрой, которую вел царь: одновременно с подтверждением вечного мира с Швецией, он вел переговоры с целью заключения союзов для войны с той же Швецией. С точки зрения морали того времени было предосудительно возлагать на себя бремя клятвoprеступника. Можно возразить, что, выступая одним из инициаторов войны, Петр все равно нарушал клятву, данную в 1684 году. Но этому ходу мыслей можно дать отвод: нарушению той клятвы предшествовала недружелюбная акция рижской администрации к великому посольству. Следовательно, нарушителем договоров выступала не Россия, а Швеция. Поэтому Петр, надо полагать, облегченно вздохнул, когда Головин известил его о ненужности давать клятву.

Кстати, на конференциях среди других вопросов межгосударственных отношений «рижский инцидент» был поднят русской стороной. Рижский генерал-губернатор знал о том, что в составе посольства находился царь,

и тем не менее послы «в Риге хотя б ласковым словом приветственны были». Более того, подозревая посольство в прозаическом шпионаже, генерал-губернатор сначала ограничил его свободу, а затем, по сути дела, выдворил его. Головин потребовал, чтобы послы донесли королю об этом казусе и тот велел бы рижскому губернатору Дальбергу и рижанам «за то утеснение и за их посольское бесчестие обороны, чтоб впредь иным таким чинить было неповадно».

20 ноября состоялась прощальная аудиенция. Вероятно, послы, покидая Москву, полагали, что ими лучшим образом выполнена возложенная на них миссия — они везли в Стокгольм царскую грамоту, подтверждавшую кабальные для России условия Столбовского мира, подтвержденного Кардисским договором и другими соглашениями, не подозревая, что близится час расплаты за неправоное стяжание.

Ноябрь 1699 года был знаменательным месяцем в истории русской дипломатии — в этом месяце, 11, 20 и 23 ноября, было заключено три договора, причем два из них действовали в диаметрально противоположном направлении по отношению к третьему: два союзных договора были нацелены на войну России с Швецией, а третий подтверждал миролюбивые намерения России к той же Швеции.

Как случилось, что ни шведский резидент в Москве Томас Книпперкрон, долгое время живший в России, ни послы за четыре месяца пребывания в столице не обнаружили ни малейших признаков, которые могли бы их насторожить относительно внешнеполитических планов царя, и в конце концов дали себя легко обвести? Прямого ответа на вопрос источники не дают, поэтому ограничимся предположениями.

Такое могло случиться при абсолютной уверенности в полной безнаказанности за содеянное в 1617 году. Отсюда убежденность, что Россия, потерпев неудачу в 1658—1661 годах вернуть утраченное, более не осмелится повторить такую попытку. Возможно также, что шведские дипломаты оказались людьми недалекими и внешнюю предупредительность приняли за чистую монету. Но главное — надо отдать должное искусной дипломатии Петра, ведению им переговоров так, что о них не просочилось информации ни в Стокгольм, ни в Стамбул.

Нарва в XVIII в.

НАЧАЛО

«ТРЕХВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ»

В 1700 году продолжалась как дипломатическая, так и особенно военная подготовка к Северной войне. В дипломатии было достигнуто главное — Россия должна была вступить в единоборство не в одиночестве, а в союзе с достаточно сильными партнерами: Саксонией, располагавшей современной регулярной армией, и Данией, главным козырем которой был военно-морской флот, которого Россия на Балтике не имела. В совокупности силы Северного союза, в создании которого немало стараний приложил Петр, во много крат превосходили армию Швеции с ее ограниченными людскими ресурсами.

После оформления Северного союза задача русской дипломатии состояла в том, чтобы столь же искусно продолжать убаюкивать шведов относительно подлинных намерений России и утверждать их в мнении, что никакая опасность со стороны восточного соседа им не угрожает. Скрыть эти намерения от шведского посольства, как уже отмечалось, удалось в полной мере — оно оставило Москву в полной уверенности в миролюбии

Б. П. Шереметев.

царя и его готовности неукоснительно соблюдать условия Кардисского мира.

Этой цели должно было служить ответное посольство, такое же великое, как и шведское, нарочито укомплектованное виднейшими сановниками страны. В его состав вошли боярин князь Яков Федорович Долгорукий, окольничий Федор Иванович Шаховской и думный дьяк Любим Долинин. О том, что успех в этой игре не покидал царя, свидетельствует поведение шведского резидента в Москве Томаса Книпперкрона, который, как и прежде, ничего не подозревал, и поспешил Ф. А. Головину выразить радость по поводу назначения руководителем посольства Я. Ф. Долгорукого, имевшего, по его мнению, превосходную репутацию: он, по отзыву шведского резидента, был человек «изрядный, разумный и прежде сего бывший в таком же чину у высоких потентов с похвалою».

Авторитет посольства подчеркивался тем, что ранее его отъезда из Москвы в Стокгольм был отправлен ближний стольник князь Андрей Яковлевич Хилков,

официальная миссия которого состояла в том, чтобы известить шведское правительство об отправке великого посольства из России, а затем остаться в Швеции резидентом.

В отличие от великого посольства, не спешившего с подготовкой и с отъездом в Швецию, сборы Хилкова в путь производились с неведомой дотоле поспешностью. 21 апреля ему объявили царский указ, а 9 мая он, снабженный соболиной казной и наказом, выехал из Москвы.

По всему видно, что Хилков не был посвящен в тайные замыслы царя замаскировать приготовления к войне и отправился в путь в полном неведении. Впрочем, при достаточной опытности и проницательности Хилков мог догадаться о цели своего пребывания в Стокгольме — инструкция чрез меру возлагала на него обязанности разведывательного характера: сообщать в Москву все сведения, которые он раздобудет, о военных действиях Августа II против Швеции, о количестве находившихся под Ригой войск, об отношениях Швеции с Данией, Францией, Бранденбургом и Османской империей, о численности гарнизонов, укреплениях и вооружении пограничных Нарвы, Орешка и Копорья и т. д.

Возможно, что с точки зрения современности политика Петра выглядит не с самой лучшей — в нравственном отношении — стороны. Но не следует забывать, что сам Петр и его окружение исходили из практики XVII—XVIII веков. Так поступали и до него и после и его союзники, и его противники. Причем царь выступал в роли ученика у своих европейских коллег и, как показало время, ученика даровитого и способного.

25 июня 1700 года Хилков пересек русско-шведскую границу, испытывая — это следует из отправленного Ф. А. Головину письма — немалые затруднения, поскольку ему довелось исполнять дипломатические поручения впервые в жизни. «Ей, дело незаобычайное, — жаловался он, — и такой труд, что богу моему сведуща всегда, бедной, всего стерегуся, да не знаю, как и стеречься в таком своем несчастном часе»¹.

19 августа Карл XII дал Хилкову аудиенцию, причем был вежлив и предупредителен. Через неделю после аудиенции Хилкову было объявлено, что король согласен иметь его при своем дворе царским резидентом. Однако в сентябре дипломатическая служба князя прерва-

Карл XII
(гравюра
с портрета
Крафта,
1717 г.).

Carolus

лась — Хилкову было объявлено, что по указу короля велено поставить у его двора караул по той причине, что царь открыл против Швеции военные действия. Началась изнурительная восемнадцатилетняя жизнь Хилкова в качестве интернированного дипломата. В Стокгольме он и умер, так и не вернувшись к родному очагу.

Царь лично проявил живейший интерес к крепостям, на которые русская армия должна была обрушиться в первые дни войны — к Нарве и Нотебургу. Для сбора сведений о системе их укреплений, численности гарнизонов и прочей информации Петр послал в названные крепости такого надежного и знающего человека, как Василий Дмитриевич Корчмин. В письме к Ф. А. Головину от 2 марта 1700 года царь писал: «Пришло мне на мысль: сказывал мне Брант, что есть в Ругодеве пушки продажныя корабельныя в 12, в 18 и в 6 фунтов

ядром, и я с ним говорил, чтоб купить. И ныне для тех пушек пошлы ты Карчмина, чтоб он их пробовал и купил несколько, а меж тем накажи ему, чтоб присмотрел города и места кругом, также естли возможно ему дела сыскать, чтоб побывал и в Орешек (Нотебург. — Н. П.); а буде в него нельзя, хоть возле ево, а детина, кажетца не глуп и секрет может снести. Зело нужно, чтоб Книппер тово не ведал, потому что он знает, чьто он учен»².

Одновременно со сбором необходимых сведений о противнике царь осуществлял концентрацию войск к пограничным районам. Такого рода меру скрыть было значительно труднее, чем соблюсти дипломатическую тайну, но царь не терял надежды дезориентировать шведов и здесь: он велел Головину, чтобы тот известил воевод в Новгороде и Пскове о необходимости готовиться к войне, но не с шведами, а с османами, которые согласно вестям от Украинцева якобы не склонялись к заключению мира.

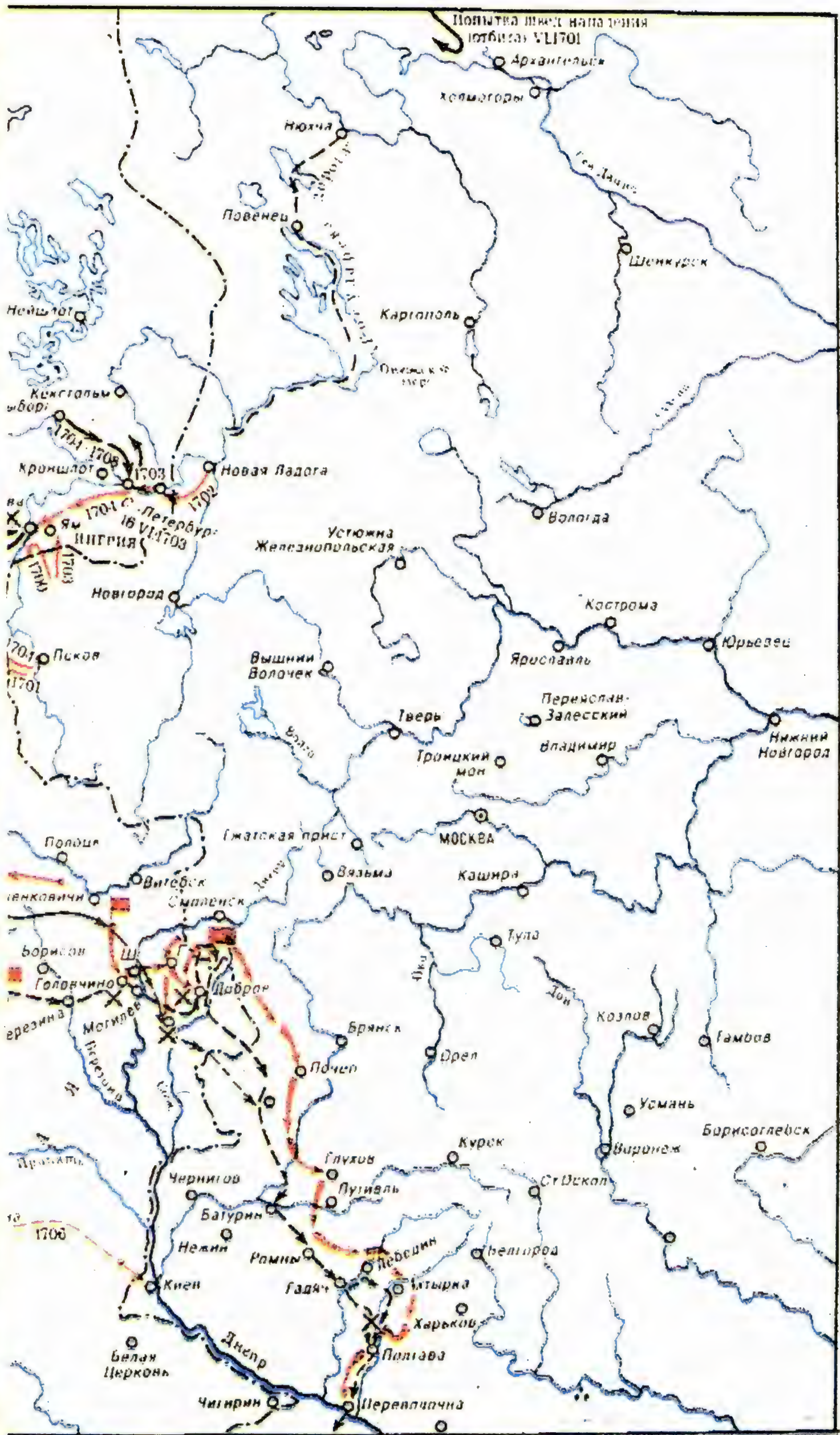
Наступила пора переходить от дипломатии к военным действиям. Казалось, что союзникам должен был сопутствовать успех и на поле брани: договоры предусматривали и согласованные сроки выступления каждого из них, и направление наносимых ими ударов. Союзникам, кроме того, представлялось, что ситуация как в Европе, так и в самой Швеции благоприятствовала успеху их начинаний.

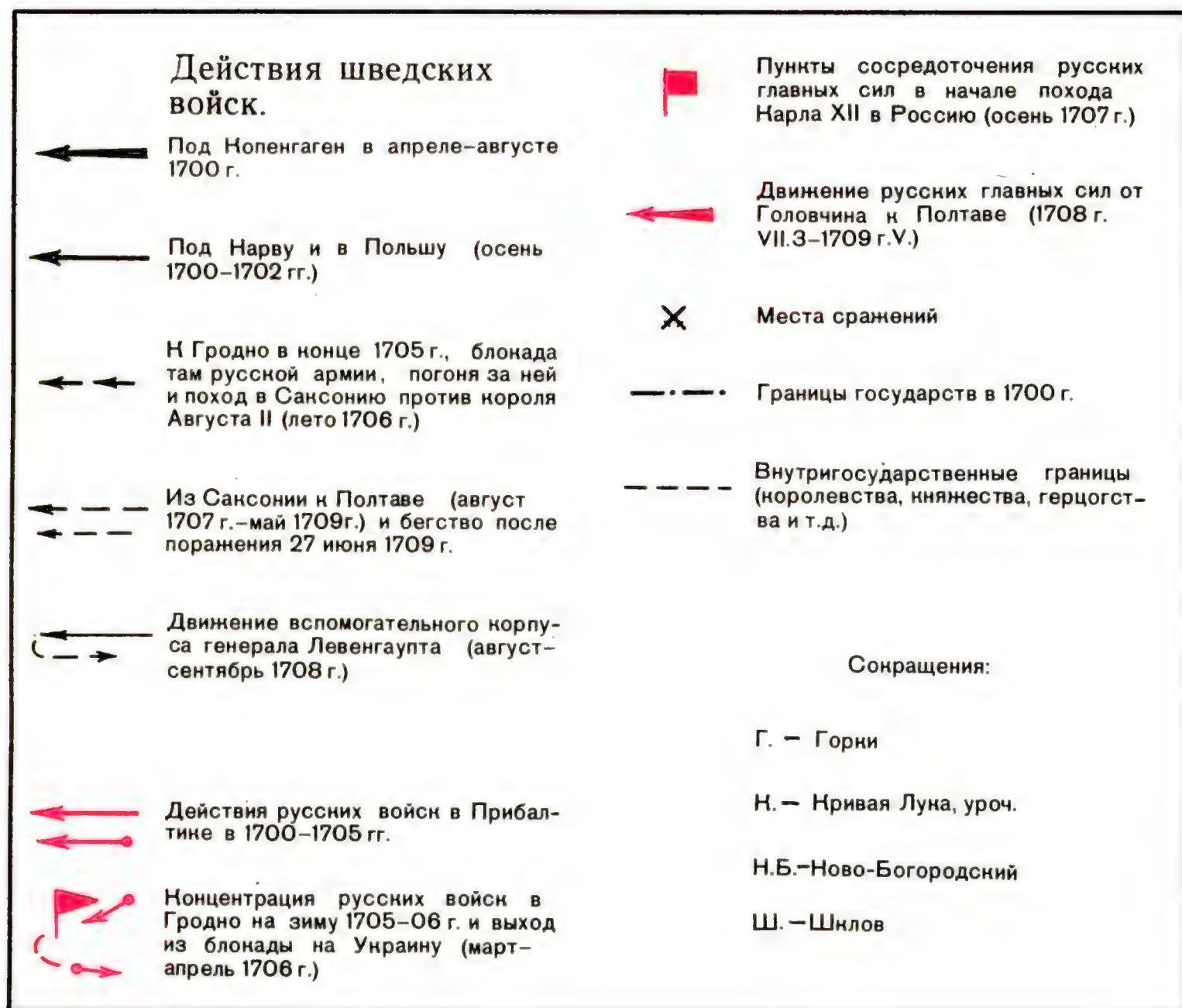
Ведущие европейские державы — Англия, Голландия, Австрия и Франция — в ожидании близкой кончины испанского короля лихорадочно готовились к войне за испанское наследство. А это значило, что названным странам было не до вмешательства в дела Северного союза. Тем самым, рассуждали они, Швеция окажется в изоляции, ибо не может рассчитывать на помощь Англии или Франции. По расчетам, удачная обстановка складывалась и в самой Швеции: там после смерти Карла XI королевский трон занял юный Карл XII, своим поведением дававший основание современникам считать себя человеком безалаберным и легкомысленным.

Но на поверку оказалось, что все расчеты обернулись просчетами. Первый из них состоял в нарушении сроков выступления против неприятеля. Так, договор с Августом II, заключенный 11 ноября 1699 года, обязывал саксонского курфюрста выступить тотчас после

Северная война (ход военных действий в 1700—1709 гг.).

его подписания. По этому же договору Россия должна была вступить в войну не позднее апреля. На деле Август открыл военные действия только в феврале, а Россия — в августе, причем начало войны сразу же развеяло радужные надежды.

Первым напал на неприятеля Август II — 12 февраля 1700 года его войска без объявления войны вторглись в Лифляндию и осадили Ригу. Согласно плану, саксонские войска должны были действовать смело и решительно, опираясь на восстание недовольных шведским господством рижан. Но ничего этого не произошло. Генерал Флемминг, стоявший во главе саксонских войск, передав командование некоему генералу Пайкулю, неожиданно отбыл в Саксонию на свадебные торжества — он вступал в брак со знатной полькой. Не извещенный о тайных планах союзников Пайкуль не предпринимал наступательных операций. Рижскому губернатору Дальбергу стали известны планы овладения городом, и он предпринял срочные меры по укреплению его обороны.

Так легкомысленный поступок Флемминга, совершенный им, по словам Головина, ради «Венусова веселия», привел к провалу операции под Ригой. Не лучшим образом вел себя и Август II. Вместо того чтобы находиться при войсках, он развлекался «полеваньем», то есть охотой. Лишь в середине марта король, наконец, прибыл в Варшаву, но не ради того, чтобы оказаться поближе к театру военных действий, а чтобы продолжать потехи, которыми он не насытился в Дрездене. Только 22 июня он направился из Варшавы к Риге. Согласно донесению русского резидента Судейкина от 28 июля, «по все дни королевское величество ездит и зело старание имеет, откуда б способно было учинить над городом воинский промысел». Но к этому времени у короля не стало ни достаточно войск, чтобы штурмовать Ригу, ни денег, чтобы содержать там армию.

Все, от солдата до генерала, считали, что им Риги без помощи русских войск не взять. В лагере осаждавших, да и при дворе короля то и дело распространялись слухи о приближении к осажденной крепости не то 60, не то 80 тысяч русских солдат. Но в дни, когда эта молва носилась в воздухе, царь и его армия все еще находились в Москве в нетерпеливом ожидании вестей из Стамбула. Однако Украинцев царя пока порадовать ничем не мог.

В итоге, протоптавшись безрезультатно под Ригой, 15 сентября король снял осаду. Так бесславно закончилась операция по овладению крепостью.

Еще трагичнее развивались события на датско-шведском театре военных действий. После того как в Копенгагене были получены известия о начале военных операций Августа II против Швеции, Фредерик IV в марте вторгся в герцогство Гольштейн-Готторпское, где находился шведский гарнизон. При этом датчане, как, впрочем, и все их союзники, рассчитывали на нейтралитет морских держав и Франции. И просчитались. В то время как 16-тысячное войско Дании во главе с Фредериком IV отправилось на юг для вторжения в Гольштейн-Готторпское герцогство, столица страны Копенгаген оказалась практически беззащитной. Этим и воспользовался Карл XII, проявивший в свои восемнадцать лет, вопреки ожиданиям, недюжинные полководческие дарования. Он воспользовался собственным флотом, а также

Русский пехотинец.

кораблями, предоставленными в его распоряжение Англией и Голландией, и высадил десант у стен Копенгагена. Угрозой подвергнуть столицу бомбардировке Карл XII принудил датского короля заключить в Травендале (близ Любека) мирный договор, обязав Данию разорвать союз с Августом II. Поскольку Травендальский трактат был заключен до открытия военных действий России против Швеции, то Фредерик IV никаких обязательств относительно прекращения договора с Петром не давал.

Итак, начало войны не обнадеживало: оба союзника царя действовали столь неудачно, что должны были расстаться с мыслью о войне как о легкой прогулке. Более того, Карл XII с необыкновенной быстротой вывел Данию из Северного союза, и ему теперь противостояли лишь Саксония и Россия.

Но вернемся к событиям, происходившим в России. Царя и его окружение прежде всего интересовал исход переговоров в Стамбуле. Наконец, 8 августа в Москву примчался долгожданный курьер с известием от Емельяна Игнатьевича Украинцева о заключении с Османской империей 30-летнего перемирия. Петр I мог, наконец, вздохнуть с облегчением. Но в тот же день, 8 августа, Фредерик IV подписал Травендальский трактат. Об этой акции в Москве, разумеется, еще не знали. На следующий день, 9 августа, Петр поделился радостной вестью с Августом II. Теперь у России руки развязаны, и он — писал Петр польскому королю — послал новгородскому воеводе указ, «дабы как наискорее, объявляя войну, вступил в неприятельскую землю и удобные места занял, такожде и протчим войском немедленно итти повелим, где при оных в конце сего месяца и мы там обретатися будем».

В день объявления войны, 19 августа, к дому шведского посла Книпперкрона в Москве был приставлен караул. Режим жизни резидента был не очень суров, но после того, как стало известно о жестоком обращении с русскими пленными в Швеции, в январе 1701 года семью Книпперкрона стали содержать «за крепким караулом».

Царь горел желанием поскорее начать военные действия отчасти еще и потому, что в начале июля Книпперкрон вручил Посольскому приказу вызывающий ответ

шведского правительства на жалобу о неучтивом приеме великого посольства в Риге. Вместо того чтобы наказать Дальберга, на что рассчитывали в Москве, король взял его под защиту и отклонил все притязания русской стороны, в том числе и обвинение рижских властей в непочтении к царской персоне под тем предлогом, что Дальбергу стало известно о запрещении участникам посольства называть имя царя.

Быстроте развернувшихся событий можно удивляться, если бы мы не знали, что подготовка к ним велась давно: 22 августа царь выехал из Москвы, а спустя два дня отправилась в поход и армия. Цель похода — Нарва, древнерусская крепость Ругодев, которой Петр намеревался овладеть в первую очередь.

Все войско было разделено на три генеральства: Автотона Ивановича Головина с десятью пехотными полками и одним драгунским общей численностью в 14 726 человек; Адама Адамовича Вейде с девятью пехотными и одним драгунским полком — 11 222 человека и генеральство князя Аникиты Ивановича Репнина — девять пехотных полков, насчитывающих около 11 тысяч человек. Общее командование царь поручил Ф. А. Головину, накануне произведенному в фельдмаршалы. Заметим, что Головин был таким же номинальным фельдмаршалом, как и адмиралом: войсками он не командовал и тем более не давал сражений.

В распоряжении фельдмаршала находилось также дворянское ополчение в 11 533 человека. Кроме того, в Новгороде к армии должно было присоединиться два солдатских и пять стрелецких полков — 4700 человек. Наконец, ожидалось прибытие с Украины 10 500 казаков под командованием наказного гетмана Обидовского. В итоге под Нарву было наряжено 63 515 человек. Поскольку ни генеральство Репнина, ни казаки Обидовского к Нарве не успели, то, если так можно выразиться, списочный состав русской армии не превышал 40 тысяч человек, а фактически под стенами крепости находилось и того меньше — в «Гистории Свейской войны» сказано, что под Нарвой собралось, кроме конницы, около 29 тысяч человек.

Вместе с пехотой двигалась артиллерия, большая часть которой тронулась из Москвы, а затем была пополнена новгородскими и псковскими пушками. Артил-

лерия состояла из 184 гаубиц, мортир и пушек. К Нарве везли 12 тысяч пудов пороха, 5018 пудов свинца, 6000 пудов ядер, 11 337 пудов бомб и 11 500 ручных гранат. Обоз для доставки артиллерии, боеприпасов, снаряжения и продовольствия насчитывал не менее десяти тысяч подвод.

С какими мыслями и чувствами отправился в путь Петр, одолевали ли его сомнения относительно успешного исхода начавшейся операции? Скорее всего царь полностью пребывал в плену оптимистических надежд.

Из свидетельств современников явствует, что царь горел желанием начать войну, и единственным препятствием для этого служило отсутствие вестей из Стамбула о заключении мира или длительного перемирия. Донесения Гейнса пестрят фразами о воинственном духе Петра: «царь весь отдался делу войны», «с нетерпением ждет он вестей из Константинополя», «раздражение его растет, нередко с слезами на глазах выражает он свою досаду на замедление переговоров в Константинополе»³. Вместе с тем в вопросе о вступлении в войну Петр проявил твердость и не поддавался уговорам представителей ни Августа II, ни датского короля открыть военные действия ранее благоприятных известий от Украинцева. Петр, по всему видно, был убежден в достаточно высокой боеспособности своей армии. Заметим однако, что это утверждение противоречит известной оценке боевых качеств армии, данной в «Гистории Свейской войны»: «Итак шведы над нашим войском викторию получили, что есть бесспорно, но надлежит разуместь, над каким войском оную учинили, ибо только один старый полк Лефортовский (который перед тем называли Шепелева), два полка гвардии только были на двух атаках у Азова, полевых боев, а наипаче с регулярными войски, никогда не видали. Прочие ж полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые, самые были рекруты, как выше помянуто, к тому же за поздним временем великий голод был, понеже за великими грязьми провианта привозить было невозможно, и единым словом сказать, все то дело яко младенческое играение было, а искусство ниже вида»⁴.

Приведенные здесь слова написаны рукой царя, но

не до событий под Нарвой, а спустя два десятилетия после победоносного завершения Северной войны. Победителей, как говорится, не судят, и Петр позволил себе высказать объективную оценку армии под Нарвой. Если бы он придерживался подобной оценки до проверки ее боевыми операциями, то он вряд ли бы повел полки навстречу катастрофе. Но в том-то и дело, что боеспособность русской армии, созданной в процессе военной реформы, оценивалась достаточно высоко не только им самим, но и иностранными наблюдателями.

Впрочем, заблуждения Петра во многом понятны. Окружение царя, в том числе и иностранные дипломаты-союзники, восторгалось русскими полками. Мы не знаем, какие полки довелось наблюдать Лангу и Гейнсу — гвардейские или только что укомплектованные и какие полки подразумевались Гейнсом под «старыми»: стрелецкие или солдатские, — но Гейнс в июне 1700 года доложил в Копенгаген: «Новые полки чудесны и на ученье и парадах так же хороши, как могли бы быть и старые».

Ни Ланг, ни Гейнс, разумеется, не скрывали своих впечатлений от Петра, и хвалебные слова дипломатов, повторенные во время довольно частых встреч с царем, оказывали свое воздействие на переоценку сил своей армии.

Находясь в Твери в составе войск в чине капитана бомбардирской роты Преображенского полка, Петр получил тревожные известия, доставленные курьером Августа II, о заключении Травендальского мира. У царя появились моральные основания приостановить поход, чтобы дать войскам пройти более основательный курс обучения — ведь Фредерик IV нарушил свои обязательства по союзу с Россией. Однако Петр этого не сделал и продолжал путь на запад. «Мы пойдем отсель завтра (потому что полки по се время еще не бывали) до Новгорода, не мешкоф», — читаем в письме царя к Головину. Таким образом, войска продолжали свой путь на запад вопреки традиционным представлениям о времени, когда надлежало вести активные боевые операции и когда было принято отсиживаться на зимтерквартирах — ни осенняя слякоть, ни зимняя стужа не остановила царя. Почему?

Вероятно, Петр не хотел выглядеть перед европей-

скими дворами человеком, с легкостью нарушавшим союзные обязательства, на этот раз ни перед Фредериком, а перед Августом II, безуспешно продолжавшим осаждать Ригу. Кроме того, царь, несмотря на печальные известия из Дании, продолжал рассчитывать на победу. Выбывать из игры в этих условиях — значит лишиться всех выгод, которые сулила победа над Швецией. Терять такие шансы царю не хотелось.

Мы в точности не знаем, изложенными ли выше мотивами руководствовался царь или другими обстоятельствами, но своего движения к Нарве он не прекращал. Он, как и всегда, передвигался в присущей ему манере — иногда круглосуточно, делая кратковременные остановки лишь для смены лошадей, иногда совершал переезды в ночные часы. Это позволило царю оторваться от следовавших маршем полков: из Твери Петр и два гвардейских, а также четыре солдатских полка отбыли одновременно, а в Новгород он прибыл 30 августа, а полки — на шесть дней позже. После трехдневного отдыха полки двинулись к Нарве. Что касается генеральства Вейде, Репнина и А. И. Головина, то их марш задерживался из-за недостатка или отсутствия подвод. Ф. А. Головин, например, прибыл в Новгород только 19 сентября, а Репнин все еще находился в Москве.

Передовой отряд вместе с Петром прибыл под Нарву 22 сентября. Концентрация остальных войск под Нарвой заняла несколько недель: 1 октября к крепости подошло генеральство Вейде, а затем часть войск Головина. Началась инженерная подготовка к ее осаде: рекогносцировка местности, в которой участвовал царь, определения самых слабых бастионов Нарвы, установка батарей и устройство траншей.

Первый, причем пробный, выстрел по крепости осаждавшие сделали 18 октября, а 20-го, «после обеда учили в город бомбы бросать и из пушек по городу бить, и бросали бомбы во всю ночь со всех раскатов». Обстрел продолжался две недели — ровно столько, на сколько хватило пороха, ядер и бомб⁵.

Эффективность бомбардировки была ничтожной. Уже тогда дали о себе знать крупные недочеты в лагере осаждавших. Оказалось, что артиллерийскому парку не доставало ни осадных орудий, ни их мощности, что-

Битва под Нарвой (фрагмент гравюры Ромин-де-Хоогге, изготовленной по заказу Карла XII).

бы пробить бреши в стенах крепости, и что порох был низкого качества, не обеспечивающий ядрам достаточно ударной силы; выяснилось, что провиантская служба в армии находилась на плачевно низком уровне, а личный состав — и солдаты и офицеры — не обнаруживал ни необходимой выучки, ни знаний.

Между тем были получены сведения, что шведский король, не мешкая под Копенгагеном, посадил свои войска на корабли, пересек Балтийское море и высадился в Ревеле и Пярну. Относительно намерений короля не могло быть двух мнений — Карл XII спешил на помощь осажденному гарнизону Нарвы.

Царь решил отправить навстречу шведским войскам разведывательный отряд нерегулярной конницы численностью в 5 тысяч человек, поручив командование им Борису Петровичу Шереметеву. Три дня Шереметев двигался на запад, углубившись на неприятельскую территорию на 120 верст. Здесь ему встретились два небольших шведских отряда, по терминологии того времени, «партии». Сначала шведы, имея дело с русским авангардом, нанесли ему урон, но затем подоспевшие главные силы окружили неприятеля и разгромили его. Пленные показали, что к Нарве движется шведская армия в 30 тысяч человек. Шереметев отступил. 3 ноября он донес об этом царю: «В такое время без изб людям быть невозможно, и больных зело много, и ротмистры многие больны». В несохранившемся письме царь, по видимому, в резких выражениях выговорил Шереметеву за его поступок и велел возвратиться на прежнее место. Боярин оправдывался: «И я оттуда отступил не для боязни, для лучшей целости и для промыслу над неприятели, с сего места мне свободно над ними искать промыслу и себя остеречь».

Шереметев выполнил указ царя. «Пришел назад, — писал он Федору Алексеевичу Головину, — в те места, где стоял, в добром здорови. Только тут стоять никакими мерами нельзя для того: вода колодезная безмерно худа, люди от нее болят, поселения никакова нет — все пожжено, дров нет. Кормов конских нет»⁶.

Шведские войска 4 ноября двинулись из Ревеля на восток. Первым вступил в соприкосновение с ними Шереметев, причем действовал он, как и во время первой встречи, не лучшим образом. Он занял удобную для обороны позицию: оседлал единственную дорогу, лежавшую между двумя утесами, обойти ее было нельзя, ибо кругом лежали болота и густые кустарники. Однако, вместо того, чтобы разрушить два моста через речушку и изготавиться для встречи шведских войск, Шереметев при приближении противника спешно отступил к Нарве. Прибыл он туда рано утром 18 ноября, сообщив, что по его пятам двигалась к крепости армия Карла XII.

Свидания с царем не состоялось — он выехал из лагеря за четыре часа до прибытия Шереметева, оставив ему записку: «Приказал я ведать над войски и над ва-

ми арцуху фон Крою, изволь сие ведать и по тому чинить, как написано в статьях у него, за моею рукою, и сему поверь».

Отъезд царя из-под Нарвы труднообъясним. Много лет спустя в «Гистории Свейской войны», отредактированной Петром, написано так: «Против 18 числа государь пошел от армии в Новгород для того, чтобы идущие достальные полки побудить к скорейшему приходу под Нарву, а особливо, чтоб иметь свидания с королем польским».

Первое, что приходит в голову при попытке понять поведение Петра в эти памятные дни ноября 1700 года, так это предположение, что царь смалодушничал. Но стоит ближе присмотреться к его действиям во время Азовских походов и в годы после первой Нарвы, как это предположение отпадает. Ни до Нарвы, ни после царь не отсиживался в обозе, всегда находился в гуще сражений и много раз ставил на карту свою жизнь. Скорее всего в данном случае Петр недооценил меры опасности, нависшей над русской армией. Осуждать Петра можно только будучи уведомленным о совершившемся факте — нарвском поражении. Однако до сражения никто не мог предсказать ход событий: ни царь, ни его генералы не были знакомы с полководческим «почерком» Карла XII и никто не мог предположить, чтобы тот с ходу, не дав даже отдохнуть солдатам, изнуренным походом, бросит их в сражение.

В этой связи обращает внимание инструкция герцогу фон Круи, составленная лично царем 17 ноября 1700 года. В ней отсутствуют даже намеки на возможность стремительного развития событий. Инструкция объявляла о назначении герцога «главнейшим начальником» и обязывала генералов, офицеров и солдат беспрекословно ему подчиняться. Перед «главнейшим начальником» были поставлены две задачи: «добывать немедленно Нарву и Ивангород» и «проведывать про свейский секурс»: в случае его появления, если он окажется достаточно силен, повременить с добыванием Нарвы, стремиться не пропустить его в крепость «и поиск по возможности, за помощью божией, над ним искать»⁷.

Карл XII опрокинул эти расчеты царя и его надежды, что король станет маневрировать, заниматься инже-

Шведский пехотинец.

нерной подготовкой будущего поля сражения и тем самым предоставит русскому командованию время для подготовки к нему.

Итак, Петр покинул лагерь, видимо, не подозревая, какое тяжкое испытание выпадет на его долю на следующий же день. Осада крепости, как отмечалось выше, происходила в трудных условиях: осенние дожди, рано наступившая стужа, острая нужда в продовольствии изматывала силы осаждавших, находившихся под открытым небом. Недостаток артиллерии и низкое качество орудий, нередко разрывавшихся после первого же выстрела, затрудняли осадные работы. Русские, однако, не теряли надежды на успех. Он казался близким прежде всего потому, что гарнизон крепости под командованием полковника Горна был малочисленным — там находилось 1300 человек пехоты, 200 конницы и 400 жителей, способных носить оружие. Если бы удалось пробить брешу, то лавины осаждавших смели бы ряды оборонявшихся и на их плечах ворвались в крепость.

Карл XII вышел из Ревеля, где он высадился с частью войск, 4 ноября. Чтобы быстрее передвигаться, он тронулся налегке, без обоза, приказав каждому солдату тащить на себе запасы продовольствия. 18 ноября он на плечах Шереметева подошел к Нарве.

Каковы были силы короля?

Молва определяла численность шведов в 30—32 тысячи человек. В «Гистории Свейской войны» рукой царя приведены иные цифры, за точность которых он, впрочем, тоже не ручался: «Неприятельских войск сколько было, подлинно неизвестно, понеже их офицеры неравно сказывали: иные 12, иные более, а иные только 8 тысяч». Последняя цифра, видимо, ближе всего к истине: в местечке, расположенном в 10 верстах от Нарвы, где Карл XII совершил последнюю остановку, в его войске насчитывалось 8430 человек.

Сражение началось в 11 утра артиллерийской перестрелкой, продолжавшейся до 2 часов дня. Король рассчитывал выманить русских из укреплений, чтобы дать им сражение в открытом поле, но они оставались на месте. Заметим, что дислокация русских полков ослабляла силу их сопротивления. Войска в соответствии с канонами осадных работ тех лет расположились у

стен Нарвы полукольцом общей протяженностью семь верст: солдаты отстояли один от другого на расстоянии сажени. Это облегчало собранным в кулак шведам прорыв тонкой линии обороны русской армии. Другим условием, благоприятствовавшим шведам, был густой снег, поваливший в два часа дня. Видимость не превышала 20 шагов, что позволило неприятелю подойти незамеченным к русскому лагерю, засыпать ров фашинами и овладеть укреплениями вместе с расположенными в них пушками.

Среди русских войск началась паника. Крики «Немцы нам изменили!» еще больше усилили смятение. Спасение видели в бегстве — вместо того чтобы оказывать малочисленному неприятелю сопротивление, толпы солдат металась по полю сражения. Конница во главе с Шереметевым в страхе ринулась вплавь через реку Нарову. Борис Петрович благополучно переправился на противоположный берег, но более тысячи человек пошло ко дну. Пленный шведский генерал Шлиппенбах, оказавшийся в руках русских после Полтавы, привел слова, якобы сказанные ему Карлом XII о сражении под Нарвой: «Я ничего так не боялся, как русской кавалерии, чтоб она сзади не наступила, однакож они мне такую любовь сделали, что назад через реку на лошадях переплыли». Пехота тоже бросилась наутек через единственный мост. Началась давка, понтонный мост разорвался, и Нарова приняла множество новых жертв.

«Немцы» действительно изменили. Главнокомандующий фон Круи первым отправился в шведский лагерь сдаваться в плен. Этот вояка-наемник, к своим 49 годам успевший сменить четырех властелинов, которым он бездарно служил, был обласкан Карлом XII, вполне оценившим его измену. Тем не менее фон Круи после Нарвы донимал царя и Меншикова просьбами о выдаче ему вознаграждения и пытался доказать свою невиновность. Примеру фон Круи последовали другие офицеры-наемники, которых было немало в русской армии.

Не все, однако, поддались панике и бежали. Три полка: Преображенский, Семеновский и Лефортов — не дрогнули, они, оградив себя повозками, проявили стойкость и умело оборонялись от наседавшего неприятеля.

С наступлением темноты сражение прекратилось. Карл XII готовился возобновить его на следующий день, но надобность в нем отпала.

Собравшиеся в окопе русские генералы Яков Федорович Долгорукий, имеретинский царевич Александр Арчилович, Автомон Иванович Головин и Иван Иванович Бутурлин приняли решение о капитуляции. После переговоров шведские генералы именем короля дали слово, что русские войска будут свободно пропущены с знаменами и оружием, но без артиллерии на противоположный берег Наровы. В девятом часу в шведский лагерь отправились князь Долгорукий, царевич Александр и Головин, где были приняты королем, подтвердившим условия капитуляции.

Всю ночь русские восстанавливали мост через реку, а утром начали выход из окружения. Первыми беспрепятственно перешли через Нарову с оружием и знаменами гвардейские полки с дивизией Головина: шведы не рискнули их трогать. Но как только начали перебираться на другой берег прочие полки, шведы напали на них, обезоружили, разграбили обоз, сняли одежду. Более того, в шведском плену оказалось 79 генералов и офицеров. Карл XII, как видим, вероломно нарушил условия капитуляции.

Итак, катастрофа под Нарвой нанесла значительный урон русской армии: она утратила всю артиллерию, лишилась командного состава и потеряла убитыми, а также от голода и болезней не менее 6 тысяч человек.

Вспоминая о Нарве два с лишним десятилетия спустя, Петр в «Гистории Свейской войны» отметил причины поражения русской армии, крившиеся не только в необстрелянности полков, их слабой боевой выучке, но и общей отсталости страны. Армия Петра успешно противоборствовала крымцам и османам, но не могла на равных сражаться с вымуштрованными полками регулярной армии. «Но когда сие нещастие (или, лучше сказать, великое щастие) получили, — воспоминал Петр, — тогда неволя леньность отогнала и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудили». Действительно, история того времени сохранила множество фактов, подтверждающих, как «неволя», то есть крайняя нужда, вынудила царя развить бешеную энергию по устране-

А. Д. Меншиков.

нию последствий Нарвы, а страну — мобилизовать ресурсы для продолжения борьбы с могучим и коварным противником. Нарва была жестокой школой, из которой надлежало извлекать уроки — учиться и учить побеждать.

Известие о победе восемнадцатилетнего шведского короля стало достоянием Европы и имело огромный резонанс. В насмешку над русским царем шведы выбили медаль: на одной стороне ее был изображен Петр у костра и пушек. Надпись гласила: «Бе же Петр стоя и греясь». На другой — бегство русских во главе с Петром от Нарвы: шапка валится с головы царя, он утирает слезы платком. Надпись гласила: «Изшед вон, плакася горько».

Престиж России в западноевропейских дворах пал. Русский посол в Гааге Андрей Артамонович Матвеев доносил Петру: «Шведский посол с великими ругательствами, сам ездя по министрам, не только хулит ваши войска, но и самую вашу особу злословит, будто вы, испугавшись приходу короля его, за два дня пошли в

Москву из полков...» Аналогичное донесение в 1701 году прислал русский посол в Вене Петр Алексеевич Голицын: «Главный министр граф Кауниц и говорить со мною не хочет, да и на других нельзя полагаться — они только смеются над нами...» Смыть позор поражения можно было только победами. Отсюда советы Голицына: «Всякими способами надобно домогаться получить над неприятелем победу. Сохрани боже, если нынешнее лето так пройдет. Хотя и вечный мир учиним, а вечный стыд чем загладить? Непременно нужна нашему государю хотя малая виктория, которою имя его попрежнему во всей Европе славилось. Тогда можно и мир заключить, а теперь войскам нашим и управлению войсковому только смеются».

21 ноября 1700 года Карл XII торжественно вошел в Нарву, где полковнику Горну пожаловал чин генерал-майора. Туда же были доставлены 79 взятых в плен русских офицеров, среди которых было 10 генералов. Перед королем вставал вопрос: куда направить свое победное войско? У него был выбор. Он мог развивать успех, достигнутый под Нарвой, продолжать военные действия против России и продиктовать ей угодный для себя мир, либо направить армию в Речь Посполитую против Августа II.

Цитированный выше Шлиппенбах вспоминал, что король, будучи в Нарве, «отвел его в свою спальню, где большой ландкарт был прибит, в котором он мне марш в Москву показывал, который бы, конечно, и учинился, если бы короля не отговорили генералы, рассуждавшие, что с Польши большие взятки взять, нежели с России», то есть в Польше можно было поживиться трофеями основательнее, чем в бедной России⁸.

На выбор направления оказали влияние не только настойчивые обращения к королю шведского генералитета, но и отношение Карла XII к Августу II. Если русского царя шведский король недооценивал, то саксонского курфюрста он просто презирал, ибо считал его инициатором Северного союза и коварным человеком: «Поведение его так позорно и гнусно, — отзывался шведский король об Августе, — что заслуживает мщения и презрения всех благомыслящих людей».

И все же не желание отомстить Августу и лишить его польской короны определило решение Карла XII пе-

ренести театр военных действий на запад. Отправиться в длительный поход к Москве, имея в тылу саксонскую армию, боеспособность которой была тогда выше русской, шведский король не мог. Тем более было ясно — Речь Посполитая, пока еще воздерживавшаяся от военных действий против Швеции, готова воспользоваться любым благоприятным случаем для начала таких действий. К тому же и Дания способна быстро оправиться от недавнего поражения, чтобы восстановиться в Северном союзе и начать военные действия.

Легкая победа под Нарвой так вскружила голову королю, что все его помыслы были нацелены на войну. С этих пор и до своей смерти в 1718 году война стала главной его заботой, ни о чем он не рассуждал с таким воодушевлением, как о сражениях, которые он давал и которые даст в будущем. В Нарве он задержался недели на три, затем двинулся в Лифляндию, где в 50 верстах от Дерпта в ожидании подкреплений из Швеции стоял пять месяцев. Оттуда он двинулся против саксонских войск и летом 1701 года открыл серию побед над ними.

Первую из них над фельдмаршалом Штейнау Карл XII одержал 8 июля, когда под Ригой дерзко переправился на левый берег Двины и, не дав себя опрокинуть в реку, наголову разбил противника. Среди трофеев шведы захватили 36 пушек, три штандарта, одно знамя и 500 пленных. Потери саксонцев убитыми в три раза превышали потери шведов. Оставив в Лифляндии восьмитысячный отряд под командованием полковника Шлиппенбаха, король вторгся в земли Речи Посполитой.

В то время как в лагере Карла и при европейских дворах раздавались язвительные насмешки в адрес русского царя, Петр не терял зря времени. Царь оказался не из тех людей, кто опускает руки и склоняет голову перед первой, пускай и крупной неудачей. Он перемещается по стране как курьер — день и ночь, в любую погоду и в любое время года. Обыкновенная повозка или сани были для него и местом ночлега, и обеденным столом. Останавливался он только для смены лошадей. Каждое перемещение царя — не только веха в его личной жизни, но и определенный этап в мобилизации усилий страны на борьбу с неприятелем. Этот повседнев-

ный труд царя был его личным, так сказать, вкладом в общее дело.

В первый год после Нарвы царя одолевало множество неотложных дел, причем трудно вычленишь из них второстепенные, которые можно бы было отложить на будущее. Даже сейчас, спустя почти три столетия после бурных событий того времени, приходится удивляться, как Петр успевал каждому из них отдавать частицу своего внимания и добиваться желаемых результатов. Мозаику разноплановых дел можно разбить на три категории.

Одни из них носили сугубо внутренний характер и касались устранения и последствий нарвской катастрофы, а именно — восстановление боеспособности русской армии. Сюда относилось восполнение потерь в личном составе, восстановление боевого духа деморализованных поражением полков, обеспечение их артиллерией, утраченной под Нарвой. Все это требовало немалых расходов, поэтому изыскание денег тоже принадлежало к неотложным задачам.

В не меньшей мере Петра тревожила внешнеполитическая обстановка и в первую очередь вопрос, как укрепить единственного своего союзника Августа II в намерении продолжать борьбу с Карлом XII. К непростым задачам относилось и удержание южного соседа — Османской империи — от агрессивных акций. Страна переживала трудные времена, и в Москве опасались, что в Стамбуле могло появиться желание воспользоваться этими трудностями, чтобы напасть на Россию с юга с целью вернуть утраченный Азов.

Несмотря на важность каждой из перечисленных сфер деятельности царя и его соратников, все они в конечном счете имели вспомогательное значение и были подчинены главному — победе над неприятелем. Эффективность предпринятых усилий проверялась театром военных действий, поэтому надо было достичь, пользуясь словами Голицына, хотя бы «малой виктории».

Неудача под Нарвой вызвала необходимость упорядочить войска, потрепанные в бою и деморализованные поражением. Царь в «Гистории Свейской войны» повествует: «После разбития при Нарве полки в конфузии пошли в свои границы, велено их пересмотреть и испра-

вить князю Репнину, который тогда с дивизиею своею и с одним старым полком Бутырским прибыл с Низу (низовий Волги. — *Н. Г.*) и пошел было к Нарве, но, услышав о том несчастии, по указу возвратился из Самары»⁹.

С учетом наличного состава «генеральств» Репнин справился довольно быстро. Оказалось, что общая численность оставшихся войск равнялась 22 967 человекам. Такого контингента совершенно недостаточно для наступательных операций, и поэтому был брошен призыв о наборе в драгуны. Князю Борису Алексеевичу Голицыну в течение зимы 1700/01 года удалось сформировать десять драгунских полков по тысяче человек в каждом.

Восполнение потерь в артиллерии потребовало значительно больше времени. Переписка царя с Андреем Андреевичем Виниусом, отвечавшим за изготовление пушек, показывает, с каким напряженным вниманием следил Петр за ходом работ. Из письма царя Виниусу от 8 апреля 1701 года: «Как возможно, для бога, поспешайте артиллериею». 16 апреля: «Письма ваши я принял, в которых пишете о готовности артиллерии и что трудитесь в том, и то зело доброе дело и надобно, ибо время яко смерть». Восстановление артиллерийского парка происходило за счет литья пушек из чугуна на уральских заводах, а также из колокольной меди, изъятой у церквей и монастырей.

Указа о таком изъятии не сохранилось, но «Гистория Свейской войны» ссылается на повеление царя со всего государства с знатных городов от церквей и монастырей собрать часть колоколов на пушки и мортиры¹⁰. Использовались непригодные колокола с трещинами или сломанные. К маю 1701 года вес свезенной в Москву колокольной меди достигал 90 тысяч пудов, из которых в том же году было израсходовано на литье пушек до восьми тысяч пудов.

Финансовые затруднения правительство преодолело столь же простым, как и малонадежным способом — оно повысило производительность монетного двора: день и ночь работали станки, наводнявшие рынок обесцененными деньгами. От этой операции казна получила грандиозный доход: в 1701-м — 791 729 руб., в 1702 году — 1 296 978 руб., в 1703 году — 738 647 руб., то есть

только за три года эксплуатации монетной регалии казна извлекла 2 837 354 рублей чистого барыша.

Порча монеты вызвала падение курса рубля. По сравнению с XVII веком его покупательная способность сократилась почти вдвое — по подсчетам В. О. Ключевского, рубль XVII века равнялся 17 золотым рублям конца XIX — начала XX века, а рубль XVIII века — только 9 рублям. Это не преминуло сказаться на жизни той части населения, источником благополучия которых было жалованье: солдат, стрельцов, рабочих людей с мануфактур, канцелярских служащих и других.

Особого внимания заслуживает поездка царя в Биржу — замок в 120 верстах от Динабурга. Цель поездки — свидание с Августом II, намечавшееся еще в ноябре — декабре 1700 года.

Саксонский курфюрст и польский король не отличался ни отвагой, ни верностью, ни энергией, чтобы мобилизовать все ресурсы для борьбы со шведами, и поэтому, готовый на любой шаг ради сохранения своих двух корон, был все же для России бесценным союзником. Чем дольше Карл XII будет гоняться за войсками Августа, тем больше времени получит Россия, чтобы залечить последствия Нарвы. Именно поэтому Петр не жалел ни усилий, ни времени, ни материальных и людских ресурсов для поддержания Августа.

Свидание, продолжавшееся около двух недель, завершилось подписанием Бирженского трактата и соглашения о координации военных действий. Значение трактата 26 февраля 1701 года состояло не только в том, что он подтвердил союзный договор 11 ноября 1699 года, заключенный в Москве, но и предусматривал оказание Августу II помощи деньгами и вспомогательным корпусом. Этот корпус пехоты численностью в 15—20 тысяч человек с полным вооружением и запасами пороха в 100 тысяч фунтов передавался в распоряжение курфюрста для военных действий в Лифляндии и Эстляндии. Другое обязательство царя состояло в предоставлении Августу II денежной ссуды, выплачиваемой в течение двух лет по 100 тысяч рублей ежегодно.

Обязательства Августа были более скромными — он должен был энергичными действиями в Лифляндии и Эстляндии создать благоприятные условия для активных операций русских войск в Ижорской земле и Каре-

лии. Договор зарегистрировал отказ царя от притязаний на Лифляндию и Эстляндию. Союзники, кроме того, обязались не заключать мира без обоюдного согласия.

18 апреля 1701 года князь Аникита Иванович Репнин получил повеление отправиться из Пскова к Динабургу, а 14 июля он доносил царю, что 18 солдатских и один стрелецкий полк под его командованием соединились с саксонским войском фельдмаршала Штейнау. Русские полки во время смотра удостоились похвалы.

После свидания в Бирже Петр направляется в Москву и оттуда — в Воронеж, куда прибыл 23 марта. На первый взгляд странными и будто бы не вызывавшимися крайней необходимостью были частые визиты Петра в Воронеж. В самом деле, целесообразность продолжительных пребываний царя в Воронеже до начала Северной войны не вызывает сомнений — там создавался флот, предназначенный для боевых действий на Азовском море. Но ради чего царь отправляется в Воронеж теперь, когда театр военных действий переместился на северо-запад и Россия вела борьбу не с Османской империей, а со Швецией? Надо ли было пополнять Азовский флот новыми кораблями и непрерывно подновлять быстро гнившие в пресной воде Дона только недавно спущенные галеры и фрегаты? Тем более что ни один из кораблей не участвовал ни в одном сражении, а их пушки не произвели ни единого боевого залпа. Не являлись ли эти хлопоты царя бесцельной тратой народных ресурсов и своего рода данью его страсти к флоту и кораблестроению?

Двух мнений на этот счет быть не может — непрерывные заботы об Азовском флоте окупались тем, что они охлаждали воинственный пыл султанского двора и долгое время удерживали его от объявления войны России. Представитель России в Стамбуле так и доносил царю: «Морской твой, великого государя, караван безмерный им страх наносит»¹¹.

С Османской империи Петр не спускал глаз, внимательно следя за настроением султанского двора. Азовскому губернатору Федору Матвеевичу Апраксину, посаженному в Азов сторожить приобретение на южном море, царь писал 24 июня 1701 года: «...того для изволь-

те в том (от чего боже сохрани под нынешние часы) осторожность учинить, как в Азове, так наипаче в Таганрогу, к обороне того места. Сам, ваша милость сведом, какого туркам Таганрог, а под нынешней час и пуще».

Русское правительство отправляет в Адрианополь, временную резиденцию султана, вскоре замененную на Стамбул, своего представителя. Им оказался Петр Андреевич Толстой, которому предстояло открыть новый этап в истории дипломатической службы России в Османской империи: он был первым русским дипломатом, возглавившим не временное, а постоянное посольство в столице Османской империи.

Одна из задач Толстого состояла в предоставлении себе такого же статуса при султанском дворе, которым пользовались послы других европейских государств: Англии, Франции, Голландии, Австрийской империи. Добиться этого было нелегко прежде всего потому, что в столице Османской империи относились к русским дипломатам традиционно высокомерно, а порой и пренебрежительно, всячески третируя их. Именно поэтому султанский двор встретил русского посла более чем прохладно. Рассуждали: «Так никогда-де от веку не бывало, что московскому послу у Порты жить».

Главную же цель русского посла в Османской империи определила грамота, адресованная царем султану: «...к вящему укреплению между нами и вами дружбы и любви, а государствам нашим к постоянному покою». «Покой» исключал возможность появления для России второго фронта — в этом случае ей пришлось бы вести одновременно борьбу и с Швецией, и с Османской империей.

Отдельные дипломатические усилия Петра и его сподвижников, осуществляемые в крайне трудное для страны и ее международного престижа время, завершились вполне удачно. В конце концов Османскую империю удалось удержать от нарушения условий Константинопольского договора, а саксонского курфюрста Августа сохранить в качестве союзника. Но зато не удалось привлечь к участию в войнах против Швеции Речь Посполитую и восстановить роль в Северном союзе Дании.

Справедливость требует отметить — в Москве всерь-

ез и не уповали на обретение новых союзников и были полны решимости продолжать вооруженную борьбу имевшимися ресурсами. Это подтверждает знаменитое письмо царя к Борису Петровичу Шереметеву, отправленное через две недели после Нарвы — 5 декабря 1700 года: «Понеже не леть (нельзя. — *Н. П.*) есть при несчастии всего лишиться, того ради вам повелеваем при взятом и начитом деле быть, то есть над конницею новгородскою и черкасскою, с которыми как мы и прежде наказывали (но в ту пору мало было людей), ближних мест беречь (для последующего времени), и иттить в даль, для лутчаго вреда неприятелю. Да и отговариваться нечем, понеже людей довольно, также реки и болоты замерзли, неприятелю невозможно захватить. О чем паки пишу: не чини отговорки ничем, а буде болезнию, и та получена меж беглецами, которых товарищ майор Л. на смерть осужден»¹².

Это письмо примечательно тем, что недовольный действиями Шереметева, Петр все же обращается к Борису Петровичу. В самом деле, по крайней мере дважды действия Шереметева под Нарвой вызывают порицание: он отказался от сражения со шведами, когда командовал 5-тысячным отрядом конницы, чем лишил войско, осаждавшее Нарву, возможности должным образом подготовиться к встрече с основными силами шведского короля, а затем вместе с конницей в панике бежал с поля боя. Но выбора у царя не было, и он остановился на Борисе Петровиче прежде всего потому, что за его плечами все же имелся некоторый боевой опыт командования войсками, правда, успешно сражавшимися с османами и крымцами и не устоявшими против великолепно вымуштрованной и столь же великолепно вооруженной регулярной армии Карла XII. Впрочем, зная характер военачальника, царь прибавляет и несколько угроз в адрес Шереметева в случае, если тот тотчас не отправится в поход для нанесения «лутчаго вреда неприятелю». Это письмо открывает переписку царя с Борисом Петровичем. Оно же положило начало упрекам царя в медлительности своего полководца и угрозам в его адрес.

В конце 1700-го и первой половине 1701 года Шереметев лишь отваживался наносить шведам малочувствительные уколы: его полки, пытавшиеся в конце декабря

1700 года захватить Алысту (Мариенбург), расположенную в 20 верстах от границы, были отбиты. Успешнее действовали мелкие отряды, совершавшие рейды ради опустошения окрестностей. Урона живой силе они не наносили, но чувствительно ослабляли продовольственную базу шведов.

Не извлекли выгод из своих походов и шведы. Еще в декабре 1700 года они совершили вылазку против Гдова, но ограничились лишь разорением близлежащей округи и не рискнули штурмовать город. 15 января 1701 года полковник Шлиппенбах вторгся в Псковскую область, опустошая села и деревни, осадил Печерский монастырь, но крепостные стены с башнями, земляным валом и рвом надежно защищали гарнизон, и полковник вынужден был отступить.

Неудачи конца 1700-го — первой половины 1701 года не позволили шведам овладеть пограничными пунктами с тем, чтобы, опираясь на них, вторгнуться в русские земли.

Шведам не сопутствовал успех и на новом театре войны, открытом ими летом 1701 года. 20 марта 1701 года Карл XII велел организовать высадку десанта в Архангельске с целью «сжечь город, корабли, верфи и запасы», а также «уничтожить или разрушить все, что может быть приспособлено к обороне». О ходе этой операции сообщают русские и шведские источники. Основным источником отечественного происхождения является донесение царю двинского воеводы князя Алексея Прозоровского. Он сообщил, что 21 июня под видом торговых кораблей к двинскому Березовскому устью подошли фрегаты и яхта. Караульные солдаты под командой капитана «по прежнему обыкновению» поднялись на один из фрегатов для проверки, но тут же были схвачены: капитана взяли под караул и закрыли в каюте, а всех 15 солдат перебили.

Следуя далее к Малой Двинке, шведские корабли неожиданно для себя напоролась на строившуюся Ново-Двинскую крепость, где находилось 700 солдат и офицеров. Как и в Березовском устье, к кораблям подошли на карбасах караульные во главе с солдатским головой Григорием Животовским «и, увидев на фрегатах много людей и ружья и дознав, что на них воинские люди, учили они от фрегата отъезжать», но были

обстреляны и понесли потери. В дело вступили батареи Ново-Двинской крепости. В итоге «неприятельские люди, видя над собой победу, побросались в мелкие свои суда, в шняки, и бежали». Два фрегата и яхта вместе с пушками и воинскими припасами стали трофеями Ново-Двинского гарнизона. Третий фрегат, наблюдавший издали за происходившим, бежал в море. 26 июня к Березовскому устью подходили еще четыре неприятельских фрегата, но от них «промыслу до сих пор не являлось»¹³.

Получив это донесение, Петр поделился радостной вестью с Ф. М. Апраксиным, начав письмо восторженной фразой: «Я не мог вашему превосходительству оставить без ведома, что ныне учинилось у города Архангельска зело чюдесно»¹⁴.

Шведский историк А. Фриксель, пользуясь шведскими источниками, сообщил некоторые подробности, возможно неизвестные двинскому воеводе, писавшему донесение по горячим следам: «Когда шведские корабли вошли в Белое море, то они стали искать лоцмана, который сопровождал бы их в дальнейшем пути в этих опасных водах. Два русских рыбака предложили тут свои услуги и были приняты на борт. Но эти рыбаки направили суда прямо к гибели шведов, так что два фрегата сели на песчаную мель. За это оба предательски действовавших лоцмана были избиты возмущенным экипажем. Один был убит, а другой спасся и нашел возможность бежать»¹⁵.

Двумя рыбаками, совершившими героический подвиг, были Иван Рябов и Дмитрий Борисов. Шведская диверсия против Архангельска провалилась. Оставшийся в живых Рябов, как и все причастные к отражению шведского нападения, были щедро награждены Петром во время прибытия его в Архангельск в 1702 году.

Итак, в ближайшие месяцы после Нарвы ни той, ни другой стороне не удалось достичь военного превосходства — операции ограничивались мелкими стычками и взаимными набегами на неприятельскую территорию.

Первую более или менее значительную операцию Шереметев предпринял в начале сентября 1701 года, когда он, будучи уже в должности главнокомандующего, двинул на неприятельскую территорию три отряда общей численностью 20 тысяч человек. Командование

самым крупным из них, насчитывавшим свыше 11 тысяч человек, Борис Петрович вручил своему сыну Михаилу. Его действия принесли успех у Ряпиной мызы, защищаемой шведским отрядом в 600 человек. Вспоминая об этом сражении, Шлиппенбах, оказавшись в плену после Полтавы, показал: «Из той команды только один поручик ко мне возвратился. Прочие все побиты от войск его ц. в. или в полон взяты с потерей двух пушек»¹⁶.

Это была первая победа над шведами в так называемой «малой войне». В Печерском монастыре победителям была организована торжественная встреча. Современник Иван Афанасьевич Желябужский описал ее так: «Наперед везли полон, за полоном везли знамена, за знаменами пушки, за пушками ехали полки ратных людей, за полками ехал он, Михайла Борисович. А в то время у Печерского монастыря на всех раскатах и на башнях распущены были знамена, также и во всех полках около Печерского монастыря, и на радости была стрельба пушечная по раскатам и по всем полкам, также из мелкого ружья»¹⁷.

Вслед за сентябрьским походом в войсках Шереметева наступила передышка, продолжавшаяся почти до конца 1701 года, когда лазутчики донесли ему о сосредоточении сил Шлиппенбаха у мызы Эрествер. В распоряжении шведского генерала находилось около 5 тысяч регулярных и 3 тысяч нерегулярных войск, разбросанных по всей Лифляндии. Для шведов появление Шереметева у Эрествере было полной неожиданностью — они праздновали рождество и беспечно пьянствовали, полагая, что глубокий снег гарантировал им полную безопасность.

Шереметев двинулся в поход «за свейский рубеж» 23 декабря, три дня спустя он оставил обоз и далее продвигался «тайным» обычаем в надежде напасть на противника врасплох. Замысел, однако, не удался, шведы обнаружили авангард Шереметева, но они не придали ему серьезного значения, приняв его за обычный отряд, совершавший набег. Лишь 27 декабря им стало известно о движении против них значительных сил.

Сражение, начавшееся в 11 утра, 29 декабря на первом этапе складывалось не в пользу русских, ибо в нем участвовали только драгуны. Оказавшись без поддерж-

Медаль на взятие Шлиссельбурга.

ки пехоты и артиллерии, не подоспевших к месту боя, драгунские полки были рассеяны неприятельской картечью. Однако подошедшие пехота и артиллерия резко изменили соотношение сил и ход сражения. После пятичасового боя Шлиппенбах, полностью разгромленный, вынужден был бежать. С остатками кавалерии он укрылся за стенами крепости в Дерпте. В руках русских оказалось около 150 пленных, 16 пушек, а также провиант и фураж, впрок заготовленные противником в Эрествере.

4 января 1702 года войска возвратились в Псков, где в честь победителей «после молебного пения из пушек и из мелкого ружья за щастливую викторию стреляли»¹⁸.

Успех отметили и в столице. Извещение о победе Борис Петрович отправил 2 января «с сынишкою своим Мишкою». В Москве впервые с начала Северной войны в честь победителей раздались пушечная стрельба, звон колоколов, народ угощали вином, пивом, медом. На кремлевских башнях развевались захваченные у шведов знамена и штандарты. И. А. Желябужский в этой связи зарегистрировал важный факт в истории русской культуры: «А на Москве, на Красной площади, для такой радости сделаны государевы деревянные хоромы

и сени для банкета; а против тех хором на той же Красной площади сделаны разные потехи и ныне стоят». Эре-стверская победа, таким образом, дала повод открыть первый в России общедоступный театр.

В Псков скакал поручик Меншиков с наградами. Шереметеву он привез орден Андрея Первозванного, а также весть о пожаловании его чином фельдмаршала. Примечательно, что этим званием Петр отметил подлинные заслуги Бориса Петровича на поле брани, в то время как пожалование этим же чином Федора Алексеевича Головина во время похода под Нарву не подкреплялось военными успехами последнего. Отмечены были и солдаты — каждый из них получил по одному серебряному рублю. Значение победы царь оценил лаконично и выразительно, как это он умел делать, восклицанием: «Мы можем наконец бить шведов!»

По всему видно, что успех воодушевил царя настолько, что он уже в январе 1702 года вынашивал новый план наступательных операций, но на этот раз не в Лифляндии и Эстляндии, а вдали от них — в устье Невы. Операция, однако, не состоялась отчасти из-за рано наступившего половодья.

Возобновлению активных действий благоприятствовали два обстоятельства: Англия, Голландия и Австрия, с одной стороны, и Франция — с другой, начали войну за испанское наследство и, следовательно, лишились возможности вмешиваться в конфликт, разразившийся на северо-востоке Европы; Петр по этому поводу рассуждал: «Война общая началась; дай боже, чтоб протянулась; хуже не будет нам».

Шереметев выступил в новый поход только 12 июля 1702 года. В его распоряжении находилось около 18 тысяч человек, в то время как Шлиппенбаху удалось наскрести чуть больше 7 тысяч. Качественный состав корпуса Шереметева стал еще выше, чем в зимнем походе. Теперь уже не две трети, а пять шестых войска фельдмаршала состояло из регулярной конницы и пехоты.

Начало летней кампании 1702 года как две капли воды напоминало военные действия зимнего похода. Передовые части русских войск вступили в соприкосновение с неприятелем у мызы Хуммули (по русским источникам, Гумуловой мызы) 18 июля, когда Большой полк Шереметева находился на марше. Шведам удалось не

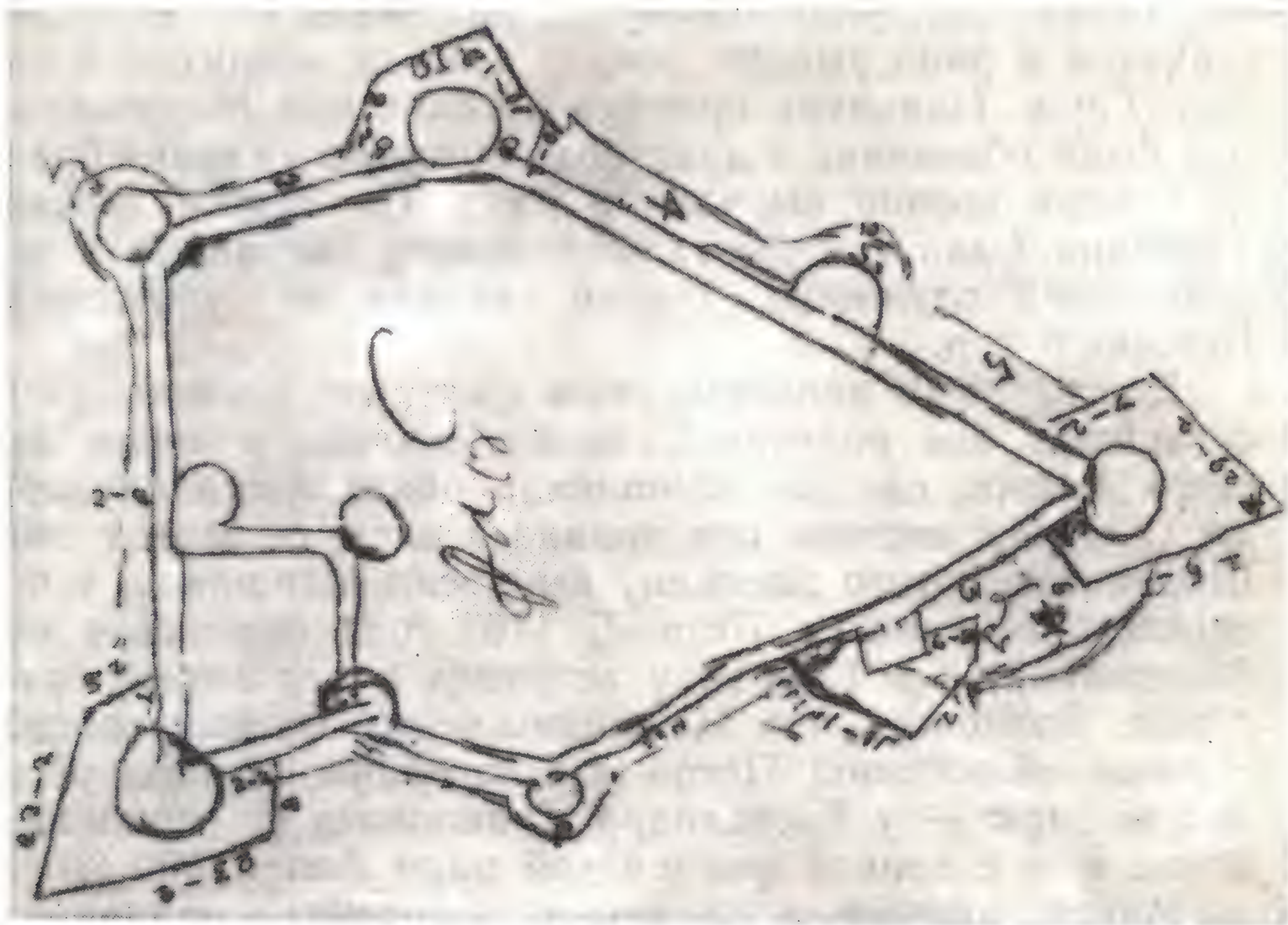
только потеснить авангард, но и отбить у него несколько пушек. Подоспевшая пехота решила исход дела. Как и при Эрествере, шведская конница, не выдержав напора, ринулась наутек, расстроила во время бегства ряды собственной пехоты и обрекла ее на полное уничтожение. Незадачливый Шлиппенбах бежал в Пярну, где ему удалось собрать остатки разгромленных и деморализованных войск в количестве трех тысяч человек.

«И по окончании оной счастливой виктории господин генерал фельтмаршал с ратными людьми, ополчась, стал при той мызе Гумуловой» — так лаконично сказано об этой победе в журнале Шереметева¹⁹. Царь был доволен операцией фельдмаршала и поблагодарил его: «Зело благодарны мы вашими трудами».

На этот раз Шереметев задержался на неприятельской территории почти на два месяца. В разные концы Лифляндии фельдмаршал отправлял отряды для опустошения края. Но, кроме того, русские овладели двумя крепостями. Одна из них у мызы Менза (Мынисте) представляла каменное строение, превращенное в опорный пункт. Гарнизон его во главе с подполковником Г. В. Икскюлем дважды отклонял требования о капитуляции и согласился сдаться лишь после подхода основных сил Шереметева. Фельдмаршал доносил царю: «...увидя меня, тот полуполковник замахал в окно шляпой и велел бить в барабан и просил милосердия, чтобы им вместо смерти дать живот»²⁰.

С мызой Менза удалось покончить в два дня. Зато с Мариенбургом (Алуксне), крепостцей, хотя и с гарнизоном в 1000—1200 человек из местной ландмилиции, но занимавшей островное положение, пришлось возиться двенадцать суток. Шереметев оставил описание крепостцы: «...Стоит на острове, около вода, сухова пути ни с которой стороны нет». Подъемный мост неприятель разрушил. Шереметев уже было отчаялся овладеть городом и собирался отойти от него, но кто-то посоветовал соорудить плоты, на которых осаждавшие преодолели 200-метровое расстояние, отделявшее берег от острова. Еще до того, как плоты причалили к острову, осажденные, по словам Шереметева, «ударил в барабаны, и просили сроку, и прислали письмо». Однако фельдмаршал счел условия капитуляции неприемлемыми и продолжал обстрел. Осажденные оказались сго-

Эскиз проекта новых укреплений Шлиссельбурга, принадлежащий Петру I.

ворчливее, комендант и офицеры вручили ему шпаги. «И от того великого страха, не дожидаясь от его государевых людей приступов, тот город сдали»²¹. Произошло это 25 августа.

Взятием Мариенбурга закончился «генеральный поход» Шереметева. «Больше того быть стало невозможно, — доносил Шереметев царю, — в конец изнужились крайне и обезхлебели, и обезлошадели, и отяготились по премногу как ясырем и скотом, и пушки везть стало не на чем и новых подвод взять стало неоткуда и во Пскове нет»²². 9 сентября фельдмаршал вернулся в Псков и принялся подсчитывать трофеи: было захвачено свыше тысячи пленных, в том числе 68 офицеров, 51 пушка, 26 знамен. Царь остался доволен действиями Бориса Петровича. «Борис Петрович в Лифляндии гостил изрядно довольно», — писал он Федору Матвеевичу Апраксину. Самого Бориса Петровича царь вновь поздравил с викториями.

Одному из мариенбургских трофеев волей случая суждено было войти в историю. Речь идет о пленнице,

позже ставшей супругой царя, а затем императрицей Екатериной I. О ее происхождении ходили разноречивые слухи. Согласно одному из них, мать ее была крестьянкой и рано умерла. Марту взял на воспитание пастор Глюк. Накануне прихода русских под Мариенбург она была обвенчана с драгуном, которого во время брачного пира срочно вызвали в Ригу. По другой версии, пленница была дочерью лифляндского дворянина и его крепостной служанки. Третьи считали ее уроженкой Швеции и т. д.

Достоверным является лишь факт, что девочка, рано оставшись без родителей, воспитывалась в семье пастора Глюка, где она выполняла обязанности служанки. С семьей пастора она попала в плен, ее взял к себе Шереметев, у того пленницу выпросил Меншиков, у последнего ее заметил Петр. С 1703 года она стала его фавориткой, а в 1712 году вступила в церковный брак с ним. Возможно, что Меншиков всеми силами способствовал сближению Петра и Екатерины, охотно уступил ее царю — у Александра Даниловича не сложились отношения с первой фавориткой царя Анной Монс.

Марта, похоже, родилась в шведских владениях. Свидетельства на этот счет, правда, косвенные, исходят от самого царя.

Петр, как известно, ежегодно отмечал взятие древнерусского Орешка, по-шведски Нотебурга. 11 октября 1718 года, находясь в Шлиссельбурге, царь писал супруге: «Поздравляю вас сим счастливым днем, в котором русская нога в ваших землях фут взяла, и сим ключом много замков открыто». В десятую годовщину Полтавской виктории, 27 июня 1719 года, Петр писал: «Чаю, я вам воспоминаньем сего дня опечалил». Оба письма недвусмысленно намекают на прибалтийское происхождение пленницы. Эту версию подтверждает также шуточный разговор царя с супругой, будто бы состоявшийся в 1722 году, то есть после заключения Ништадтского мира.

— Как договором постановлено всех пленных возвратить, то не знаю, что с тобой будет, — начал царь.

Екатерина нашла что ответить:

— Я ваша служанка — делайте что угодно. Не думаю однако же, чтоб вы меня отдали; мне хочется здесь остаться.

— Всех пленников отпущу, о тебе же условлюсь с королем шведским, — закончил разговор Петр.

Разговор происходил в то время, когда бывшая пленница давно сама пленила сердце русского царя и стала его супругой. Но в 1702 году чернобровая красавица была прачкой фельдмаршала и поначалу затерялась в толпе гражданских пленников и пленниц, которые в источниках того времени, естественно, оставались безымянными.

В недели, когда Шереметев успешно громил войска Шлиппенбаха и разорял край, лишая тем самым противника запасов продовольствия, Петр лихорадочно готовился к походу в Архангельск. Царь получил тревожные известия от своего посла в Голландии Андрея Артамоновича Матвеева, что шведы намереваются повторить атаку Архангельска, бесславно закончившуюся в предшествующем году, причем на этот раз более внушительными силами.

Архангельск и Холмогоры обороняли гарнизоны общей численностью в 2355 человек, располагавшие слабой артиллерией в 82 ствола. Вход в устье Северной Двины охраняла Ново-Двинская крепость. Ей, как мы помним, принадлежало решающее слово в отражении нападения шведов в 1701 году. Однако строительство крепости еще не было завершено.

Петр счел оборону единственного порта, связывавшего Россию со странами Западной Европы, недостаточной и решил сам отправиться в Архангельск. В ночь на воскресенье 18 апреля 1702 года он выехал из Москвы во главе пяти гвардейских батальонов численностью до четырех тысяч человек, в сопровождении огромной свиты — до 50 человек.

Путь от Москвы до Архангельска занял месяц. В Городе, как тогда называли Архангельск, свита и гвардейцы находились около трех месяцев, до 5 августа. В ожидании прихода неприятельских кораблей, который так и не состоялся, царь зря времени не терял: было спущено на воду два фрегата и заложен 26-пушечный корабль.

5 августа Петр, его свита и войско на десяти кораблях, шесть из которых были наняты у англичан и голландцев, отбыли из Архангельска на Соловки. 16 августа десант высадился на западном берегу Белого мо-

ря — в Нюхче, откуда сушей направился к Повенецкому погосту, что на севере Онежского озера. Дорогу для войска через леса, топи и речушки протяженностью в 120 верст прокладывали, вырубая вековые деревья, сооружая гати и мосты, под руководством сержанта Преображенского полка Михаила Ивановича Щепотева заблаговременно согнанные туда крестьяне из ближайшей округи. Это был беспримерный по трудности путь, тем более что по «Осударевой дороге», как он был назван, солдаты тащили волоком два фрегата. Конечный пункт похода — Нотебург — шведская крепость, овладением которой царь решил завершить кампанию 1702 года.

Взять Нотебург было крайне сложно. Сила крепости заключалась прежде всего в ее островном положении — у выхода Невы из Ладожского озера, на небольшом острове у самой воды возвышались огромной толщины стены высотой около двух саженьей. Сравнительно малочисленный гарнизон, 450 солдат и офицеров, располагал 142 орудиями.

После того как русские войска стали лагерем по обеим сторонам Невы, Шереметев отправил к коменданту парламентаря с предложением сдаться, но комендант крепости подполковник Густав-Вильгельм фон Шлиппенбах, родной брат генерала Шлиппенбаха, неоднократно битого Борисом Петровичем, отклонил его: он просил предоставить ему четырехдневный срок, чтобы испросить разрешения на капитуляцию у нарвского коменданта Горна, которому он подчинялся. На всякий случай Шлиппенбах прикрепил к башне знамя, являвшееся сигналом о помощи.

Русское командование ответило на «сей комплимент» бомбардировкой, начавшейся 1 октября, так как усмотрело в нем хитрость — стремление протянуть время, чтобы получить «сикурс».

Интенсивная бомбардировка вызвала в крепости пожары, так что на третий день канонады супруга коменданта от имени всех офицерских жен отправила в лагерь русских барабанщика. В реляции этот эпизод описан в присущем Петру шутливом тоне: жены просили фельдмаршала, «дабы могли из крепости выпущены быть, ради великого безпокойства от огня и дыму и бедственного состояния, в котором они обретаются». Гарнизонным дамам галантно отвечал сам Петр. Им было

Медаль на взятие судов в устье Невы.

заявлено, что он, бомбардирский капитан Петр Михайлов, не отваживается передать их просьбу фельдмаршалу, «понеже ведает он подлинно, что господин его фельдмаршал тем разлучением их опечалити не изволит, а если изволят выехать, изволили бы и любезных супружников своих вывести купно с собою»²³.

Дамы, однако, не вняли любезному совету бомбардирского капитана, и непрерывный обстрел крепости продолжался.

С 7 октября началась подготовка к штурму: охотникам были розданы лестницы для приступа. Штурм начался в воскресное утро 11 октября, «когда сигнал к нему подали троекратным выстрелом из мортир». Начало оказалось неудачным — солдаты не могли проникнуть в проломы из-за коротких лестниц. Петр, видя огромные потери в рядах штурмовавших, велел отступить, но посыльный в сутолоке сражения не мог найти нужного ему командира. Судьбу штурма решили действия двух офицеров: подполковника князя Михаила Михайловича Голицына, командира отряда Семеновского полка, распорядившегося оттолкнуть лодки от берега крепости, чем пресек попытки к бегству; вторым был поручик Александр Данилович Меншиков, прибывший к штурмовавшим со свежим подкреплением. Гарнизон капитулировал.

Подвиг русских солдат вызвал восхищение иностранного наблюдателя: «Поистине удивительно, как русские могли взобраться на такую крепость и взяли ее с помощью одних осадных лестниц».

Победителям достались богатые трофеи: 138 пушек разных калибров, 11 114 ядер, 1117 солдатских фузей, много гранат, пороху, шпаг и т. д. Меншикову был пожалован чин шлиссельбургского губернатора, подполковник князь М. М. Голицын стал полковником Семёновского полка, многие получили деревни и золотые монеты.

Русские войска овладели древнерусским Орешком. Радостной вестью о «жестоком и чрезвычайно трудном приступе» царь поделился с близкими людьми. Петр каламбурил, используя созвучие слов «орех» — «Орешек». «Правда, что зело жесток сей орех был, аднака, слава богу, счастливо разгрызен». Петр переименовал Орешек — Нотебург в Шлиссельбург («Ключ-город»), подчеркивал этим названием ключевое положение крепости на Неве, открывавшее путь в неприятельские земли. На выбитой в память овладения Нотебургом медали была надпись: «Был у неприятеля 90 лет».

Со взятием Нотебурга заканчивалась кампания 1702 года — года первых военных побед, позволяющих с надеждой смотреть в будущее.

Следующий, 1703 год открылся военными операциями против крепости Ниеншанц у Невы. Сосредоточение русских войск у Шлиссельбурга завершилось к середине апреля, и уже 23-го числа Шереметев во главе 20-тысячного корпуса двинулся по правому берегу Невы к Ниеншанцам. 26 апреля Шереметев начал осадные работы, и когда они были завершены и артиллерия расставлена, чтобы открыть огонь, гарнизону было предложено капитулировать. Однако комендант ответил, что «крепость вручена им от короля для обороны», и отказался сдать ее. Как только 30 апреля начали артиллерийский обстрел, Ниеншанц, укрепления которого не шли ни в какое сравнение с Шлиссельбургом и состояли всего лишь из земляного вала, капитулировал. Правда, гарнизон Ниеншанца, называвшегося русскими источниками Канцем, был более многочисленным (в нем находилось до 700 защитников), но он оказался так «утесненным» обстрелом, что сдался без сопротивления,

Первоначальный
вид
С.-Петербургской
крепости.

если не считать нескольких ответных выстрелов из пушек, практически не нанесших вреда осаждавшим.

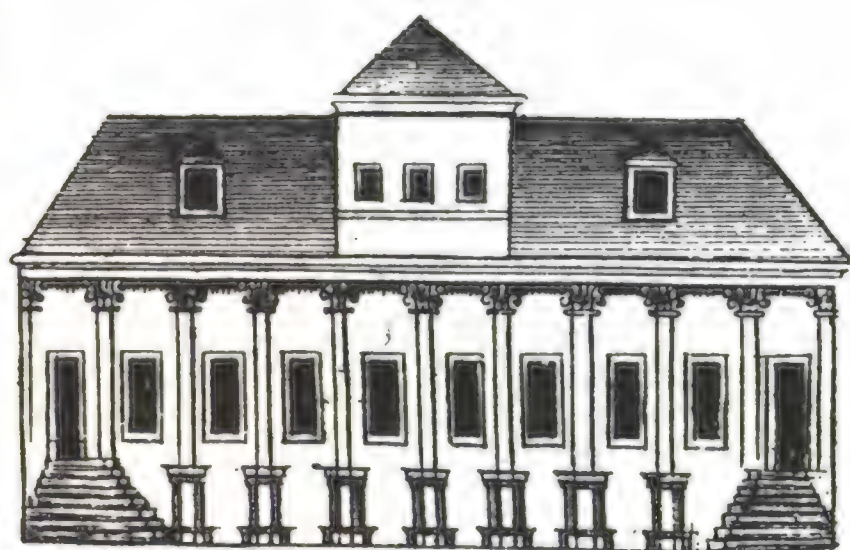
В адрес друзей Петр, находившийся среди осаждавших, направил письма с извещением о победе. В них он отметил два момента, свидетельствовавшие о понимании царем значения одержанной победы: «Господь бог заключительное место сие даровал», то есть крепость, открывавшая выход к морю, оказалась в русских владениях: удивляла царя и сравнительная легкость победы, не стоившей осаждавшим потерь, что являлось следствием повышения боевой выучки русских войск, в частности, артиллеристов. «Извольте, — писал царь Ромодановскому, — сие торжество отправить хорошенько и чтоб после соборнова молебна из пушек, что на площади, было по обычаю стреляно»²⁴.

У Ниеншанца же состоялось и первое боевое столкновение с неприятельским флотом. Два шведских корабля из эскадры Нумерса, не зная о капитуляции Ни-

Образцовый Мазанок

Дом Брюса
и образцовая
постройка
обыкновенного
жилого дома.

Брюсовъ Домъ

еншанца, вошли в устье Невы и дали два сигнальных выстрела из пушек. Из крепости им ответили таким же сигналом, чем и обманули шведов. Петр решил их атаковать. Под его пером операция выглядела следующим образом: 5 мая «пришла на устье неприятельская шквадра под правлением вице-адмирала господина Нумберса; о чем уведав, наш господин фельдмаршал посылал нас в тридцати лодках. И в 7 день, пришед к устью, гораздо осмотрели неприятеля... и по нарочитом бою взяли два фрегата, один «Гедан» о десяти, другой «Астрил» об восьми пушках, а окон четырнадцать. По-неже неприятели пардон зело поздно закричали, того для солдат унять трудно было, которые ворвався, едва не всех покололи; только осталось 13 живых. Смею и то писать, что истинно с восемь лодок только в самом деле было»²⁵.

План атаки двух кораблей Нумерса составил царь.

30 лодок были разделены на две группы; одна из них отрезала шведам выход к морю, а другая напала со стороны верхнего течения Невы. Действиями отрядов руководили Петр и Меншиков. Однако по письмам Петра можно лишь догадываться, что он не был сторонним наблюдателем происходящего: «Хоть и недостойны, однако ж от господ фельдмаршала и адмирала мы с господином поручиком (Меншиковым. — Н. П.) учинены кавалерами святого Андрея».

В честь этого события царь велел выбить медали со следующей лаконичной надписью на ней: «Небываемое бывает». Надо было обладать огромной отвагой, чтобы решиться на это предприятие. Петр рисковать не любил, предпочитал действовать наверняка, и благополучно окончившаяся операция, кажется, была единственной, где царь отступил от своего правила.

В последующие годы к подобного масштаба выигранным сражениям привыкли настолько, что хотя и отмечали их салютами, но считали будничными событиями ратной жизни. Эта победа привела Петра в неподдельный восторг, ибо она была первой на воде. Она положила начало славным боевым традициям русского военно-морского флота. Петр в этой связи повелел даже произвести разыскания в архиве — не происходило ли что-либо подобное в давно прошедшие времена. «А за такую, государь, — отвечал Тихон Никитич Стрешнев, — храбрым привотцам прежде сего какие милости бывали, и того в Розряде не сыскано, для таго что не бывала взятия кораблей на море никогда; и еще в сундуках станем искать, а, чаю, сыскать нечево; примеров таких нет»²⁶.

После овладения Ниеншанцем, все течение Невы от истоков, где стоял Шлиссельбург, до устья оказалось в русских руках. Царь нисколько не сомневался в том, что шведы считали свои неудачи на этом театре войны временными и в ближайшие месяцы предпримут отчаянные попытки сбросить русских с берегов Невы. Поэтому сразу же были приняты меры к укреплению устья Невы. «По взятии Канец, — записано в «Гистории Свейской войны», — отправлен воинский совет, тот ли шанец крепить, или иное место удобное искать (понеже оный мал, далеко от моря, и место не гораздо крепко от натуры), в котором положено искать нового места,

остров, где в 16 день мая (в неделю пятидесятницы) крепость заложена и именована Санкт Петербург»²⁷.

За сооружение каждого из шести бастионов отвечали ближайшие сподвижники царя: Меншиков, Головкин, Зотов, Трубецкой, Нарышкин. За сооружение первого отвечал сам царь. Вблизи крепости был построен деревянный домик для Петра — сруб из двух покоев, сохранившийся до наших дней. Поодаль от него возводили дома вельможи: Гавриил Иванович Головкин, Яков Вилимович Брюс, Петр Павлович Шафиров. Среди первых зданий Петербурга выделялся размерами дом петербургского губернатора Меншикова — должность губернатора он получил сразу же после завоевания Ниеншанца. Дом Меншикова назывался Посольским, потому что в нем принимали послов и отмечали праздники.

В устье Невы постоянно маячили корабли эскадры Нумерса. Как только 1 октября эскадра удалилась на зимнюю стоянку в Выборг, Петр отправился на Котлин для обследования берегов острова. Он установил, что путь к северу от него был закрыт для кораблей мелями и камнями. Напротив, пространство между островом и отлогим берегом залива имело фарватер, удобный для судов. Именно у этого фарватера на расстоянии пушечного выстрела от Котлина острова Петр велел создать искусственный остров из ящиков, наполненных камнями, и поставить на нем батарею. Крепость на рукотворном острове получила название Кроншлота. Там было поставлено 14 пушек, а на Котлине острове — до 60, крепость Кроншлот возводилась по плану, составленному Петром и присланному из Воронежа.

Комендант Кроншлота должен был руководствоваться инструкцией, подписанной Петром: «Содержать сию ситадель, с божиею помощью, аще случится, хотя до последнего человека». Когда укрепления на Котлине и Кроншлоте были готовы, Петр заявил: «Теперь Кронштадт приведен в такое состояние, что неприятель в море близко появиться не смеет. Инако разобьем корабли в щепы. В Петербурге спать будем спокойно»²⁸.

Слух об основании города в устье Невы распространился среди западноевропейских купцов, и в ноябре 1703 года на реке пришвартовался первый иностранный корабль, доставивший соль и вино. На радостях петер-

бургский губернатор щедро наградил за отвагу шкипера, рискнувшего пробиться к городу, минуя шведских каперов; ему была выдана премия в 500 золотых, а каждому матросу по 300 талеров.

Строителям будущей столицы доводилось испытывать на себе невзгоды сурового климата и капризы Невы. Аникита Иванович Репнин писал в августе 1703 года: «Зело государь, у нас жестокая погода с моря, и набивает в нашем месте, где я стою с полками, воды аж до самого моего станишку, а ночесь в Преображенском полку и в полночь и у харчевников многих сонных людей и рухлядь их помочило. А жители здешние сказывают, что в нынешнем времени всегда то место заливают»²⁹. А вот картина, изображенная самим Петром с натуры в письме к Меншикову 11 сентября 1706 года: «Третьего дни ветром вест-сюд-вестом такую воду нагнала, какой, сказывают, не бывало. У меня в хоромах была сверх полу 21 дюйм, а по городу и на другой стороне по улице свободно ездили в лотках; однако ж не долго держалось: меньше 3 часов. И зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям будто во время потопа, сидели, не точно мужики, но и бабы. Однако ж хотя и зело велика была, но беды великой не зделала»³⁰.

Все эти неудобства не смущали Петра. В его глазах новый город выглядел «Парадизом», то есть раем. В письмах царя встречаются такие фразы: «Не могу не писать вам из здешнего Парадиза»; «Истинно, что в раю здесь живем»; «О здешнем поведении сомневаться не изволь, ибо в раю божием зла быть не может». Даже письмо с описанием наводнения, когда вода затопила царский домик, а мужики и бабы спасались на деревьях и крышах домов, помечено: «Из Парадиза, или Санктпитербурха, в 11 день сентября 1706 года».

Шведы, разумеется, не могли мириться с потерей Невы и предпринимали попытки вернуть утраченное нападениями как с суши, так и с моря. На берегу Сестры стоял шведский генерал Кронгиорт, готовый напасть на Петербург. Петр двинул против него четыре конных и два пеших полка и 7 июля 1703 года дал сражение у реки Сестры, во время которого «было побито неприятелей с тысячу человек».

Зацепившись за берега Невы, Петр незамедлительно

приступил к созданию флота. Прогнав Кронгиорта в Выборг, он в том же июле 1703 года отправился в Лодейное Поле на берегу Свири, где Меншиков присмотрел удобное место для верфи, названною Олонецкой. С августа месяца там началась закладка свыше 40 военных кораблей, правда небольших, среди которых самыми крупными были галеры. В августе Петр вернулся в Петербург на фрегате с символическим названием «Штандарт». Наименование первому кораблю Балтийского флота дано «в тот ряд, понеже тогда четвертого моря присовокуплено». Ранее на флаге изображался двуглавый орел, державший в клювах и когтях карты трех морей, к которым Россия имела выход. Теперь на штандарте появилось изображение четвертого моря.

Изображение наводнения 5 ноября 1721 г. (фрагмент гравюры XVIII в.).

ГОДЫ

ИСПЫТАНИЙ

Со времен первой Нарвы прошло три года. Казалось бы, что оцепенение, последовавшее за поражением под стенами этой крепости, должно пройти. В самом деле, Россия за эти годы достигла того, ради чего вступила в войну: «Господь бог ныне чрез оружие его большую часть дедофского наследства (неправедно похищенного) возвратил». Россия приобрела гавань, значение которой вполне оценил Петр: «Чрез сию артерию может здравее и прибыльнее сердце государственное быть». Русские войска, кроме того, дали шведам ряд победоносных сражений. Вероятно, Петр, если бы ему король предложил мир, охотно согласился на него, ибо слишком велик был риск утратить то, что было с таким трудом приобретено. Но горькие воспоминания о Нарве держались прочно и устойчиво.

Быть может, они были бы и забыты, если бы о них не напоминал Карл XII новыми успехами на поле брани, подтверждавшими высокую репутацию шведской армии и ее полководца. Упоенный своими легкими победа-

ми над саксонцами, Карл XII о мире с Россией не помышлял — он был убежден, что, разделавшись с Августом II, он с таким же успехом покончит и с Петром I. Едва ли не выразительнее всего состояние Карла XII отразили его слова, произнесенные в ответ на сообщение, что русские возводят близ Ниеншанца новый город: «Пусть царь трудится над закладкой новых городов, мы хотим лишь оставить за собой честь впоследствии забрать их». Здесь отражено и высокомерие короля, и азарт человека, искавшего удовлетворения своих честолюбивых замыслов на полях сражений, причем самоуверенного и убежденного в том, что ему сопутствует не миг удачи, а устойчивые успехи один за другим.

В этих условиях Петру ничего не оставалось, как продолжать войну, подвергая и страну и свою собственную судьбу новым испытаниям. В настоящей главе мы рассмотрим события, происходившие с 1704 года до вторжения армии Карла XII в Россию.

За это время произошло множество событий. Продолжалась война, напряженно работало дипломатическое ведомство, велись поиски путей окончания войны, предпринимались шаги для привлечения на свою сторону новых союзников и удержания старых.

Народ нес тяжелое бремя. Напряжение его было близко к пределу. Десятки тысяч молодых рук вместо сохи и серпа держали ружья. Ежегодно на строительстве крепостей и гаваней было занято около 17 тысяч принудительно мобилизованных крестьян и горожан. В будничную жизнь трудового населения то и дело вторгались воинские команды, приезжавшие выколачивать недоимки и взыскивать изобретенный прибыльщиками новый налог. Издавалось множество указов о мобилизации крестьян на всякие работы, об очередных и внеочередных призывах рекрутов. Где-то крестьяне отказались повиноваться помещику, и туда срочно снаряжали карателей, где-то мздоимец-воевода своими притеснениями довел население уезда до отчаяния, и оно либо убегало в леса, либо всей деревней со всеми пожитками по глухим тропам двигалось в далекую Сибирь или на Дон — вдогонку за ним тоже направляли отряды солдат.

Было бы ошибкой полагать, что верхам общества России — дворянству — рассматриваемое время позволяло вести праздную жизнь, которую они беззаботно

коротали в родовых гнездах. Бремя возросших повинностей легло и на плечи дворянства, уклад жизни которого в связи с войной и преобразованиями круто изменился — Петр загнал дворян в казармы и канцелярии. Другое дело, что характер повинностей дворян был иным, чем у крестьян, равно как иной была и степень воздействия на хозяйственные ресурсы вотчины и крестьянского двора. Вместе с тем повинности тех и других надобно рассматривать не в статике, а в сопоставлении с повинностями прошедшего времени.

Новшества верхам купечества тоже несли ранее неизвестные повинности, выполнение которых пускало многих некогда богатых купцов по миру.

Из всего комплекса событий рассматриваемого пятилетия мы остановились лишь на важнейших, а именно: на овладении Дерптом и Нарвой, сражении у Мурманска и также Астраханском восстании.

По намеченному в 1704 году плану Шереметев должен был идти в Эстляндию добывать Дерпт. Правда, события чуть было не приняли иные направления: положение единственного союзника Августа II стало настолько шатким к началу 1704 года, что царь чуть было не направил к нему на подмогу фельдмаршала. Однако весной ситуация улучшилась, и Петр снова вернулся к первоначальному плану.

Шереметев вышел из Пскова 21 мая, но перед этим он совершил важную операцию, обеспечивающую безопасность тыла: в конце апреля он снарядил семитысячный отряд с 18 пушками под командованием генерал-майора Вердена, который, переправившись на стругах через Чудское озеро, высадился в устье реки Амовжи (Эмайычи). Ничего не подозревавший о высадке русских войск командир речной эскадры, состоявшей из 13 кораблей, отправился в путь и попал в засаду. Верден велел перегородить реку стругами так, что экипажи шведских кораблей не могли пробиться ни вперед, ни вернуться назад и, обстреливаемые с обоих берегов, после трехчасового боя вынуждены были капитулировать. Добычей русских войск стали 12 кораблей, 86 пушек и 138 пленных.

Известие об этой победе доставило царю радость. 12 мая он сердечно поблагодарил фельдмаршала за усердие и вновь напомнил ему о необходимости, «не от-

Русский бомбардир.

лагая», идти к Дерпту и осадить его, «чтоб сего богом данного случая не пропустить». 20 мая новое напоминание: «Немедленно извольте осаждать Дерпт, и за чем мешкаете — не знаю»¹.

Передовые отряды русских появились у стен Дерпта в ночь на 4 июня. Мощь оборонительных сооружений крепости была далеко не одинакова: укрепления северной стороны оказались слабее южной, но фельдмаршал избрал для атаки южные стены и бастионы потому, что подступы к северным укреплениям затрудняла болотистая местность. Обстрел крепости Шереметев начал 10 июня, но эффект от него был невелик — батареи нанесли городу и стенам незначительный урон. Чтобы парализовать усилия осаждавших, комендант крепости Карл Густав Шютте, по отзывам его подчиненных, «великий фурьян, шумный и бурный», решил организовать вылазку. Хотя она и состоялась, но потерпела неудачу — засыпать апроши — рвы осаждающих — отряду, вышедшему 27 июня из крепости, не удалось, и он, понеся значительные потери, возвратился под защиту крепостных стен.

Осадные работы затягивались. В русском лагере под Дерптом 2 июля неожиданно появился Петр, прибывший из-под Нарвы, где русские полки тоже вели осадные работы. Прибытие царя к Дерпту было вызвано стремлением ускорить овладение крепостью. Нетерпение его объяснялось слухами, оказавшимися недостоверными, умышленно распространяемыми шведскими властями, о том, что к осажденному в Нарве гарнизону следует «сикурс» во главе с королем. Возникла опасность оказаться в положении, в котором находились русские войска около четырех лет назад под стенами той же Нарвы. Избежать этой опасности можно было сосредоточением всей армии, в том числе и осадной артиллерии в одном месте.

Осадными работами Петр остался недоволен. Промысел, по его мнению, состоял в том, что они велись там, где шведская оборона отличалась наибольшей прочностью. Царь немедленно изменил план осады.

В лагере осаждавших с приездом царя началась перегруппировка сил, связанная с изменением направления главного удара. Осажденные получили кратковременную передышку, артиллерия умолкла, но с 6 июля

возобновился интенсивный обстрел крепости. «Огненный пир», как назвал его Петр, продолжался всю ночь с 12 на 13 июля. На рavelине штурмовавшие захватили пять пушек и тут же повернули их на неприятеля. Положение осажденных стало безвыходным. Один за другим погибли четыре шведских барабанщика, бывших «шамад» (сигнал к сдаче. — *Н. П.*). Лишь звуки трубы приостановили сражение, и осажденные обратились «со упросительными от всего дерптского гарнизона пунктами», составленными комендантом капитулировавшей крепости.

Наспех отпраздновав возвращение «праотеческого города» троекратной стрельбой из ружей и пушек, Петр через Чудское озеро поспешил к Нарве. Насколько туда торопился царь, свидетельствует то, что он, вопреки обыкновению отправить своим друзьям извещение о победе с поля боя, прислал к ним курьеров 20 июля, то есть после трехдневного пребывания под Нарвой.

Самое обстоятельное описание сражения получил князь кесарь Ф. Ю. Ромодановский: «И тако, — писал царь, — с божией помощью, сим нечаемым случаем сей славный отечественный град паки получен. Истинно то есть (чему самовидцы), что оного прежестокото огню было 9 часов. Город сей зело укреплен, точию с одного угла слабее: однако ж великим болотом окружен, где наши салдаты принуждены как в апрошах, так и при сем случае по пояс и выше брести»².

Русская армия расположилась под Нарвой в тех же местах, где стояла в 1700 году. Командовал гарнизоном крепости тот же генерал-майор Горн, рассчитывающий на повторение событий четырехлетней давности. У него были основания для оптимизма, ибо крепость стала сильнее, чем прежде: в ее гарнизоне значилось 3175 человек пехоты, 1080 человек конницы и 300 артиллеристов, в общей сложности 4555 человек против 1900 человек в 1700 году. Если к этому добавить 432 орудия и могучие бастионы крепости, то Горн нисколько не сомневался в возможности сопротивляться осаждавшим ровно столько, сколько понадобится времени, чтобы Карл XII прислал подкрепления или явился собственной персоной, чтобы еще раз проучить русских.

Но Горн, на свою беду, не заметил изменений, происшедших в русской армии. Она стала иной, чем четы-

ре года назад. Нарвский комендант полагал, что у стен крепости стояла такая же плохо обученная и худо вооруженная русская рать, как и в 1700 году. Именно эта уверенность, переросшая в самоуверенность, вызвала излишнее кровопролитие и потери людей как среди осаждавших, так и осажденных.

Шведы, как уже говорилось, усиленно распространяли слухи о том, что к крепости движется подкрепление. Меншиков отправился в разведку, но на расстоянии 30 верст не обнаружил ни одного шведа. Тогда он предложил прибегнуть к хитрости, одобренной царем.

8 июня два драгунских и два гвардейских полка были отведены далеко от Нарвы, где солдат и офицеров переодели в такие же синие мундиры и шляпы с белой обшивкой, какие носили в шведской армии. Весь этот маскарадный отряд во главе с Петром должен был изображать корпус Шлиппенбаха, якобы шедший на помощь осажденному гарнизону.

Отряду «наступающих», как и «оборонявшихся», удалось создать видимость настоящего сражения: палили из пушек и ружей холостыми зарядами, сходились врукопашную; Горн, сколько ни разглядывал в подзорную трубу шедшие ему «на помощь» полки, никакого подвоха не обнаружил, был искренне убежден, что пришло долгожданное подкрепление, и велел открыть ворота, чтобы ударить с тыла по русским войскам под командованием Меншикова, стремившимся «не допустить» «сикурс» в крепость. Навстречу «подкреплению» вышел отряд драгун в 100—150 человек и 800—1000 солдат с четырьмя пушками, а также толпа жителей Нарвы, рассчитывавших поживиться трофеями обоза.

Выманенные из крепости неприятельские драгуны были атакованы русскими войсками. Около 300 шведов, в том числе и гражданских, было убито; несколько десятков, среди которых был подполковник Марквард, оказались в плену. Пехота, обнаружившая, что драгуны попали в ловко расставленную ловушку, предпочла укрыться за стенами крепости.

Петр придал этому эпизоду большое значение. Во всяком случае, в «Гистории Свейской войны» он описан с мелкими подробностями и заканчивался словами: «И так те офицеры въехали в самые руки мнимого войска Шлиппенбахова кручучи вельком (то есть добро-

Медаль на взятие Нарвы.

вольно. — Н. П.) и от них в полон взяты, что увидя прочие шведы, из города идущие в великом страхе назад побежали»³.

Успех имел локальное значение, главный его итог состоял в захвате «языков», но тем не менее он доставил немало радостных минут Петру и его генералам. Припомним хохот, раздавшийся в шведском лагере и в столицах европейских государств после первой Нарвы. Теперь пришел черед для веселья в русском лагере. Петр бросил крылатую фразу: «Высокопочтенным господам шведам поставлен зело изрядный нос».

Шведы, плененные во время инсценированного сражения, сообщили русскому командованию ценные сведения. Оказалось, что Шлиппенбах действительно готовился оказать помощь Нарве, и, по слухам, он в Ревеле собрал отряд в 12 тысяч человек. Петр 14 июня отправил навстречу ему всю имевшуюся в его распоряжении конницу и часть пехоты, посаженную на коней, общей численностью в шесть тысяч человек.

Командовавший этим отрядом русский генерал Карл Эдуард Ренне вынудил Шлиппенбаха, кстати, располагавшего не 12, а 4 тысячами солдат и драгун, отказаться от сражения и бежать в Ревель. Это позволило полностью сосредоточиться на осаде Нарвы. Она протекала

планомерно, по всем канонам осады и обороны крепостей: осаждавшие вели методичный обстрел Нарвы, а осажденные тоже отвечали пальбой из пушек и периодическими вылазками, державшими русский лагерь в постоянном напряжении.

20 июня под Нарву прибыл фельдмаршал Георг Бенедикт Огильви. С этим фельдмаршалом, служившим цесарю, еще в ноябре 1703 года был заключен контракт на три года о службе в русской армии. Условия контракта предусматривали выдачу колоссального по тем временам жалованья в 12 тысяч талеров в год, а также бесплатного продовольствия и фуража. Наемник претендовал на командование корпусом, входившим в состав армии под началом русского фельдмаршала, причем главнокомандующий, как сказано в контракте, не должен препятствовать «ему распоряжаться по службе как в гарнизоне, так и на походе, в боях, нападениях или осаде»⁴.

Царь, однако, вручил Огильви командование не корпусом, а всей армией, осаждавшей Нарву. Новый главнокомандующий, ознакомившись на месте с ходом осадных работ, счел, что Нарва неприступна и что для успеха под ее стенами надобно было сосредоточить 70-тысячную армию. Поэтому он рекомендовал сначала овладеть Иван-городом, а затем Нарвой.

Петр не согласился с представлением Огильви и продолжал осуществлять ранее составленный план, справедливо полагая, что Иван-город капитулирует сразу же после овладения Нарвой.

Главная цель обстрела крепости состояла в том, чтобы пробить бреши в двух бастионах: «Глория» и «Гонор». Артобстрел, не прекращавшийся ни днем, ни ночью, принес свои плоды. Через 10 дней рухнула стена в бастионе «Виктория», а затем была пробита брешь и в «Гоноре».

Положение осажденных стало безнадежным, и царь велел отправить в Нарву бывшего дерптского коменданта Шютте с заданием убедить Горна капитулировать на почетных условиях. «Но Горн, — читаем в «Гистории Свейской войны», — с ним видеться не похотел». Тогда коменданту было отправлено письмо с предупреждением, что если он не примет условий «и до приступа допустит, то б уже никакой милости себе потом и договора

не ожидал». Горн ответил только на следующий день, 7 августа, отказом сдать крепость, причем, как сказано в «Гистории», наносил некоторые «хульные слова»⁵.

Остается неясным, чем руководствовался Горн в своем упорстве: то ли беспредельной верностью присяге благочестивому королю, то ли слепой верой в возможность получить подкрепление. Во всяком случае, он держал в тюрьме отпущенных русскими комендантов крепостей Нотебург и Ниеншанц, видимо, считая их предателями. Однако, какими бы мотивами ни руководствовался Горн, действия его к благоразумным не отнесешь — судьба крепости была предрешена, кровополитие было излишним.

Созванная Петром «конзилия», как тогда называли воинские советы, вынесла решение о штурме Нарвы. Понадобилось 45 минут, чтобы осаждавшие ворвались в крепость, и два часа, чтобы подавить все очаги сопротивления. «Шамад» бил в барабан сам комендант, но разъяренные солдаты не сразу унялись. «И тако сей гордой комендант нарвской в бедственную погибель и расхищение гарнизон и граждан упорностию своею привел, и ежели бы солдаты наши не были от кровопролития уняты, то мало кто остался» — так оценил обстановку царь в реляции об этом штурме⁶.

Молва приписывала царю и горькие слова упрека Горну: «Не ты ли всему виноват? Не имел надежды на помощь, никакого средства к спасению, мог ли ты не выставить белый флаг?» Потом, вынув шпагу, обагренную кровью, Петр сказал: «Смотри, это кровь не шведская, а русская. Я своих заколол, чтобы удержать бешенство, до которого ты довел моих солдат своим упрямством».

Царь, при всяком удобном случае любивший демонстрировать рыцарское отношение к побежденным, на этот раз не сдержался и нанес Горну увесистую пощечину. Более того, он велел посадить его в тот самый каземат, где по распоряжению Горна содержались арестованные им коменданты сдавшихся русским крепостей.

Об успехе Петр собственноручно известил близких ему людей. Письма все были одинаковые, начинающиеся фразой: «Я не мог оставить без возвещения, что все-милостивейший господь каковым считаем сию атаку окончати благоволил, где пред четырьмя леты оскорбил,

тут ныне веселыми победители учинил, ибо сию преславную крепость чрез лесницы, шпагою в три четверти часа получили». Далее сообщались некоторые детали штурма и предположительные сведения о потерях. Но самое короткое послание с характерным для Петра каламбуром получил А. В. Кикин: «Инова не могу писать, только что Нарву, которую 4 года нарывала, ныне, слава бога, прорвало, о чем пространнее скажу сам»⁷.

16 августа без боя капитулировал гарнизон Ивангорода.

Победителям достались небывалые трофеи, в том числе 549 пушек, мортир и гаубиц, свыше 81 тысячи пушечных ядер и т. д.

Потери русских войск были меньшими, чем при штурме Нотебурга, хотя Нарва и считалась более мощной крепостью — 359 человек убитыми и 1340 человек ранеными. Цифры потерь свидетельствуют о возросшем мастерстве русской армии и более эффективной работе ее артиллерии.

Отклики сподвижников царя на известие об овладении Нарвой носили обычный характер, но один из них заслуживает упоминания. Тихон Стрешнев писал: «И за сию победу на Москве молебствовали и с пушек стреляли; народу множество было, и в церковь не вместились; столька нисколько не помню».

Казалось бы, овладение двумя важнейшими опорными пунктами в Прибалтике — праотеческими городами Дерптом (Юрьевом) и Нарвой (Ругодевом) позволяло Петру сделать себе передышку. Но ему не сиделось на месте. Сначала он из Нарвы 19 августа отправился в Дерпт, захватив с собою генералов и министров. Этот вояж носил воспитательно-педагогический характер, где крепостные стены, подходы иaproши использовались в качестве наглядного пособия. Выполняя обязанности гида и наставника, царь подробно объяснял слушателям, как происходил под Дерптом «огненный пир» и какие промахи были допущены на первом этапе осады крепости.

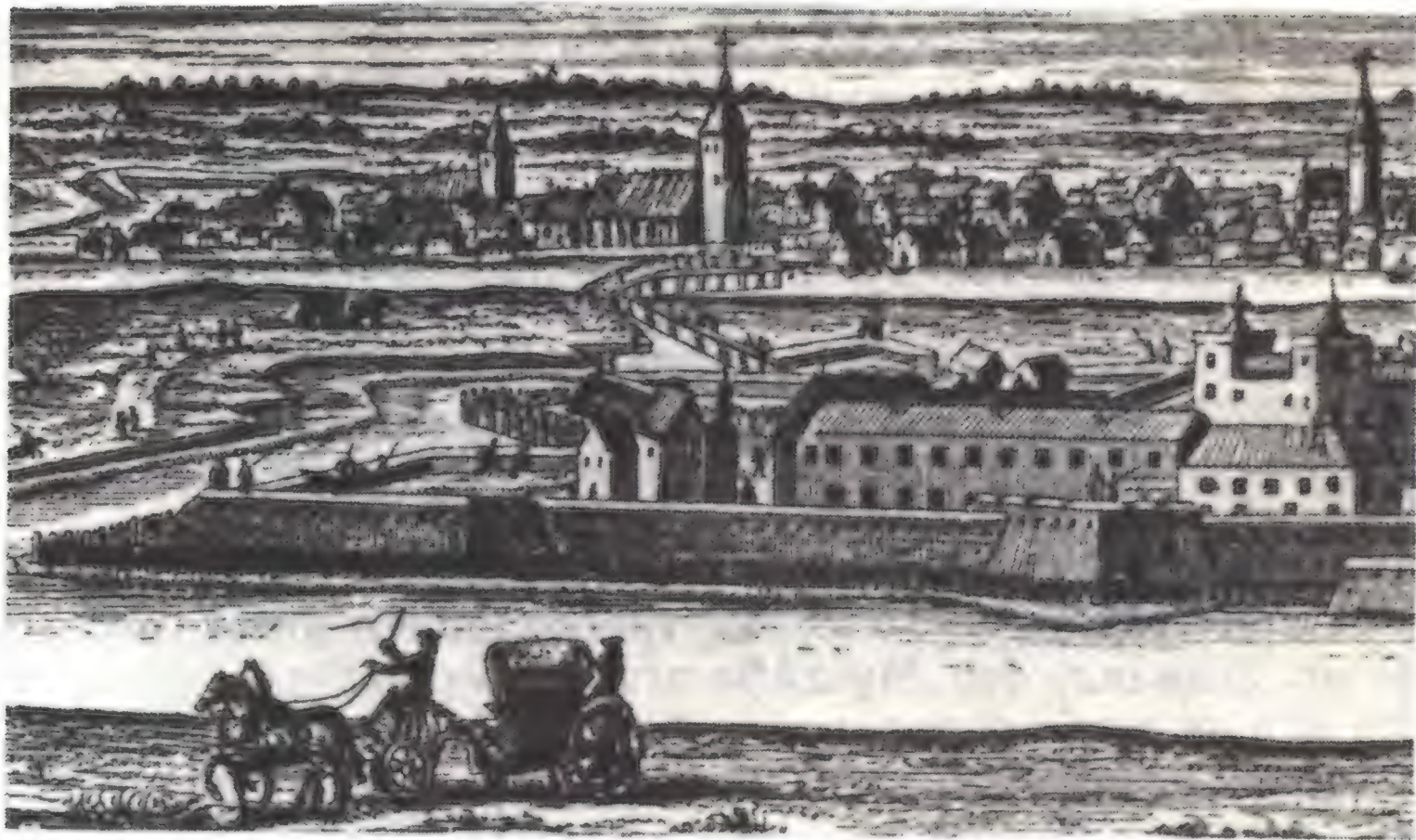
Из Дерпта через Псков и Новгород держал путь на север, куда его влекли два неотложных дела: на Олонецкой верфи надо было присмотреть за строившимися кораблями, а в Петербурге ждали его распоряжений о

застройке «Парадиза» — там была заложена знаменитая Адмиралтейская верфь.

Нарве суждено было стать не только олицетворением славы русского оружия, но и местом, где царь совершил две важные дипломатические акции. Он не случайно избрал только что завоеванную крепость пунктом подписания союзного договора с Речью Посполитой (напомним, что до сих пор шведы имели дела с саксонскими полками Августа II) и местом, где он дал прощальную аудиенцию османскому послу. Это была демонстрация мощи русского оружия, сумевшего водрузить победный флаг на бастионе крепости.

Заключению союза с Речью Посполитой способствовала недальновидная политика Карла XII, согнавшего с королевского трона Августа II и водрузившего корону на голову своего послушного ставленника — Станислава Лещинского. За те годы, пока русские войска упорно прогрызались к Балтийскому морю, Карл XII безуспешно гонялся за Августом II. Шведский король одерживал одну победу за другой, но решающий успех, как ему казалось, он мог достигнуть, если заставит шляхту избрать на польский престол нового марионеточного короля. Однако на самом деле лишение Августа короны принадлежит к тем бесспорным промахам Карла XII, которыми так богата политическая деятельность шведского монарха. Действовал он опрометчиво, прямолинейно, не утруждая себя размышлениями о возможных последствиях предпринятого шага. Петр же справедливо полагал, что Август II, с которым столь бесцеремонно поступил шведский король, будет привязан к союзу с Россией еще сильнее, нежели раньше. Тем более что Август II и его сторонники осознали, что им самим, без помощи извне, не изгнать из Речи Посполитой ни шведов, ни Станислава Лещинского. Эта обоюдная заинтересованность в союзнических отношениях между Речью Посполитой и Россией и привела 20 июня 1704 года хельминского воеводу Томаша Дзялинского под стены еще не взятой Нарвы. Два месяца русские дипломаты вели переговоры с полномочным послом Речи Посполитой. 19 августа уже в Нарве был заключен договор, по которому Россия обязалась передать своему новому союзнику 12-тысячный корпус, укомплектованный снаряжением и вооружением, нахо-

Вид Митавы в XVIII в. (фрагмент гравюры XVIII в.).

дившийся на полном содержании русского правительства. Речь Посполитая, со своей стороны, обещалась укомплектовать армию в 21 800 человек кавалерии и в 1705 году 26 200 человек пехоты, получая от России за это ежегодную безвозмездную субсидию в 200 тысяч рублей. На бюджет государства ложилось тяжкое бремя, но с этим пришлось мириться, ибо другого выхода у Петра не было. Правда, в договоре была сделана оговорка, перечеркивающая обязательство России выплачивать субсидию, если союзник не набирал 48-тысячной армии.

Что касается Мустафы-аги, приглашенного из Петербурга, где он находился, в Нарву, то на этого «дипломата», как сдается, ничто не могло оказать какого-либо влияния. Ему был вручен ответ Петра на послание султану с отклонением всех претензий султанского двора.

Мустафа-ага отправился на родину, но в Каменном Затоне совершил едва ли не самый гнусный поступок: в Москве ему приглянулся царский портрет, украшавший триумфальную арку. Петр подарил свою персону послу, и тот «воспринял будто приятно и в великую милость взял его с собою». Однако, находясь в Каменном Затоне, последнем пункте его пребывания на русской

территории, он кинул персону под лавку, предварительно ее «изрезав и замарав оную ругательно всяким смрадом, так что позстыдно о том слышать».

Несуразные поступки Мустафы-аги продолжались и в Стамбуле: то он заявил, что подвергался притеснениям в Москве, хотя в действительности дипломатическая служба стремилась удовлетворить его малейшее желание — от подарка собольей шубы до отправления к нему двух «девок татарок». Более того, посол не передал султану и везиру послание Петра и Головина. В итоге мнение о Мустафе-аге даже в Стамбуле изменилось. Если раньше его считали «великим и честным человеком», то после возвращения в Стамбул и многочисленных представлений Толстого, требовавшего казни посла, везир заявлял, что Мустафа-ага «совершенный дурак и учинил-де то (с портретом царя. — *Н. П.*) безумством». Наказание Мустафы-аги ограничилось отстранением его от дел.

Из Нарвы царь отправился в Москву. Там он намеревался отпраздновать одержанные победы. В Вышнем Волочке Петра остановили на несколько дней для осмотра Тверцы и Мсты, чтобы определить место их соединения. Здесь царь распорядился рыть Вышневолоцкий канал.

15 декабря Петр прибыл в Бутырки, но въезжать в Москву не спешил, так как ожидал доставки трофейной артиллерии из Дерпта и Нарвы. Этому параду, видимо, самому торжественному со времени начала Северной войны, царь придавал особое значение, что видно из письма Апраксину в Воронеж, отправленного 25 ноября из Нарвы, в котором он приглашал на церемонию не только Федора Матвеевича, но и работавших на верфи английских мастеров. Петр рассчитывал, что об увиденном те сообщат своим соотечественникам в Англию, и слава о победе русского оружия разнесется по свету не только по официальным каналам, но и частными письмами.

Торжественный въезд в столицу состоялся 19 декабря. В церемонии участвовали 159 пленных офицеров во главе с самим гордым генералом Горном. Как и всегда, палили из пушек и у триумфальных ворот произносились хвалебные речи в честь победителей. «Народ смотрел с изумлением и любопытством на пленных

Ф. М. Апраксин.

шведов, на их оружие, влекомое с презрением, на торжествующих своих соотечественников и начал мириться с нововведением». Эта мысль принадлежит историку И. И. Голикову, но с нею согласился и Пушкин⁸.

У Петра было много оснований провожать 1704 год в оптимистическом настроении. Всего четыре зимы отделяли первую Нарву от второй, но как разительно отличались они друг от друга. Тогда русская армия была способна заниматься лишь «младенческим игранием», теперь она вступила в пору юности. Тогда она потерпела поражение, теперь она торжествовала победу. То, что доводилось наблюдать Петру, радовало глаз, и в его письмах 1704 года звучат ранее не встречавшиеся оценки виденного. «Здесь обрели мы людей в добром порядке», — писал он из-под Дерпта. Из Пскова: «У нас все добро и весело». С Олонецкой верфи: «Здесь, слава богу, все изрядно». Из Воронежа: «Здесь обрели все в добром порядке». Вести о «добром порядке» стремились сделать достоянием населения. К традиционному средству извещения населения о важнейших

событиях, происходивших в стране и за ее пределами, — церковному амвону присоединилось новое: с конца 1702 года пропагандистом преобразований и военных успехов стала первая в России печатная газета «Ведомости».

В XVII веке при царском дворе выходили в одном экземпляре рукописные «куранты», сообщавшие заграничные известия для царя и его приближенных. Хотя тираж петровских «Ведомостей» остался неизвестным, но совершенно очевидно, что они были рассчитаны на более широкий круг читателей, разнообразнее стал и перечень освещаемых вопросов. Газета печатала материалы о строительстве промышленных предприятий, поисках полезных ископаемых, сражениях на театре войны, о важнейших событиях международной жизни.

В первом номере «Ведомостей» сообщалось: «В Верхотурском уезде из новосибирской железной руды много пушек налито и железа вельми много сделано. И такого мягкого и доброго из шведской земли не привозили для того, что у них такого нет. А на Москве с привозом пуд стал 12 алтын». Огромный интерес представляет заметка о партизанском движении, возглавляемом попом Иваном Окуловым в Олонецком крае, тем более что другие источники на этот счет отсутствуют: 2 января 1703 года «Ведомости» напечатали: «Города Олонец попу Ивану Окулову, собрав охотников пеших с тысячу человек, ходил за рубеж в Свейскую границу и разбил свейские Ругозенскую, и Сумерскую, и Кенсурскую заставы. А на тех заставах шведов побил многое число, и взял рейтарское знамя, барабаны и шпаг, фузей и лошадей довольно. А что взял запасов и пожитков он, поп, и тем удовольствовал солдат своих, а достальные пожитки и хлебные запасы, коих не мог забрать, все пожег»⁹.

«Добрый порядок» не ускользнул и от иностранного дипломата. Английский посол Витворт пишет донесение в Лондон: русский царь мощью собственного гения, почти без сторонней помощи, достиг успехов, превосходящих всякие ожидания, и вскоре, конечно, возведет свое государство на степень могущества, грозную для соседей¹⁰. В проницательности и умении заглядывать в будущее Витворту не откажешь, но ни один пророк не мог предсказать, что салют в честь покорителей Дерпта и Нарвы будет отделен от салюта в честь победонос-

А. А. Матвеев.

ного мира еще семнадцатью годами и что ближайшие из них окажутся самыми тяжкими, когда судьба России подвергалась испытаниям, выдержать которые мог только народ, вооруженный мужеством и терпением.

Конец 1704 — первая половина 1705 года прошли достаточно тихо, без сколько-нибудь значительных боевых действий. Лишь на военном совете 15 июня 1705 года в Полоцке Шереметеву было поручено командовать походом против Левенгаупта. Цель похода была четко определена в первом пункте инструкции: «Итти в сей лехкой поход (так, чтоб ни единого пешего не было) и искать с помощью божиею над неприятелем поиск, а именно над генералом Левенгауптом. Вся же сила сего походу состоит в том, чтоб оного отрезать от Риги», что обеспечит разгром шведского генерала¹¹.

Поначалу дела у Шереметева складывались лучшим образом. Передовой отряд русских войск совершил удачное нападение на Митаву. Застигнутый врасплох гарнизон был почти полностью уничтожен. Предстояла встреча с главными силами Левенгаупта. Тот успел занять хорошо укрепленную позицию в окрестностях Генауэртгофа, по русским источникам — у Мурмызы.

15 июля 1705 года созванный Шереметевым военный совет решил атаковать неприятеля, но не в лоб, а с

применением военной хитрости, имитируя отступление во время атаки, чтобы выманить противника из лагеря и ударить по нему с фланга спрятанной в лесу кавалерией. Элемент аналогичной хитрости включал и план Левенгаупта, причем шведскому генералу удалось обмануть некоторых русских полковников. Один из них, Кропотов, обнаружив перемещение в шведском лагере, прискакал к Шереметеву с сообщением, «что будто неприятель уходит». Ему показалось, что победа, а вместе с нею и добыча ускользают из рук, и он, не дождавшись распоряжений Шереметева, двинул свой полк в атаку. За ним пошли и другие полки.

Так стихийно, в условиях, когда, как написано в «Истории Свейской войны», «пехота и пушки еще не успели», завязался бой. Шереметеву ничего не оставалось, как принять в нем участие, ибо надо было оказывать помощь драгунам, очертя голову бросившимся в атаку¹².

Бой протекал с переменным успехом. Был момент, когда русские драгуны смяли неприятеля, и казалось, что победа не за горами. Однако драгуны вместо того, чтобы развивать успех, принялись грабить неприятельский обоз. В это время шведы перестроили свои порядки и выправили положение.

С наступлением темноты сражавшиеся оставили поле боя и укрылись в обозах. Лишь утром шведы подобрали 13 пушек и 10 знамен. Потери русских в живой силе составили около двух тысяч человек.

Отступление русских войск Левенгаупт истолковал как свою крупную победу. Шведы праздновали ее две недели спустя. Лазутчик Шереметева, бывший свидетелем торжеств в Митаве, сообщал фельдмаршалу: «...та веселость была не от сердца, для того, что они много добрых людей потеряли». Умиравших от ран не успевали отпевать в церквях Митавы. Действительно, о сокрушительном поражении Шереметева, как убеждал всех Левенгаупт, не могло быть и речи — обе стороны понесли огромный урон, причем военные историки считают, что шведы потеряли убитыми и ранеными больше, нежели русские.

Конечно же, известие о результатах сражения не доставило радости Петру. Еще не улегся гнев по поводу действий фельдмаршала под Дерптом, как он дал повод

для нового недовольства. Царь, однако, сдержался, не выказал раздражения и 25 июля, через одиннадцать дней после сражения, обратился к фельдмаршалу со словами утешения, получившими хрестоматийную известность. «Також не извольте о бывшем нещастии печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела в пагубу), но забывать и паче людей ободривать»¹³.

Неприятный осадок, оставленный «конфузией» при Мурмызе, вскоре был предан забвению — его заслонили успешные действия русских войск под Митавой и Бауском. Особенно радовало царя овладение Митавой, где победителям достались богатые трофеи: в письме к Ромодановскому и Меншикову царь, руководивший сражением, писал, что «обретено з двесте пушек», в том числе «мортирцы новой инвенции» (конструкции). Позже, однако, выяснилось, что пушек оказалось больше — 295 и множество припасов.

Не успел царь вдоволь насладиться Митавой, как пришло поразившее его известие с южной границы государства — в Астрахани началось восстание стрельцов и горожан. Новость пришла в Митаву от начальника приказа Казанского дворца, в ведении которого находилась Астрахань.

О мере тревоги царя, вызванной этим известием, явствуют принятые им ответные меры. Уже на следующий день, 12 сентября, царь сообщил Т. Н. Стрешневу, что он откомандировал с театра военных действий «господина Шереметева с конными и пешими полки» с надеждой, что они будут в Москве через две недели. Царь требовал, чтобы «деньги из приказов, собрав, вывезли из Москвы, или б с верными тайно положили или закопали». О растерянности и неосведомленности о размахе движения свидетельствует также повеление вывезти из Москвы все имевшееся там оружие, а также задержать почту, отправляемую в Архангельск.

Другой указ Петра был адресован Ф. М. Апраксину. Он поручал воеводе попытаться локализовать события в Астрахани и не дать вовлечь к участию в них Азов, Таганрог и донских казаков.

Рассмотрим в главных чертах события в Астрахани, вызвавшие столь серьезный переполох в правительственных кругах и прежде всего у самого Петра. Глубин-

ные причины, вызвавшие движение, были обусловлены тяготами войны и варварскими приемами осуществления преобразовательных начинаний. И тяготы войны, и варварские приемы борьбы с варварством ложились на все население страны, но с особенной силой они сказывались на жителях окраинного города, где ничто не ограничивало произвола ни местной администрации, ни полковых командиров солдатских и стрелецких полков. Особенно усердствовал астраханский воевода Тимофей Иванович Ржевский, человек столь же алчный и жестокий, как и ограниченный. Он участвовал в спекуляции хлебом — продавал его по вздутым ценам в месяцы, когда на Волге прекращалась навигация. Стрельцов он использовал как собственных крепостных, принуждал их заготавливать дрова, косить сено, ловить рыбу, пасти скот. Но самой обременительной работой для стрельцов было сооружение селитренного завода, варка селитры и особенно заготовка дров, на которой одновременно работало по 600—700 человек.

Не отставали от воеводы стрелецкие и солдатские полковники. Рассуждали они так: «Воевода-де сидит в городе, хочет з города сыт быть, а я-де полку полковник, завсегда хочу с полка сыт быть». Неудивительно, что инициаторами движения в Астрахани выступили стрельцы. Один из них, Григорий Артемьев, позже скажет на следствии, что «учал умышлять до зачину бунта за месяц». Заговорщики, как они показали на следствии (Г. Артемьев, Г. Агеев, И. Шелудек и др.), «до бунту за неделю сходясь меж собою друг другу в дома и к лавкам, и к церкви Николая Чудотворца, меж собою о том, чтоб учинить бунт, воеводу и начальных людей побить и за веру и за правду постоять, и усов и бород не брить и немецкого платья не носить говорили и советовали, и что у них о том в полках совет есть и к тому делу люди готовы, меж собою друг другу сказывали»¹⁴.

Бесспорным является вывод о том, что движение преимущественно было стрелецким. По зову набата на Успенскую площадь собрались посвященные в заговор стрельцы числом около трехсот человек. Тут же оказались и колеблющиеся, которых принудили примкнуть к движению силой оружия: «По слободам ходили слободчики и высылали в круги неволею, и говорили, буде

кто из них, стрельцов, в круги не пойдет, и им быть в смертной казни». В толпе, бурлившей на Успенской площади в утренние часы 30 июля, отсутствовали посадские. Однако стрельцы проявили активность, обратившись вновь к испытанному и проверенному. Едва ли не самым выразительным примером вовлечения посадских в движение явилась акция по отношению к знаменитому Якову Носову, будущему руководителю астраханских повстанцев. «И тое де ночи, — вспоминал Носов, — за час до дни, пришли к нему, Якову... служилые люди з знамены ж и с ружьи, и с копы... и из двора ево, Якова взяли и привели в город, в Кремль»¹⁵. И такие случаи были типичны.

Выступление увенчалось полным успехом: 30 июля было казнено свыше трехсот человек, среди них командиры полков и офицеры, иноземцы, представители царской администрации. Стрельцы долго разыскивали укрывшегося воеводу, наконец обнаружили его в курятнике, приволокли на круг и здесь же предали смерти.

Руководители восстания принимали энергичные меры, чтобы вовлечь в движение население других городов и особенно донское казачество, но достигли в этом весьма скромных результатов: к ним примкнули лишь города, находившиеся в административном подчинении от Астрахани: Красный Яр, Черный Яр, Терки и Гурьев. Самая крупная неудача, обрекавшая восстание на поражение, постигла астраханцев при попытке привлечь на свою сторону донских казаков и население Царицына. Донские казаки не только не примкнули к движению, но по инициативе старшин отправили в помощь царицынскому воеводе для защиты города четыре полка казаков. Заметим, что все эти события на Дону произошли за год до выступления самих казаков, то есть в то время, когда там бесчинствовал карательный отряд Юрия Владимировича Долгорукого и когда там зревали условия для восстания под предводительством Кондратия Афанасьевича Булавина. Такая же неудача постигла астраханцев и при попытке поднять восстание в Царицыне.

Уже сам факт назначения на роль руководителя карательного отряда единственного русского по национальности фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева свидетельствует о том, что Петр придавал огромное

значение событиям в Астрахани и вполне оценивал их опасность.

Шереметев овладел мятежным городом 13 марта 1706 года. Астрахань находилась в руках восставших свыше семи месяцев.

Петр поздравил Шереметева «с изрядным триумфом». Одновременно с поздравлением царь отправил Шереметеву «статьи», то есть инструкцию, как ему поступать с астраханцами. В «статьях» перечислены двенадцать человек, «которые были лутчие воры», среди них Яков Носов, Гавриил Ганщиков и др. Их надлежало «держатъ за крепким караулом». Остальных стрельцов и солдат велено отправить для продолжения службы к Смоленску, предварительно изъяв у них оружие. Что касается прочих «завотчиков», то царь рекомендовал поступить с ними так: «А когда придут в украинные города, тогда завотчиков послать к Москве за добрым караулом, а с протчими иттить прямо к Смоленску»¹⁶.

Инструкцию Шереметев получил 19 мая. К этому времени у него под стражей уже находились сотни людей — к концу мая их насчитывалось 273 человека. Социальная принадлежность арестованных участников восстания достаточно четко определяет его движущие силы: на долю солдат приходилось 71 человек, стрельцов — 167, а работных людей — 20 человек. К прочим отнесены подьячие, казаки и др.

27 августа колодники были доставлены в Преображенский приказ. Началось следствие, в процессе численность привлеченных к нему возросла за счет вызова из Астрахани и театра военных действий новых лиц. Судьба арестованных была трагичной: 45 человек умерли во время следствия, не выдержав пыток, 314 человек было казнено, остальных отправили в ссылку.

В мятежном городе к Шереметеву пристала то ли настоящая, то ли притворная хворь. «За грехи мои пришла мне болезнь ножная: не могу ходить ни в сапогах, ни в башмаках, а лечиться не у кого. Пожалуй, не оставь меня здесь», — просил он Головина. Стоило, однако, Меншикову объявить Шереметеву о пожаловании 2400 дворов, как тут же исчезли все симптомы болезни. Меншиков доносил царю, что фельдмаршал «зело был весел и обещался больше не болеть».

Фрагмент плана С.-Петербурга, 1718 г.

НАКАНУНЕ ВТОРЖЕНИЯ

Восстание в Астрахани было подавлено, но обстоятельства выдвинули перед царем еще две задачи, тесно переплетающиеся друг с другом: попытаться заключить мир с Карлом XII или, напротив, продолжать мобилизацию ресурсов для ведения войны. Заметим, что обе альтернативы не относились ни к новым, ни к неожиданным, и к тому же они зависели не только от Петра, но и от его противника — шведского короля.

Стремление Петра закончить войну было обусловлено не только достижением цели, ради которой она началась, но и другими соображениями. Вряд ли можно поставить под сомнение донесение на этот счет наблюдательного Витворта своему правительству. «Потрудитесь обратить внимание, — писал он в Лондон, — что царь более чем когда-нибудь серьезно расположен к мирным переговорам. Это объясняется стечением многих обстоятельств: он опасается за ход войны, который все еще не ясен и утомляется тяжелым образом жизни, который начинает отзываться на его здоровье, страна

Шведский драгун.

истощена рекрутскими наборами и обеднела от податей на содержание армии и уплату субсидии королю польскому»¹. Это донесение Витворт отправил 10 ноября 1705 года, когда царь уже пожинал плоды истощения страны, то есть во время восстания в Астрахани. Совершенно очевидно, что астраханские события стимулировали стремления царя к миру. Впрочем, на этом поприще царя подстерегала неудача, затянувшаяся на полтора десятилетия.

Пока же главным орудием внешней политики Петра и его окружения оставалась война. Напомним, что последняя по счету военная акция 1705 года связана с овладением Петром Митавой и Бауском. Затем в военных действиях наступает длительный перерыв, продолжавшийся до осени 1706 года.

Из этого, однако, не следует, что свыше года на театре военных действий царила тишина, позволявшая отвлечься от суровых будней войны и безмятежно ожидать благоприятных вестей с поля битвы. Напряжение не спадало, и о том, как оно изматывало силы, видно из заявления самого царя. «Писать рад, — отвечал он 5 ноября 1705 года Т. Н. Стрешневу из Гродно, — только истинно не всегда досуг, ибо во все свое время не переезжал верхом и протчие тягости понес, как сей год в сей проклятой земле». Одно из писем Петра так и помечено: «З дороги Тикотинской. Писано на лошади». Достаточно взглянуть на пункты, из которых были отправлены письма царя, чтобы убедиться в том, что он в июле — октябре 1705 года много ездил: Полоцк, Вильно, Митава, Гродно, Тикотин, опять Гродно, вновь Тикотин и т. д.

В эти месяцы не случайно частое упоминание Гродно в переписке царя. В августе прибывший сюда Меншиков нашел, что это самое лучшее место для расположения войск. «Натуральная фартефикация крепка и безопасна», и неприятель с нею ничего не поделает, «кроме что себя изнурит», — доносил Александр Данилыч, восхваляя укрепления, созданные самой природой. Петр поддался уговорам своего любимца и, дав согласие на расквартирование здесь армии, отправился в Москву в полной уверенности, что зимние месяцы шведские войска, как и русские, переждут в винтер-квартирах и никаких активных действий обе стороны пред-

принимать не будут. В этих своих расчетах царь ошибся.

«Дня три тому назад, — доносил Витворт своему правительству 15 декабря 1705 года, — поднялась сильная тревога вследствие слуха, будто шведы намерены переправиться через Вислу в трех пунктах и атаковать москвитян». Приняты меры предосторожности, и войска приведены в боевую готовность. Далее Витворт продолжает: «Насколько мне кажется, однако, большинство генералов держится мнения, что такое наступление шведов вряд ли возможно при недостатке фуража и настоящих морозах»².

Меншиков, без сомнения, принадлежал к «большинству генералов», считавшему невозможным наступление неприятеля в зимнюю стужу. Доказательство тому — множество донесений Александра Даниловича находящемуся под Варшавой царю, в которых он настойчиво внушал мысль своему корреспонденту, что шведы не рискнут сняться с места и совершить трудный бросок, чтобы напасть на Гродно.

14 декабря 1705 года он писал царю: «О неприятеле при Варшаве будучем, здесь подлинная ведомость есть, что оной, взяв там сей день (по их календарю) Рождества Христова, хочет кончая сюда итти». Здесь же сомнение в возможности выполнить намерение: «Но мы разсуждаем: естли сие время продолжится, то путь ему чрез Вислу займет (понеже со вчерашнего дня стал быть здесь при жестоком морозе великой ветр, при котором довольно и снегу выпало)». Если даже неприятель и появится, то, убеждал Меншиков, он встретит должный отпор: «Однако ж мы во всякой готовности и чаем милости божии, что неприятель незапно на нас не нападет».

23 декабря: «Неприятель, как по здешним ведомостям слышно, в прежних местах обретается».

28 декабря: за четыре дня до отправления этого письма Меншиков прибыл в Пултуск, где отпраздновал Рождество, о чем и уведомил царя: «Зело повеселились при довольной стрельбе ис пушек без опасения, понеже хотя некоторые из Гродни чрез письма по польским непостоянным ведомостям (которым отнюдь верить не надлежит), нас и тревожили, однако ж мы, будучи в Пултовску (и в 4 милях от Варшавы), никакой про-

Фельдмаршал
Огильви
(гравюра
XVIII в.).

тивной ведомости не имели, и все здесь, слава богу, смирно».

3 января 1706 года: «Хотя неприятель поход свой и к Гродне разглашает, однако ж нам кажется, хочет нас обойти и в Вильне с Левенгауптом случиться, к которому о походе и указ послан».

9 января. Меншиков, к тому времени располагавший сведениями о движении неприятельских войск к Гродно, все же продолжал настаивать на своем: на марше находится не вся шведская армия, а ее небольшая часть, «понеже, — рассуждал князь, — невозможно мыслить, как мочно таким скорым временем, хотя и не нынешним несвободным путем, так поспешно итти»³.

Чем было вызвано это самоослепление светлейшего князя — упрямством, нежеланием признать ошибочность первоначального прогноза, высказанного еще в середине декабря, плохо поставленной разведкой или, наконец, отсутствием у Меншикова достаточного опыта военачальника — сказать трудно. Скорее всего, и тем, и другим, и третьим. Для нас же здесь важны послед-

ствия упрямства князя, чуть было не приведшего к катастрофе.

В тот самый день, 28 декабря 1705 года, когда Меншиков доносил царю о весело проведенных рождественских праздниках, язвил по поводу «польских непостоянных ведомостей» и убеждал, что «все здесь, слава богу, смирно», Карл отдал приказ о марше своей армии из Варшавы к Гродно. В ставке союзной армии об этом стало известно только неделю спустя — 3 января 1706 года. Запоздалую информацию следует поставить в укор, как уже говорилось, Меншикову, командовавшему кавалерией.

Впрочем, даже в этом случае можно было многое успеть сделать: главное — надо было не терять времени и на что-то решиться. Но как раз этой решительности у Августа II, ставшего с отъездом царя, по сути дела, главнокомандующим союзными войсками, не было. В Гродно 11 января был созван военный совет, который должен был решить, как встретить шведского короля. Возможными оказывались три решения: идти навстречу Карлу и атаковать его до того, как он соединится с войсками своего генерала Реншильда; ожидать прихода Карла к Гродно и защищаться за «натуральными фортециями» и, наконец, отступить.

Участники военного совета высказали два противоположных суждения. Меншиков, Репнин, а также наемные генералы Галларт и Венецигер сочли целесообразным отступить к Полоцку, то есть на северо-запад. Огильви, напротив, полагал разумным остаться в Гродно и защищать его.

Август же не придумал ничего более вразумительного, как отправить протокол военного совета царю — пусть, находясь за тридевять земель, принимает решение, а он, король, умывает руки.

Карл XII, однако, не предоставил времени под раздумья ни Августу и сидевшим с ним в Гродно генералам, ни царю, выехавшему из Москвы 13 января. Именно в этот день царь, как сказано в «Гистории Свейской войны», «получил ведомость, что король шведский идет к Гродне для атаки наших войск». Так оно и было, но только Карл XII 13 января не шел, а уже стоял под Гродно, готовясь осуществить свой замысел с подходом отставшего обоза.

Шведские войска расположились под открытым небом. Король, как всегда, подавал пример выносливости и провел студеную ночь в седле, разъезжая по полкам и иногда приближаясь к Гродно, чтобы лично убедиться, нет ли там шума, свидетельствующего о подготовке к вылазке. Утром 15 января король еще раз осмотрел укрепления города, разыскивая в них уязвимые места, и после этого отказался от его штурма. Карл принял непривычное для себя решение блокировать город и вынудить союзников сдаться. Непривычным для Карла этот план был прежде всего потому, что его родной стихией считалась атака и штурм, а не изнуряющая силы осада.

16 января шведы отошли от Гродно верст на пять. На следующий день король отвел свои войска еще дальше от города. Постепенно удаляясь на восток и перерезая пути отхода русским полкам, он расположился в местечке Желудки, в 70 верстах от Гродно. Здесь Карл XII стал терпеливо ожидать того часа, когда русская армия, гонимая голодом, попытается выбраться из мышеловки и двинется к своим границам. Остальное должен был решить непобедимый шведский штык и военный гений короля.

Чем были в эти дни озабочены Август и Меншиков, на долю которых выпала ответственность за судьбы союзной армии в Гродно?

Август II покинул город, как только к тому представилась возможность. Темной ночью 17 января в сопровождении шестисот драбантов и четырех полков русских драгун он выехал из Гродно якобы затем, чтобы привести на помощь осажденному городу саксонские войска.

Еще раньше Гродно оставил светлейший князь Меншиков. Его отъезд тоже выглядел бегством. Именно так расценили поступок князя его недоброжелатели. Витворт записал рассказ одного из них: «Царский любимец при первых же выстрелах бежал за пятьдесят английских миль, не выпуская поводьев из рук». Другой недоброжелатель Меншикова, Огильви, писал царю 6 февраля: «...хотя не ведаю, как те пред вашим царским величеством и пред чесном миром оправдаться могут, которые мене здесь при разорванном и разоренном войске без денег, без магазейну, без артиллерии и

полковых лошадей покинули, все войска в замешание приведши: как неприятель пришел, без моего известия, не сказав мне ни слова, от войску и чину своего убежали и тем уходом людям неохотие прибавили, прочим же, которые еще в Гродно притти имели, случай дан для убежания»⁴.

В этих пышущих злобой к Меншикову словах масса передержек. Неверно, что войска находились без продовольствия и фуража, что они оказались «разорванными и разоренными». Наветом является и обвинение князя в трусости.

Светлейшему было присуще множество слабостей. Но среди них напрочь отсутствовала та, которую приписывал Александру Даниловичу Огильви, — труса он никогда не праздновал. Скорее всего его можно упрекнуть в противоположном — в безрассудной отваге, в азартном риске и утрате в пылу сражения чувства осторожности.

Меншиков оставил Гродно по повелению Петра. Царь писал ему: «По получении сего моего письма изволь немедленно ко мне навстречу ехать, чтоб я мог безопаснее с вами в Гродно путь иметь. Я надеюсь, что по получении сего моего письма долго мешкать и сему противен не будет. Паки подтверждаю имянно, кой час сие письмо получиш, тот час ко мне поезжай».

Известие о том, что шведы двинулись к Гродно, вызвало у Петра тревогу прежде всего потому, что на карту была поставлена судьба цвета русской армии — 40-тысячного войска, прошедшего школу войны. Потеря армии могла повлечь проигрыш не только кампании, но и всей войны. Если Карл XII, рассуждал царь, и, как видим, рассуждал верно, бросит под Гродно все силы и наглухо блокирует крепость, то русской армии грозила гибель от голода. Если русские рискнут прорвать блокаду сражением, то вынуждены будут дать его на местности, избранной противником и, следовательно, в невыгодных для себя условиях. Значит, надо отступать.

Один за другим царь отправляет оставшемуся в Гродно при армии после отъезда Августа II и Меншикова Репнину указы, требуя отступать в Вильно. Но ответа на них он не получает. «Я уже четвертое сие письмо пишу, — обращается царь к своему генералу 25 ян-

варя 1706 года, — но не знаю, доходит ли, ибо о вас ни жадной прямой ведомости не имеем».

25 января в Дубровне царь встретил Меншикова и узнал новость горше прежних: к Гродно «проехать невозможно для того, что неприятель Гродно обошел». Наступил критический момент в отношениях между царем и Огильви. 28 января Петр отправляет в Гродно два письма: одно Репнину, другое Огильви, после отъезда Августа II вставшего во главе русской армии. В этом поступке просматривалось явное недоверие царя к способностям Огильви выручить армию из беды. «Мне зело удивительно, что по приходе неприятельском ни строки от вас не имеем, но и того дивнее, что в Вильню к Буларту пишете, а к нам нет, и сие не можем рассудить. О прочих принадлежащих делах писали мы к генералу Репнину».

В отличие от письма к Огильви с упреками и откровенным недовольством письмо к Репнину содержало указание, как надо действовать: «Ежели всеконечно надеется мочно и совершенную подлинную ведомость о приближении саксонских войск имеете, к тому ж правянт месяца на три имеете и конский корм (хотя с небольшою и нуждою), то бутте у Гродно: буде же о приближении саксонских войск верного известия нет, а обнадеживают польскою правдою, то, хотя и Рейншильда не чаять и довольство в правянтах и кормах конских есть, отступить к русской границе всеконечно, не выпуская времени, куды удобнее и безопаснее... ибо неприятель уже почитай что отрезал войско наше от границ».

Итак, оставаться ли армии в Гродно или уходить из него, Петр ставил не столько в зависимость от обеспеченности продовольствием и фуражом, сколько от прихода саксонских войск, за которыми отправился Август II. Впрочем, сам царь относился к изложенному здесь плану не как к указу, подлежащему безоговорочному исполнению, а как к совету. «Аднако же, — резюмировал Петр, — все сие покладаю на ваше тамошнее разсуждение, ибо нам так далеко будучим, невозможно указ давать, понеже, пока опишемся, уже время у вас пройдет». Что касается тяжелой артиллерии, то если она будет задерживать движение войск, то пушки, «разорвав, в Немон бросить».

Репнин показал царское послание Огильви, и тот ответил: «Посему я решился остаться здесь до лета и ожидать или вящего отдаления неприятельского или совокупления саксонского войска». Более того, Огильви настаивал, чтобы его во всем слушались, намекал на некомпетентность Меншикова и хвастливо заявлял: «Я бы желал, дабы нас король швецкий здесь отаковал, не сомневаюсь, чтоб совершенную викторию в малые часы вашему царскому величеству получить и себя с того замешанного пути высвободить».

В другом письме Огильви жаловался на Меншикова, распоряжавшегося в армии так, будто главнокомандующим был не он, Огильви, а светлейший. «И того ради прошу вашего царского величества, — обращался фельдмаршал к царю, — дабы оному заказать изволили, чтоб впредь никаких указов, пока я команду имею, ни к войску, ни к гварнизону не посылал», ибо Меншиков, находясь в Дубровне, за сотню миль от места событий, хуже знает обстановку, чем он, Огильви, «который при тамошней бытности неприятельские походы пред очима имеет»⁵.

Ответы Огильви обнаруживают и амбициозность автора, и его высокомерие, и пренебрежение к русским генералам, выглядевшим в его глазах подготовишками, и, наконец, глубокую убежденность в безошибочности своих приказов.

Отсутствие связи с Гродно доставило немало тревожных переживаний царю. — он должен был находиться в непривычной роли пассивного наблюдателя. 31 января царь писал Головину: «Бог ведает, как сокрушаемся о том, что нас при войске нет. Лутче б жестокою рану или болезнь терпели». Тревогу Петра усугубила новость, полученная из Фрауштадта — там шведы нанесли сокрушительное поражение той самой саксонской армии, на «сикурс» которой надеялись в Гродно. Катастрофа при Фрауштадте была полной неожиданностью для всех — для Августа II, как мы помним, отправившегося из Гродно, чтобы привести саксонцев в помощь гродненскому гарнизону, для русского генералитета, сидевшего в Гродно, для Петра, метавшегося между Оршей и Минском.

Неожиданной она была прежде всего потому, что саксонцы располагали троекратным преимуществом в

живой силе. В их распоряжении, кроме того, находилось тридцать две пушки, в то время как у противника — ни единой. У Августа II и его генералов существовало даже опасение, что Реншильд, командовавший шведским корпусом, будет всячески уклоняться от сражения и тем самым лишит саксонцев лавров победителей. В повелении саксонского курфюрста своему генералу Шуленбургу звучит полная уверенность в успехе: «Не теряя ни минуты, вступить с армией из Саксонии в Польшу и сокрушить Реншильда, у которого не более 8000 человек»⁶.

Но генерал Реншильд, хотя и знал, что саксонцев было не менее двадцати тысяч, совсем не помышлял о бегстве. Он воспользовался старой как мир хитростью, на которую с необычайным легкомыслием поймался саксонский генерал, — шведы притворно отступали, распространяя слух, что боятся навязываемого сражения, а Шуленбург азартно преследовал их и, вероятно, уже в уме подсчитывал трофеи. Игра продолжалась до 2 февраля, когда в 11 часов саксонцы напоролись на хорошо подготовившихся к бою шведов.

Завязавшееся сражение скорее напоминало побоище, ибо на поле при Фрауштадте погибло свыше семи тысяч человек. Погибла и большая часть русских драгун, входивших в состав четырех полков, взятых Августом II для охраны собственной персоны, когда он 17 января пробирался из Гродно в Варшаву; шведы их избивали с особым ожесточением, потому что они проявили себя наиболее стойкими бойцами и оказали им упорное сопротивление: четыре часа они мужественно сдерживали натиск шведов, но силы были неравны. «А которые из солдат взяты были в полон, — повествует «Гистория Свейской войны», — и с теми неприятель зело немилосердно поступил по выданному об них прежде королевскому указу, дабы им пардона (или пощады) не давать, и ругательски положи человека по 2 и по 3 один на другого, кололи их копьями и багинетами; и тако из россиян спаслось живых и с ранеными с 1600 человек, которые разными дорогами вышли»⁷.

Описанное отношение шведов к пленным русским являлось не единственным проявлением их жестокосердия. Еще раньше, в мае 1705 года, Витворт в донесении правительству привел тоже пример изуверства и садиз-

Я. В. Брюс.

ма «цивилизованных» шведов к русским «варварам». В конце свадебного пиршества «царь приказал ввести в комнату русского солдата, захваченного шведами в плен при беспорядочном отступлении саксонских и польских войск в конце последней кампании. Этот молодец рассказал, что взят был вместе с 45-ю большею частью больными товарищами. Несколько месяцев спустя шведы хладнокровно отрезали пленникам по два пальца правой руки и затем отпустили их на родину с этой постыдной меткой». Царь при этом заявил, что он «ни с одним из неприятелей не обращался так недостойно» и что он «намерен зачислить в каждый полк по одному из пострадавших, как живой образец товарищам, чего можно ожидать от беспощадного врага в случае пленения или поражения»⁸.

Петр узнал о поражении саксонцев только 26 февраля. Обычно сдержанный в письмах, он клокотал от гнева и не жалел эпитетов в адрес союзников. Он сообщает своим друзьям о «баталии саксонских бездельников», о том, что они, «яко бездельники явились и наших одних оставили», об «изменной баталии саксонцев». Петра приводила, как он сам говорил, «в бог весть ка-

кую печаль» не только ненадежность союзников, трусливо бежавших с поля боя, но и далеко идущие последствия этого поражения: надежды на «сикурс» становились тщетными. «И только дачею денег беду себе купил», — иронизирует Петр в собственный адрес, намекая на то, что союзник в прямом смысле дорого ему обходится: Август умел кланчить субсидии и даже при случае обращался к чисто женскому средству воздействия на собеседника — проливал слезы, жалуясь на бедность.

Два вывода извлек для себя царь. Один — частный: саксонцы, «хотя бы пришли, но паки побегут и наших пропасть оставят». Другой вывод общий, и он свидетельствует о стремлении Петра строить свои планы на трезвой оценке происшедшего, способности предвидеть развитие событий. Август II еще числился союзником России, но Петр сразу же после Фрауштадта заявил: «Вся война на одних нас обрушается»⁹.

Дав выход эмоциям в письмах к друзьям, Петр все же рассуждал, что порывать с союзником не следует, ибо даже такой союзник принуждает шведского короля держать против него часть своих сил, которые он бросил бы против России. Царь сделал вид, что ничего трагического не произошло, что Августа постиг всего-навсего «несчастливый случай». Петр проявляет дипломатический такт, щадя самолюбие «друга, брата и соседа», он поручает своему временному представителю гвардейскому капитану Василию Лукичу Долгорукому заявить о верности союзу с ним, а наедине, без свидетелей, посоветовать этому незадачливому «другу, брату и соседу» заменить никчемное саксонское воинство наемными датчанами и «хотя б гораздо менши изволил сих держать, от которых была бы служба, нежели много тех, которые битца не хотят»¹⁰.

Итак, поражение саксонцев ослабило надежды русского командования на «сикурс» и усугубило критическое положение армии в Гродно: Репнин в феврале доносил, что продовольствия осталось на две недели. Теперь у царя исчезли все сомнения относительно возможной судьбы армии. 26 февраля Петр отправляет Огильви и Репнину тщательно разработанный план вывода армии из мышеловки. «По несчастливой баталии саксонской уже там делать нечево, но дабы немедленно

Герб А. Д. Меншикова.

выходили из Гродни и шли по которой дороге способнее и где ближе леса». С собою прихватить только самое необходимое и полковую артиллерию, а все, что отяготит движение, в том числе тяжелые пушки, утопить в Немане.

Главное условие успеха — соблюдение глубочайшей тайны. Надобно было «поставить такой крепкой караул, чтоб из жителей никто не точию выттить, ниже вытолсть мог». Сколь глубоко царь вникал в детали, свидетельствует еще одна его рекомендация: выступать на-

до было с вечера, «чтоб ночи осталось больше времени» для перехода.

Разработанный Петром план вывода войск из Гродно удался лучшим образом. Войска двинулись из крепости 22 марта не к своим границам, не на восток, где их сторожил Карл XII, а на юго-запад, где шведы их не ждали. Достигнув Тикоцина, русская армия круто повернула на юг, к Брест Литовскому. В него войска вступили через 12 дней пути. Только здесь находящимся практически в безопасности, изнуренным войскам был предоставлен первый дневной отдых. До этого они отдыхали лишь в ночные часы.

Что касается Карла XII, то он оказался в положении безнадежно отставшего. Как только шведский король узнал о выходе русских из Гродно, он при сильном ледоходе потерял ровно неделю на восстановление разрушенного льдом моста и, переправившись через него, начал погоню за отступавшей армией. Он тоже двинулся на юг, чтобы перерезать путь отступлению, но, совершив лишь один дневной переход по Пинским болотам, так утомил войско, что должен был отказаться от преследования.

В Пинских болотах Карл XII простоял два месяца, в течение которых его армия безжалостно опустошала и без того бедный край. Это стояние на одном месте трудно объяснимо, кажется на первый взгляд бесцельным, — видимо, король все же полагал, что русская армия в конце концов повернет на восток или северо-восток, двинется к Смоленску и тогда он ее настигнет и разгромит. Но русские войска продолжали движение в раз принятом направлении — на юг, к Киеву.

Весть о благополучном выходе армии из Гродно доставила царю немало радости. Головкину он по поводу полученной новости писал 28 апреля: «...воистинно ныне уже весело здесь жить по уведомлении сего». Меншикову 29 апреля: «Истинну сказать, что от сей ведомости вовсе стали здесь радосны; а да того, хотя и в раю жили (в «Парадизе» — Петербурге. — *Н. П.*), однако всегда на сердце скребло».

В середине мая русская армия расположилась в Киеве. Уверенности в том, что Карл XII не появится у стен города, не было, и поэтому Александр Данилович, на-

Саксонский гвардеец.

правленный царем к полкам, на случай прихода неприятеля изыскивал возможности для сооружения дополнительных укреплений в Киеве. 12 мая он доложил о результатах своих поисков: «Сегодня ездил я круг здешняго города и около Печерского монастыря, и все места осмотрил. Точию не вем, как вашей милости понравится здешней город, а я в нем не обретаю никакой крепости. Что же Печерской монастырь зело потребен и трудов немного надобно к нему приложить, понеже город изрядной, каменной немного не доделан и хотя против старого маниру зачат, однако ж мочно оною доброю фартециею учинить»¹¹.

4 июля в Киев прибыл Петр. Осмотрев Печерский монастырь, царь одобрил выбор Меншиковым места под крепость. Здесь 15 августа Петр заложил фортецию.

Русскому командованию стало известно, что Карл XII отказался от плана нападения на русские войска, сосредоточенные в Киеве, равно как и от намерения углубиться на русскую территорию в сторону Смоленска. От этих рискованных шагов его удерживали опасения подвергнуться нападению с тыла, — Августу II удалось вновь собрать остатки разгромленной у Фрауштадта саксонской армии. Поэтому шведский король пошел на запад, чтобы вторгнуться в Саксонию и свести окончательные счета с Августом II.

Поход Карла XII на запад развязывал царю руки для активных действий русских войск на территории Речи Посполитой и на северо-западном театре войны. В Речь Посполитую царь направил корпус войск под командованием Меншикова, а сам 21 августа отбыл в Петербург, где появился 8 сентября. Цель приезда в «Парадиз» — доставать Выборг. План овладения крепостью созрел у Петра еще в Киеве, и он оттуда и будучи в дороге отправлял указы о сосредоточении войск и артиллерии.

Царь намеревался открыть военные действия в конце сентября, но сосредоточенные в Петербурге войска вышли из города только 3 октября, «а ранее тово собратца не могли», — писал Петр Меншикову. К Выборгу войска подошли 11 октября. Однако из-за отсутствия артиллерии, вовремя не подошедшей вследствие того, что измученные бескормицей лошади по бездорожью не могли осилить тяжелый груз, Петр не пожелал

повторять ошибок первой Нарвы и счел необходимым уйти.

Неудачу царь объяснял двумя причинами: осенней непогодой и отсутствием данных о крепости, которой невозможно было овладеть без флота. «Мне зело досадно на тех, — писал царь Меншикову 19 октября, — которые в соседях живут без отлучки, а того не ведали». Упрек этот, надо полагать, был адресован петербургскому обер-коменданту Роману Вилимовичу Брюсу.

Во время своего продвижения на запад Карл XII оставил в Речи Посполитой отряд в шесть-восемь тысяч шведов под командованием генерала Мардефельда и восемь-девять тысяч поляков, поддерживавших Станислава Лещинского. Против этих шведско-польских сил и должны были действовать русско-польско-саксонские войска под командованием Августа и Меншикова.

Осень с ее дождями и бездорожьем — не лучшее время для преследования противника, поэтому у Меншикова были колебания: давать или не давать баталию неприятелю. В первых числах октября Меншиков, как явствует из его доношения царю, намеревался дать неприятелю сражение у Петрокова, но шведы и поляки, «не дождався нас, наскоро пошли от нас вдаль» в северо-западном направлении и расположились у Калиша. Утомленные переходами войска князь намеревался разместить на зимних квартирах. Но 11 октября, узнав, что неприятель начал укреплять свой лагерь у Калиша, Меншиков изменил свои планы — он решил атаковать его. Август II всячески отговаривал князя, но безуспешно. Александр Данилович, по словам хорошо осведомленного Витворта, заявил королю: «Совершив такой дальний поход и подойдя к неприятелю на милую расстояния, он решился не возвращаться, не посмотрев на него поближе»¹².

Извещая царя о намерении дать шведам сражение, Меншиков как бы между делом сообщал: «Здесь ведомость есть, что у Саксонии учинено перемирие на десять недель, о чем зело сомневаюсь, ради чего так учинено»¹³. Но вопреки сомнениям доверчивого князя слух, о котором он получил известие, оказался более чем достоверным — Август изменил и заключил не десятидневное перемирие, а мир.

Как только Карл XII во главе двадцатичетырехты-

сячной армии 28 августа вторгся в беззащитную Саксонию, саксонские войска под командованием Шуленбурга ретировались в Франконию. В столице Саксонии Дрездене началась паника — его покинула семья курфюрста, вельможи, двор. Драгоценности перевезли в более безопасное место. Август II, находившийся в эти дни в Новогрудке, послал к королю своих представителей для ведения тайных переговоров о мире. Они начались 24 сентября.

В октябрьские дни 1706 года, когда в замке Альтранштадт, что недалеко от Лейпцига, министры Августа II в непроницаемой тайне вели переговоры с представителями Карла XII, сам Август рыдал, выпрашивая у Меншикова деньги. Князь доносил Петру: «Королевское величество зело скучает о деньгах и со слезами наодине у меня просил, понеже так обнищал; пришло так, что есть нечего». Данилыча королевские слезы расстрогали настолько, что он выдал Августу из собственных денег 10 тысяч ефимков, чтобы потом их получить у казны.

Игра Августа поставила его в затруднительное положение. С одной стороны, его министры 13 октября в Альтранштадте подписали мир с шведами, по которому он отказывался от притязаний на королевскую корону Речи Посполитой в пользу Станислава Лещинского и разрывал все союзы, направленные против Швеции, в особенности с Россией. Август II, кроме того, обязался выплачивать на содержание шведской армии 625 тысяч рейхсталеров ежемесячно.

С другой стороны, под боком у Августа находилась русская армия во главе с Меншиковым, рвавшаяся громить Мардефельда. Участие саксонцев в сражении на стороне своих русских союзников могло вызвать у Карла взрыв гнева и далеко идущие последствия: король мог разорвать только что заключенный мир и в отместку за измену начисто опустошить богатую Саксонию, а у ее курфюрста отнять корону. В то же время отказ Августа II от участия в сражении мог вызвать подозрения у Меншикова, и тогда возмездия за измену следовало ожидать со стороны русских — король находился под угрозой стать пленником светлейшего.

Август II, видимо, не без помощи своей любовницы графини Козельской (Коссель), нашел, как ему каза-

лось, самый безопасный выход из щекотливой ситуации. Он решил предупредить шведского генерала Мардефельда, чтобы тот, не дожидаясь нападения объединенных русско-польско-саксонских войск, убрался восвояси. Король полагал, что если ему удастся реализовать свой план, то он заслужит похвалу и шведского короля, и светлейшего князя: шведский король будет благодарен Августу за то, что тот предотвратит разгром войск его генерала, а князь по достоинству оценит того же Августа за его «горячее» желание вступить в сражение с неприятелем, но, увы, этот неприятель показывает спину.

Хитроумному плану курфюрста не суждено было осуществиться — совершенно неожиданно спутал все карты Мардефельд. Август II отправил в шведский лагерь парламентаря, и тот, улучив момент, когда остался наедине с Мардефельдом, передал ему письмо с предупреждением, чтобы тот спешно отступал на запад и не ввязывался в сражение. Предупреждение осталось без ответа.

Август считал, что Мардефельда не успели уведомить о мирных переговорах, и поэтому спустя несколько дней повторил предупреждение. На всякий случай парламентар, действовавший от имени Августа, дал честное слово, что оба короля отныне находятся в наилучших отношениях. Мардефельда предупредили, что в его распоряжении оставалось два дня и две ночи, которыми он еще мог воспользоваться для отступления. Вопреки ожиданиям, шведский генерал не только не прислушался к советам, но и признал их провокационными. Парламентеру он высокомерно ответил, что не нуждается в совете врагов.

Проявляя подозрительность, Мардефельд был по-своему прав. Противник, рассуждал шведский генерал, своими советами намеревался дезориентировать его. Риск увеличивался еще и тем, что силы атаковавших превосходили его собственные силы: в распоряжении Мардефельда находилось примерно четыре тысячи кавалерии, три тысячи пехоты и до двадцати тысяч поляков, державших сторону Станислава Лещинского. Меншиков располагал семнадцатью тысячами драгун; около пятнадцати тысяч кавалерии находилось в распоряжении Августа II. И хотя польский король нарочито медленным построением своей конницы в боевые порядки

предоставлял Мардефельду последний шанс для отступления, шведский генерал не воспользовался этим шансом — он не считал, что сможет оторваться от неприятеля. Уйти — значит заведомо оставить пехоту на растерзание русским драгунам.

Как ни пытался Август уклониться от сражения, Меншиков настоял на своем, и оно началось 18 октября 1706 года. Сражение началось пушечной дуэлью и на первом этапе шло с переменным успехом. Когда русские полки сблизились с неприятелем, то первыми не выдержали натиска поляки Станислава Лещинского — они бросились наутек и укрылись в обозе, стоявшем позади расположения войск Мардефельда. Польская кавалерия, развивая успех и преследуя поляков Станислава Лещинского, напоролась на шведскую пехоту, плотный огонь которой вынудил ее отступить. Преследуя отступавших, шведы попали под огонь русских драгун, но они, построившись в каре, защищались так упорно, что драгуны ничего с ними не могли поделать до тех пор, пока Меншиков не распорядился спешить несколько эскадронов. Они-то вместе с отправленной князем на фланги кавалерией и решили успех сражения. Битва продолжалась три часа и закончилась капитуляцией шведов, а на следующий день сдались в плен и поляки Лещинского, засевшие в обозе.

О боевых качествах неприятельской армии и силе ее сопротивления русско-саксонско-польским войскам можно судить по ее потерям: из семи-восьми тысяч шведов, участвовавших в сражении, на поле боя осталось пять тысяч. Красноречивы и другие цифры: драгуны Меншикова пленили 1800 шведов во главе с Мардефельдом и 86 офицерами, в то время как саксонцам удалось захватить лишь семерых неприятелей. Потери русских войск были ничтожными: 84 убитыми и 324 ранеными.

Успешный исход сражения определили русские войска и энергичные действия Меншикова. В сражении он блеснул и полководческими дарованиями, и личной отвагой. Хотя он накануне и успокаивал супругу, находившуюся в обозе, что «в баталии сам не буду», но в критический момент сражения ринулся в пекло битвы и был легко ранен. Отвагу светлейшего признал даже Август. Он писал Петру после сражения у Калиша: «Я был

вполне всем доволен, и если могу на что жаловаться, так это на князя Александра, потому что он в этой войне, ревнуя о славе вашего величества и о нашей общей пользе, подвергал себя очевидной опасности и тем причинил мне немалое беспокойство»¹⁴.

Меншиков спешит уведомить Петра о победе. «Не в похвальбу вашей милости доношу: такая сия прежде небываемая баталия была, что радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились... И сею преславною щестливою викторией вашей милости поздравляю и глаголю: виват, виват, виват!» Петр отвечал из Петербурга 7 ноября: гонец «неописанную привез нам радость о победе неприятельской, какой еще никогда не бывало», и тут же добавил: «Уже сей третий день мы празднуем»¹⁵.

Битва у Калиша была самым значительным сражением первых шести лет Северной войны: ни в одном из предшествующих сражений не участвовало с обеих сторон такое количество войск, ни одно из них не завершилось пленением неприятельского командующего. Наконец, ни в одном из полевых сражений предшествующего времени русские войска не проявили столь высоких качеств регулярной армии, как здесь.

Извещая П. П. Шафирова о победе, царь писал: «О сем с посланниками разговоришь и объяви им пространно о той баталии, и какой от них получишь ответ, о том немедленно к нам отпиши». Шафиров по случаю победы устроил в Москве званый обед. Английский и датский послы, доносил Шафиров царю, рассуждали, «что сия победа всех возбудит против шведа смелее поступать»¹⁶.

Меншикову тоже рисовались радужные последствия одержанной победы. Ставленник шведов Станислав Лещинский, по мнению Александра Даниловича, «ныне вконец уничтожен и в первую силу никогда притить не может». Напротив, положение Августа теперь упрочится. Поляки, находившиеся под гипнозом побед шведов и неуверенности в том, что русские не только способны оказать им сопротивление, но и победить их, переходили на сторону Станислава из страха. После Калиша, рассуждал Меншиков, неприятель «первого своего куража лишен» и можно надеяться, что польская шляхта и магнаты толпами станут переходить на сторону законного

короля. Рассуждая подобным образом, Меншиков еще не знал, что Август II отрекся от польской короны в пользу Станислава Лещинского.

Калишская победа не могла стать поворотным пунктом в истории Северной войны. Ни Меншикову, непосредственно общавшемуся с Августом, ни Петру, находившемуся вдали от своего «друга, брата и соседа», не хватило проницательности, чтобы разгадать подлинные намерения саксонского курфюрста.

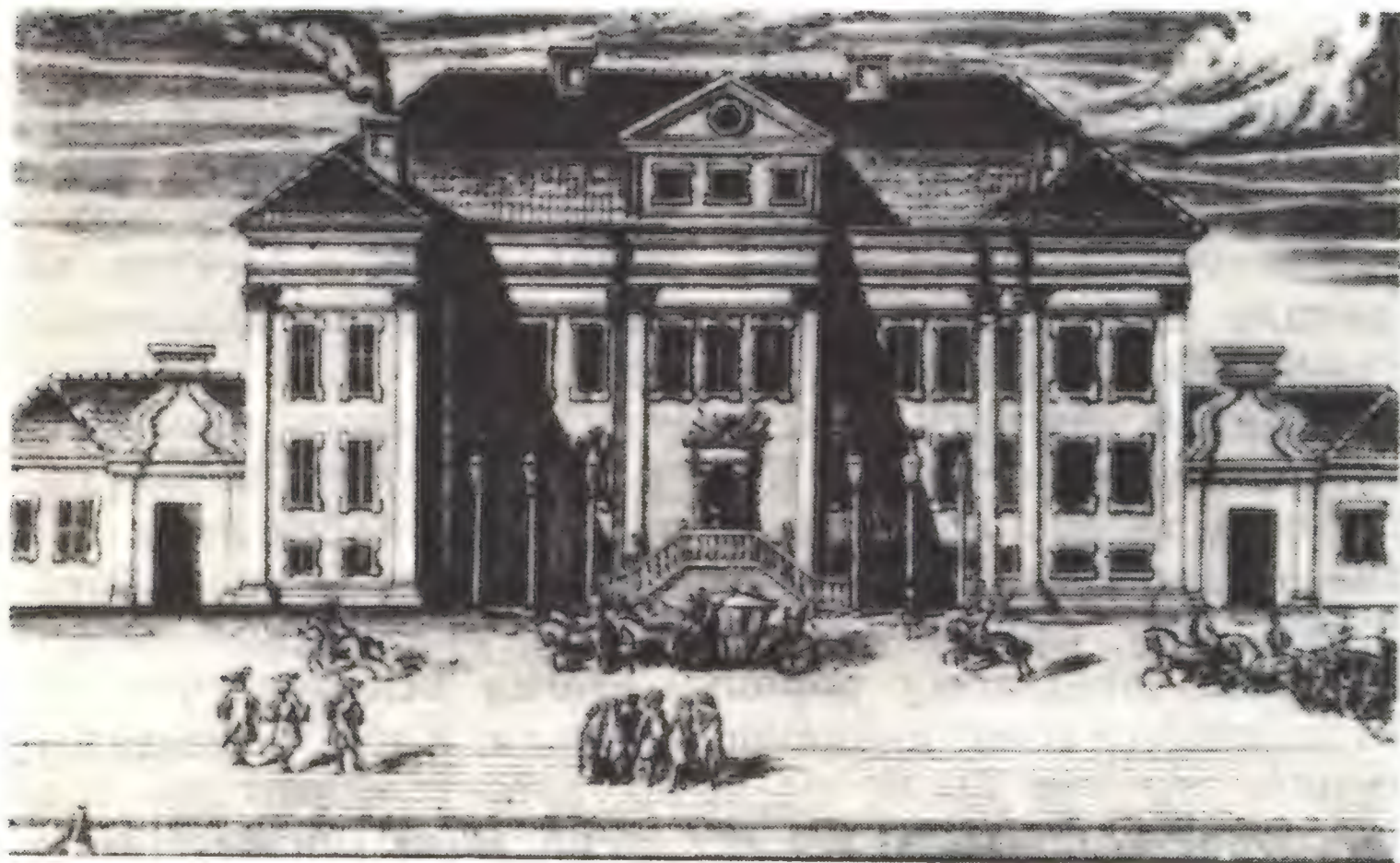
Правда, Августу, как видим, не удалось предупредить разгром шведов у Калиша. Более того, силою обстоятельств ему пришлось в нем даже участвовать, ибо благовидного предлога уклониться от него он не изобрел. Теперь ему предстояло изобрести оправдание своего поступка шведскому королю, всегда неприязненно отзывавшемуся о его низменной морали. Карл, разумеется, лучше, чем кто бы то ни было, знал о невысокой боеспособности саксонских войск, терпевших множество поражений от шведов. Знал он также и о том, что роль саксонцев в победе была ничтожной. Но Августа II угнетала мысль, поверит ли Карл XII в то, что он был невольным участником сражения? Что могло искупить вину перед мстительным королем?

Ценой нового предательства Август преодолел и эту трудность. На другой день после Калишской победы он потребовал от Меншикова, чтобы тот передал ему всех пленных шведов. Взамен Август дал князю письменные обязательства обменивать шведов в течение десяти недель или, на худой конец, трех месяцев на равное количество русских пленных офицеров. Меншиков заручился также обязательством Мардефельда вернуться в русский плен, если обмен не состоится.

Август обманул — ни о каком обмене пленных он и не помышлял, вырученное из беды шведское воинство нужно было ему лишь для того, чтобы смягчить гнев Карла XII. Обманул и Мардефельд. Шесть месяцев спустя после освобождения Меншиков отправил ему письмо с напоминанием о необходимости выполнить «кавалерский пароль», что его поступок противен «всеобщих прав и обычаев» и является «бесчестным». Шведский генерал предпочел не отвечать.

Получив шведских пленных, Август отправил их в Померанию, а сам отбыл в Варшаву, где отслужил

Зимний дворец в 1711 г.

благодарственный молебен в честь Калишской победы, а затем поехал в Краков, все еще держа в тайне ратификацию им Альтранштадтского мира. Рано утром 19 ноября Август покинул Краков. Описание дальнейшего поведения Августа находим в «Гистории Свейской войны»: «И прибыл в Дрезден в декабре месяце, а 16 декабря король Август был у короля Шведского в Лейпциге; и обедали явно за одним столом король шведский, король Август и Станислав, и, сидя за столом, оказывали между себя внешние удовольствия и имел король Август с королем шведским немалое время тайные разговоры. И потом король шведский был у короля Августа и во Дрездене, и имели между собою свидание».

После измены Августа II вся тяжесть войны пала на плечи одной России. Русские войска вместо предполагавшегося похода в Литву против шведского генерала Левенгаупта отошли к местечку Жолкве, что в 25 верстах севернее Львова, где расположились на зимних квартирах. Меншиков настоятельно приглашал туда царя. 28 ноября он писал ему: «Сомневаться, что король нас оставил, ты не изволь: можно выбрать и другого короля».

Царь долго и упорно искал преемника Августу II, но так его и не нашел. Кому только он не предлагал корону Речи Посполитой — братьям Собесским, Евгению Савойскому, Ференцу Ракоци, М. Вишневецкому и А. Сенявскому, — никто не соглашался занять «вакантную должность» прежде всего потому, что она была эфемерной: трон занимал Станислав Лещинский, чувствовавший себя достаточно прочно на нем, пока опирался на штыки шведской армии.

Больших успехов добился царь в своем стремлении противодействовать военным усилиям Карла XII. Местечко Жолква вошло в историю Северной войны как пункт, где была выработана стратегия борьбы с шведами на тот случай, когда они, покинув Саксонию, двинутся на восток. Вот что об этом написано в «Гистории Свейской войны»: «Тут же в Жолкве был Генеральный совет, давать ли с неприятелем баталию в Польше или при своих границах, где положено, чтоб в Польше не давать, понеже ежели б какое нещастие учинилось, то бы трудно иметь ретираду. И для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет. А в Польше на переправах и партиями так же оголоженьем правианта и фуража томить неприятеля, к чему и польские сенаторы многие в том согласились»¹⁷.

Петру было очевидно, что армия Карла XII после походов 1706 года задержится в Саксонии на продолжительное время — в богатой стране шведское воинство вело сытую жизнь, и будет находиться там ровно столько, сколько потребуется, чтобы откормить изголодавшихся солдат, заменить их изодранные мундиры и развалившиеся башмаки новыми, обучить военному ремеслу рекрутов, прибывших из Швеции, а также иностранных наемников. 6 января 1707 года царь писал Шафирову, что «швед софсем не мыслит выходить из Саксонии в Польшу»¹⁸.

Было очевидно и другое — отдохнувшую и пополненную армию Карл теперь двинет на Россию. Если до капитуляции Августа помыслы шведского короля о походе на Восток сдерживала необходимость оглядываться на Запад, то теперь основания для беспокойства о своем тыле у Карла исчезли, Северного союза более не существовало, и Петр неустанно теперь внушает своим по-

мощникам мысль, что раз «сия война над одними нами осталась», то необходимо прилагать все силы к тому, чтобы неприятель не застал нас врасплох.

Кстати, Карл принимал решительные меры, чтобы парализовать возможность нанести ему удар в спину, если он двинет свою армию на Россию. Для этого король принудил Саксонию платить такую высокую контрибуцию, что она менее чем за год пребывания там шведов напрочь подорвала свою экономику. Поначалу размер ее был установлен в 240 тысяч рейхсталеров в месяц, вполне достаточных для содержания армии. Карлу эта сумма показалась недостаточной, и он ее увеличил более чем в два с половиной раза — 625 тысяч в месяц. Вся же сумма контрибуции составила 5,3 миллиона рейхсталеров, а вместе с снабжением армии провиантом, фуражом, обмундированием и снаряжением достигла колоссальной суммы в 35 миллионов рейхсталеров.

Как только Карл XII оккупировал Саксонию, она превратилась в дипломатический центр Европы. В ставку шведского короля в Лейпциге потянулись кареты с дипломатами европейских государств. Вскоре, однако, дипломаты убедились, что Карл XII не помышлял о вмешательстве в войну за испанское наследство и все его мысли направлены на сокрушение последнего из участников Северного союза — России. Неясным оставалось лишь время, когда король-воитель приступит к осуществлению своих планов — весной или летом 1707 года.

Петра не радовала перспектива мериться силами один на один с армией Карла XII. К тому же, как упоминалось выше, Россия достигла своего — выход к морю был завоеван и его безопасность обеспечивали Петропавловская крепость, Котлин и Кроншлот. С предложением о мире Петр выступал и раньше, но теперь, в связи с выходом из войны Августа II, эти предложения приобрели большую настойчивость, целеустремленность и более совершенные приемы их реализации. Если раньше, домогаясь заключения мира со Швецией, прибегали к посредничеству Англии при помощи дипломатической переписки и обращений к английскому послу в Москве Витворту, то теперь Петр решил воспользоваться более эффективным способом — отправить в Лондон послом опытного дипломата Андрея Артамоновича Матвеева.

Цель посольства Матвеева состояла в том, чтобы «чрез обязательный союз к пользе обоих их величеств и государств и подданных их умножить». Последующие статьи проекта наказа Матвееву расшифровывают эти туманные слова: посол должен был обратиться к королеве Анне, чтобы она «обще с протчими своими союзники о прекращении сея войны труды свои приложить изволила», причем «долгопротяжную войну прекратить к пользе его царского величества». Петр «по самой крайней мере» считал возможным довольствоваться «одним пристанищем», то есть выходом к морю, а остальные завоеванные земли возвратить шведам.

Мысль о том, что из завоеванного можно уступить шведам, занимала царя и во время его пребывания в Жолкве, причем в этом вопросе он проявил известные колебания. Так, в двух набросках об условиях мира, относящихся к январю — февралю 1707 года, Петр оказался менее уступчивым. Он и теперь сомневался в готовности шведов уступить все у них завоеванное, но безоговорочно соглашался вернуть им только Дерпт. Что касается Петербурга и Нарвы, то за них он готов был уплатить деньги, но расставаться с Петербургом он не собирался во всех случаях: «А о Питербурхе всеми мерами искать удержать за что-нибудь, а о отдаче оного ниже в мысли иметь»¹⁹.

Кроме посредничества при заключении мира, Матвеев должен был заинтересовать английское правительство в избрании вместо Станислава Лещинского другого короля Речи Посполитой, ибо Станислав будет придерживаться профранцузской ориентации, чем укрепит позиции противника Англии в войне за испанское наследство — Людовика XIV.

Взамен этих услуг Англии царь обещал «вступить в их великую алианцыю, ежели им то угодно будет», предоставить в распоряжение союзников без уплаты субсидий корпус численностью в 12—15 тысяч, а после заключения мира даже в 30 тысяч человек.

О колоссальной заинтересованности России в заключении мира свидетельствуют не только обещания льгот английским купцам при торговле через «пристанище» на Балтийском море, но и готовность прижимистого царя уплатить некоронованному правителю Англии герцогу

Герцог Мальборо.

Мальборо огромную сумму за посредничество, если оно принесет желаемые плоды.

Проект наказа поручал Матвееву «искать ему всяким образом способу, чем бы можно склонить Мальбрука». Петр против текста, где должен был указать сумму, отпускаемую на подкуп, сделал собственноручную помету: «Не чаю, чтоб Мальбруха дачею склонить, понеже чрез меру богат; аднако ж обещать тысячь около двухсот или больше»²⁰.

У нас нет сведений, сулил ли Матвеев герцогу Мальборо указанную Петром сумму, но из дальнейшего следует, что герцог готов был поторговаться с царем относительно размера вознаграждения за посредничество. В разговоре с бароном Гюйссеном, выполнявшим царское поручение, Мальборо запросил себе в награду какое-нибудь княжество. Царь поручил ответить Гюйссену, что он готов уступить до конца жизни герцога доход в сумме 50 тысяч ефимков в год от одного из трех княжеств: Киевского, Владимирского или Сибирского. Если дело с миром будет улажено, то Мальборо мог рассчитывать еще на два дорогих подарка: рубин, «какова или нет или зело мала такого величества» (размера. —

Н. П.) в Европе, також и ордон светаго Андрея прислан будет»²¹.

Приезд в Лондон А. А. Матвеева вызвал в правительственных кругах поначалу доброжелательное отношение, сменившееся сдержанностью, переросшей во враждебность. Эта метаморфоза объяснялась страхом, внушаемым шведским королем всей Европе, и низкой оценкой боеспособности русской армии. Именно поэтому участники великого союза не спешили воспользоваться обещанием царя передать им вспомогательный корпус, ибо считали, что 12—30 тысяч человек русских воинов станут не подмогой, а обузой для союза.

Боязнь вызвать раздражение и гнев шведского короля укреплялась по мере того, как в европейских дворах приобретала все большую уверенность мысль о совершенной безнадежности положения русского царя, как только на него обрушится мощь шведской армии. Страх перед нею настолько парализовал английских министров, что они готовы были поступиться торговыми интересами своих соотечественников — купцов, снабжавших флот корабельными материалами из России, лишь бы убедить шведского короля в готовности нанести оскорбление русскому царю. Эту свою ретивость английское правительство продемонстрировало в инциденте с послом Матвеевым.

Андрей Артамонович в июне 1708 года получил приказ оставить Лондон. Приготовления к отъезду завершались: уже состоялась прощальная аудиенция у королевы, уже у причала ожидала яхта и приготовлены королевские подарки для покидавшего страну посла, как произошел инцидент, равнозначный крупному дипломатическому скандалу. 21 июля между восемью и девятью вечера на карету посла напало три человека. Они разогнали прислугу, отняли у Матвеева шпагу и трость, избили его, изодрав одежду, и затем доставили в тюрьму на том основании, что якобы он намеревался тайно отбыть из Лондона, не погасив долг в 50 фунтов стерлингов.

Матвеев успел сообщить о случившемся другим иностранным послам, и те немедленно явились в тюрьму, демонстрируя солидарность с потерпевшим. Посла освободили, но он расценил инцидент как оскорбление государя, которого он представлял в Англии. В письме

к статс-секретарю Бойлю он доказывал полную несостоятельность обвинения в стремлении выехать из Лондона, не расплатившись с кредиторами, — он ссылался на то, что не получил отпускной грамоты, что он назначил день для уплаты долгов, и заявлял, что нападение было умышленным и преднамеренным. Матвеев требовал сурового наказания виновных и довел до сведения, что о происшедшем он донес царю.

Сколько ни уговаривали посла действовать так, будто ничего не случилось, и взять королевский подарок, а также воспользоваться королевской яхтой, Матвеев оказался непреклонным, выражая этим решительный протест.

Английские министры серьезно всполошились, ожидая от царя ответных санкций и ограничения вывоза в Англию корабельных припасов. Петр требовал казни преступников, а английское правительство доказывало, что оно не имеет соответствующего билля для такого сурового наказания. Парламент принял специальный билль, ограждавший честь иностранных послов. Дело продолжалось свыше двух лет и закончилось примирением, состоявшимся в феврале 1710 года во время торжественной аудиенции у царя английского посла Витворта. Петр заявил послу: «Надлежало было ее королевскому величеству нам дать сатисфакцию и по желанию нашему тех преступников по обычаю всего света наихестьчайше наказать, однако ж, понеже ее величество чрез вас, посла своего чрезвычайного, извинение нам приносить повелела, что того за оскудением прежних прав государственных учинить не могла, и для того общим согласием парламента новое право о том для впредь будущего учинила. Того ради приемлем мы то за знак ее приязни и награждения и повелим министром своим с вами в конференции то дело ко окончанию привести»²². Так царь и его молодой посол преподали урок международного права чопорным английским дипломатам.

1707 год в истории России ничем не примечателен. Военные действия не велись, крепости не осаждались. Внутренняя жизнь страны тоже не ознаменовалась какими-либо существенными событиями — ни социальных, ни административных, ни финансовых, ни экономических изменений не произошло. Этот год был годом, если так

можно выразиться, черновой работы, быть может, неброской по сиюминутным результатам, но крайне необходимой, ибо этой работой закладывался фундамент будущих побед.

Спокойствие было кажущимся, за ним скрывалось огромное напряжение как духовных и физических сил царя, так и многогранная работа по мобилизации материальных ресурсов страны, лихорадочно готовившейся к решающей схватке с неприятелем. Воспользовавшись еще одним годом передышки, Петр справедливо рассуждал, что не следовало размениваться на мелкие, пусть даже успешные, стычки и изнурять свои войска переходами. Письма, записки, указы и распоряжения охватывают обширный круг вопросов, в которые вникал в тот год Петр. На первом плане, несомненно, были заботы об укомплектовании, вооружении и обучении армии, а также строительстве укреплений. Именно поэтому в письмах и указах, быть может, чаще, чем в предшествующее время, встречаются такие слова, как багинеты, ружья, мундир, сукно, мортиры, ядра, провиант, порох, рекрут и т. д.

Адъютанты Петра все время в пути. Они доставляют распоряжения царя то одному, то другому должностному лицу: «учреди у себя один добрый полк конницы», «отошли немедленно в Москву ведомость, сколько надо рекрутов», «призвать ныне для войны тысячи две калмыков», «учреди в пехоте во всяком батальоне осьмую долю солдат с копьями», «изготовить 15 тысяч штук железных наконечников, прислать 10 тысяч мушкетов и 1325 фузей», «неоплошно собирать налог для покупки лошадей в драгунские полки» и десятки еще таких же кратких повелений.

В первой половине 1707 года о намерении неприятеля царь располагал весьма скудными и к тому же противоречивыми данными. Ставка царя в Жолкве пользовалась слухами, в том числе непроверенными, распространяемыми, быть может, неприятелем. «Все здесь заподлинно говорят, — извещал царь Ф. М. Апраксина 8 января 1707 года, — и письма приходят, что швед конечно намерен против империи, дай боже, чтоб правда то было». Вторая волна аналогичных слухов прокатилась в июле, когда царь писал Репнину: «Ныне отофсюду пишут, что шведы намерены весьма против цесаря; и хо-

тя мы тому еще вовсе не верим аднако ж, ежели то так, то намерены идти в Лифляндию».

Для России поход Карла XII против империи был крайне желателен прежде всего потому, что шведы могли столь же основательно «увязнуть» в Священной Римской империи, как они это сделали в Речи Посполитой. Похоже, что царь не очень доверял этим слухам, ибо 24 января извещал Мазепу, что король «конечно намерен в первых числах мая итти к нашим краям». В начале мая Петр располагал бог весть откуда полученными сведениями, что шведы «выходят из Саксонии».

Истекло два месяца, но шведы не тронулись с места, что дало основание Петру написать Кикину: «А ныне (шведы) еще в Саксонии, а куды пойдут, нихто не знает». Ту же мысль в письме к сыну царь изложил в тот же день, 3 июля, образным языком: «Ибо хотя еще подлинной ведомости о неприятеле нет, однако же сему неприятелю так надлежит верить, как самому диаволу»²³. Сравнение неприятеля с «диаволом» Петру понравилось настолько, что он использовал его еще дважды — в письмах к Мусину-Пушкину и Репнину.

На 14 июля царь располагал сведениями о том, что шведы продолжали грабить Саксонию, проявляя при этом неслыханную жестокость: «О неприятеле еще ничего не слышать подлинново, — писал Петр Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, — точию несказанные варварства чинят в Саксонии, и не точию жестоко правят контрибуцию, но у мужиков ноги, обертя соломою жгут и иными муками мучат, жен и детей отимают, ныне же уже и жечь почали и уже два города и несколько деревень сожгли». Царь полагал, что самое удобное время для похода шведы упустили и теперь в преддверии осени они останутся на месте: «О выходе их (шведов. — Н. П.) сюды уже мало надежды являетца».

Прошло всего два дня, как действительность опрокинула прогноз царя. 16 августа он писал Апраксину: «Получили мы ведомость, что шведская авангард из Саксонии в Шлезию вступила, и ежели где не останоятца, то чаем скоро их сюды»²⁴. На письмах царя второй половины августа — первой половины октября лежит печать озабоченности, тревоги. Напряженность обстановки видна по потоку писем, отправляемых ца-

рем: 12 сентября их он отправил пять, 14 сентября — шесть, 1 октября — пять, 2 октября — шесть и т. д.

Ответные меры на случай вторжения Карла XII в глубь России пока распространялись на одну Москву. 25 апреля 1707 года царь, находясь в Жолкве, отправил в Москву наказ о подготовке столицы к осаде. Наказ в самой общей форме повелевал готовить Кремль и Китай-город к возможной осаде: указывал на необходимость ремонта крепостных сооружений, укомплектования гарнизона, сосредоточения запасов продовольствия, предписывал выкопать в Кремле колодец и т. д. Наконец, предусматривал эвакуацию из Москвы «с лучшею святынею, також с церковными и казенными богатствами и нужными посольскими письмами» в район Белоозера. Кроме Москвы, надлежало «укрепить и полисадировать» Серпухов, Можайск и Тверь.

Сведений о том, как «полисади́ровали» Серпухов, Можайск и Тверь, в источниках не сохранилось, скорее всего к работам там не приступали, ибо все силы были брошены на совершенствование обороны Москвы. 5 мая последовал указ инженеру-фортификатору Василию Дмитриевичу Корчмину, на которого возлагалось непосредственное руководство строительно-восстановительными работами. Ему поручалось «с крайним прилежанием и спехом» произвести ремонт кремлевских и китайгородских стен, устройство рвов и подъемных мостов, установка батарей. С тех пор (началом мая) Петр пристально следил за ходом работ, предостерегал от поспешного разрушения лавок и уничтожения аптекарского огорода. 16 августа он отправил в Москву капитан-поручика Преображенского полка Петра Никифоровича Ознобишина для осмотра и проверки, «что зделано и что сего лета успеет».

Результаты совершенствования укреплений были очевидны. Витворт доносил в Лондон 24 сентября 1707 года: «Возведение укреплений вокруг Москвы настойчиво продолжается: первый бастион внутреннего городского вала окончен; по этому случаю один из знатнейших сановников, Гагарин, дал большой обед 21 сентября (2 октября). После обеда он провел всех своих гостей на бастион, и там провозгласил тост за здоровье и благоденствие царя при трех залпах из тридцати двух пушек, нарочно поставленных на бастион для этого тор-

П. П. Шафиров.

жества. Несколько тысяч рабочих — участников в постройке бастиона, тоже щедро угощали при этом пивом и вином».

С ремонтом и сооружением новых укреплений в Китай-городе и Кремле связан эпизод, получивший хрестоматийную известность. Суть его состояла в следующем.

Упомянутый выше царский наказ 25 апреля 1707 года определял судьбу шведского резидента Томаса Книпперкрона, интернированного еще в начале войны и жившего вместе с семьей в Москве. Царь, видимо, имел какие-то основания подозревать резидента в шпионаже, в том, что он по неведомым каналам извещал шведское правительство о московских событиях. Поэтому наказ обязывал Ближнюю канцелярию обменять Книпперкрона на русского резидента Хилкова, причем в Стокгольм немедленно отправить одного Книпперкрона, а его семья оставалась в России заложницей. В случае, если Хилков не будет освобожден, то семье Книпперкрона грозила ссылка в Сибирь. Выселению из Москвы подлежали также и шведские офицеры, которым

разreshалось избрать для жительства любой город, «кроме порубежных к их краю».

Дальнейшие события приняли непредвиденный оборот: Книпперкрон отказался от размена, о чем известил Посольскую канцелярию и царя. Это странное на первый взгляд решение резидента при ближайшем рассмотрении имело достаточно веские основания — дело в том, что Книпперкрон скорее всего не рассчитывал на благосклонное отношение шведского короля к размену и поэтому не пожелал обрекать свою семью на ссылку в Сибирь. Быть может, он опасался за собственную жизнь, ибо был наслышан о непредсказуемых поступках своего короля. Во всяком случае, царю Книпперкрон объявил: «Не дерзаю в Стекольную ехать без моего милостивейшего короля указу».

В столице полным ходом шли работы по сооружению укреплений, а шведский соглядатай продолжал в ней жизнь. Когда об этом стало известно царю, он 18 июня отправил Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину резкое письмо. В нем каждая строка пышет нескрываемым гневом: «Зело удивляюсь тебе, понеже я чаял, что есть ум у вас, а ныне, как вижу, что скота глупее». Петр был недоволен тем, что вопрос об обмене был передан на усмотрение Книпперкрона. В дальнейшем он велел с ним поступить так: если резидент не был свидетелем начавшегося в Москве строительства укреплений, то его, «хочет или не хочет», надлежало выслать в Стокгольм; если же строительство началось при его присутствии в Москве, то сослать в Верхотурье, а еще лучше — в Тобольск.

Поостыв, царь 21 июня — через три дня — отправил Мусину-Пушкину новое послание, в котором обнаруживается миролюбивая фраза: «Прежним письмом вашим гораздо я был недоволен; для бога, впредь так не делайте, братец». «Братец» показывает намерение Петра смягчить впечатление от ранее допущенной грубости и сделать вид, что ничего обидного он не писал.

В конце июня царь вновь возвращается к инциденту, причем никак не может забыть оплошности своего корреспондента: «Я ныне паки получил ведомость, что вы зачали чинить по указу, не сослав Книпера с Москвы, и именно, когда в приказы загоняли для сказок дворов, то сын ево был в Кремле. Чего ради я зело удивляюсь, что не так делаетца, как указ дан. Уже довольно и той

лаи, которую пред сим писал, а ныне не знаю, что и делать: все идет противу указу. И ежели так при Книпере зачата, то лутче до зимы его в дальний город послать совсем, как я и пред сим писал»²⁵.

В конечном счете Петр придумал, что ему делать. Он отправляет в Москву ранее упоминавшегося капитана-поручика П. Н. Ознобишина для расследования, почему Книпперкрон «с товарищи в шведскую землю не отпущены и при них начата Московская фортеция и прочее». Указ Ознобишину предусматривал и тот случай, когда привлеченный к следствию Мусин-Пушкин будет изворачиваться и ссылаться на бояр: «Ежели он в том будет оправдание приносить, что он то при собрании бояр объявлял, то у всех, которые при том собрании были, взять скаски, для чего того по указу не исполнено»²⁶.

Сохранилось две «скаски». Одна из них подана боярином Алексеем Салтыковым, другая — окольничим Петром Львовым. Показания их изумляют своей непосредственностью и безответственностью. Салтыков заявил, что Мусин-Пушкин царский указ «объявил и словесно говорил, чтоб Книпера выслать в Стекхольм... и он ехать не хотел и нашего резидента за себя отпустить не пожелал». Бояре «с общего совету» отправить резидента в Стокгольм силой не решились, но сослали «с общего ж боярского совету» в Переяславль Рязанский. Аналогичное показание дал и князь Львов: «Бояре помянутого резидента Книпера потеснить или б силою послать не смели, а городовым делом по тому ж умедлить не посмели»²⁷.

Ознобишин убедился, что заседания бояр в Ближней канцелярии не протоколировались, постановления не записывались, не регистрировались и мнения. В результате упущений в делопроизводстве виновных не оказалось. Когда материалы расследования были доложены царю, тот велел написать «князю-кесарю» Ромодановскому указ: «Изволь объявить при съезде в палате великим делам, о которых советуют, записывали, и каждый бы министр своею рукою подписывали, что зело нужно надобно». Прочитав эти слова, выведенные четким канцелярским почерком, Петр в сердцах внес собственноручное дополнение: «И без того отнюдь никакого дела не определяли, ибо сия всякого дурость явлена будет»²⁸.

Вид Петербурга. 1727 г. (гравюра А. Зубова).

НАШЕСТВИЕ

«Золотой» для шведов 1707 год стал зенитом военного абсолютизма и великодержавия, создававшегося шведскими королями с XVI века. Целый год солдаты Карла XII стояли в Саксонии — центре Священной Римской империи, и имперцы, по словам уже знакомого нам А. Матвеева, трепетали перед ними, как «цыплята перед коршуном».

Взяв с богатой Саксонии огромную контрибуцию, шведы на вербовали в Германии около 9 тысяч солдат, так что почти треть армии состояла из немцев — померанцев, остзейцев, саксонцев, вестфальцев и др. В целом силы «Шведской империи» к этому времени составили 88 тысяч человек. Но, разумеется, далеко не все эти силы могли участвовать в нашествии на восток.

22 августа 1707 года Карл XII начал «русский поход». На Москву пошло около 33 тысяч солдат главной армии, среди них 150 лейб-драбантов (гвардейской охраны), 7100 кавалеристов, 9600 драгун, 14 200 пехотинцев, около 1500 «валахов» — молдавских гусар. Помимо этого, король мог рассчитывать на 13—14 тысяч человек из корпуса А. Л. Левенгаупта и 16-тысячную

армию Станислава Лещинского. Впрочем, последний все время опасался свергнутого короля Августа и больше надеялся на шведские, нежели на свои малонадежные полки.

За армией тянулся военизированный транспорт — пронумерованные, крытые парусиной возы с надписями по бортам: кухонный, пивной, кассовый, аптечный, почтовый, багажный, палаточный, артиллерийский, мельничный (с мельницами, приводимыми в движение от оси телег), кузнечный, фуражный, конюшенный, оружейный, овсяной. Саксонские битюги тянули орудия и разборные кожаные понтоны. Кроме шведского ядра, в войске были немцы, норвежцы, французы, набранные в прибалтийских провинциях, эстонцы, латыши, литовцы и даже русские из Ижорской земли, получившие как подданные короны, права шведского дворянства (Аминовы, Аполловы и др.). Словом, это была разноязычная, привыкшая к битвам армада, которую до сих пор никто не в силах был остановить.

Начиная марш, шведы похвалялись шомполами выгнать «понахалившуюся Москву» из Европы и «выворотить камень» в столице России. Стратегической целью короля было не только уничтожение новой русской армии, но полное крушение государства, расчленение его на семь-восемь удельных княжеств, отторжение русского Севера вплоть до Архангельска, передача Смоленщины и Киевщины Польше. В Европе не сомневались, что Карл XII продиктует мир в Москве так же, как это он сделал в отношении Дании, Саксонии и Польши. Не сомневался в этом и сам Карл XII, выбравший из нескольких операционных направлений путь через Минск и Смоленск на Москву. В «белокаменной» король собирался сразить под корень царя — посадить на трон королевича Якуба Собесского или царевича Алексея и установить строй, подобный польскому.

Агрессивные планы короля опирались на армию, сила которой заключалась в высочайшей выучке солдат и профессиональной грамотности офицерского корпуса. Фельдмаршал К. Реншельд (1651—1722 г.), например, учился в Лундском университете, помимо немецкого, он знал французский язык и латынь, долго воевал в Нидерландах. Генерал А. Л. Левенгаупт (1659—1719) учился в трех университетах — Лундском, Уппсальском,

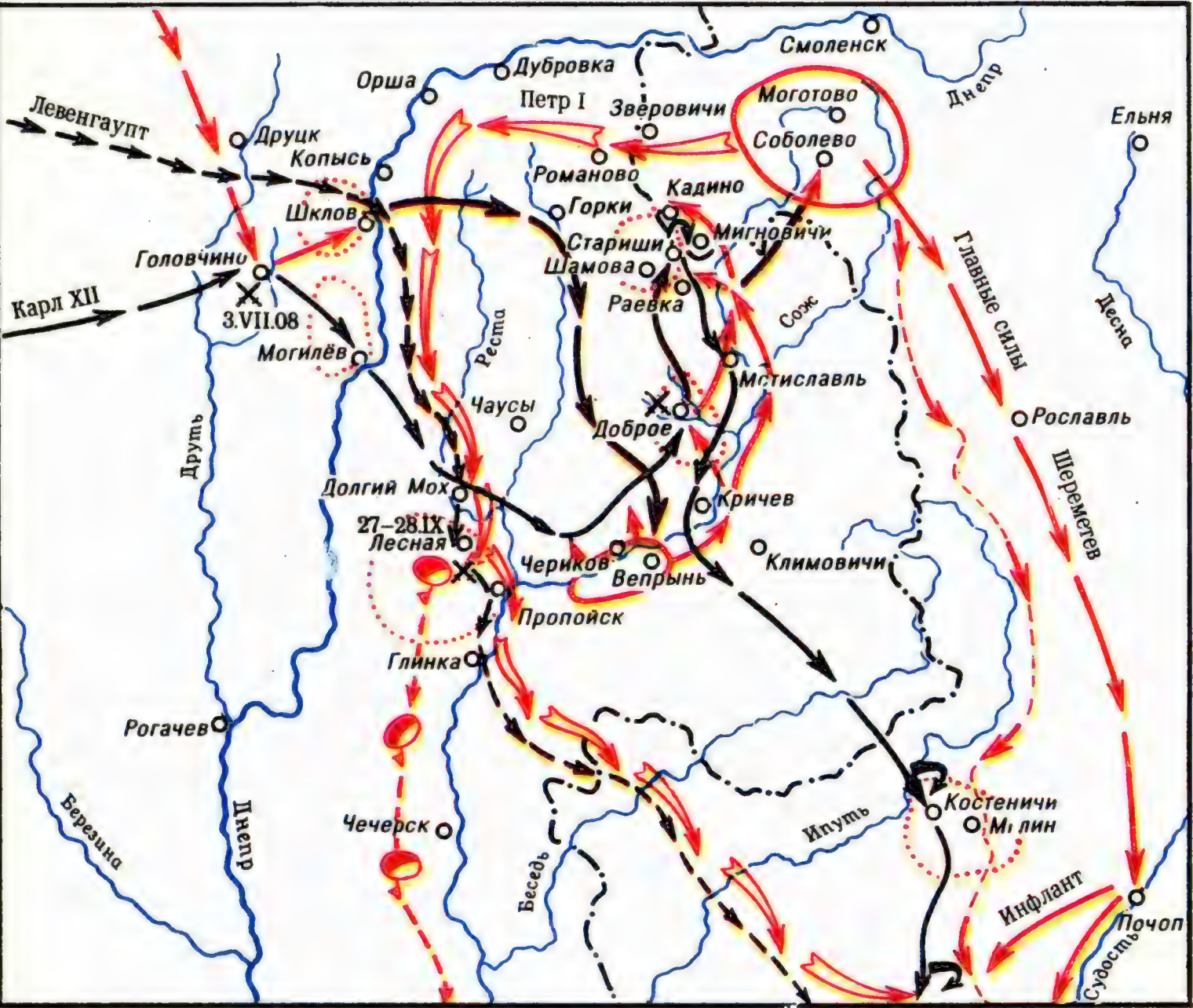
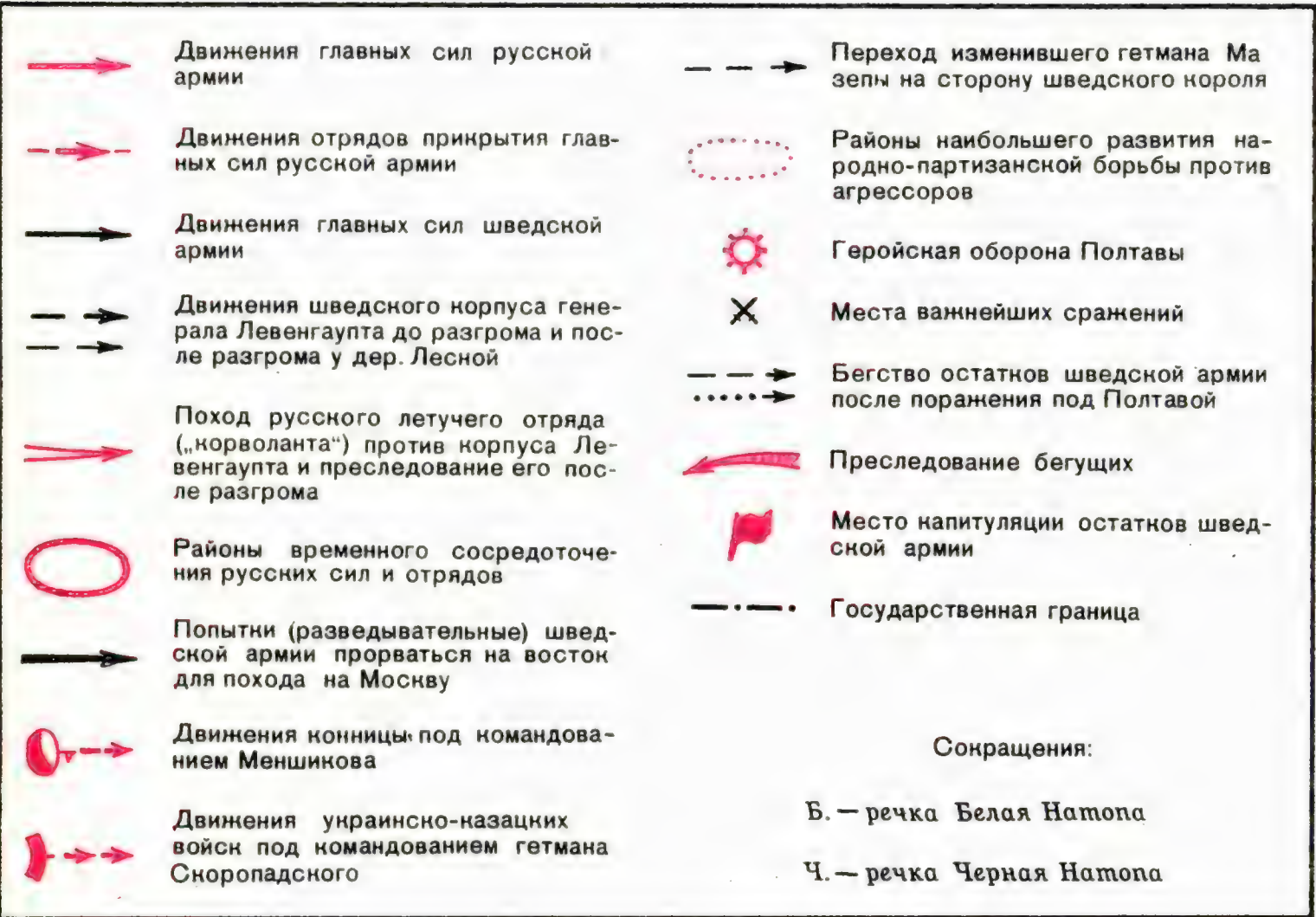
Ростокском, воевал в баварских войсках против турок, служил в Голландии. Наконец, шведские вооруженные силы возглавлял «огромный военный талант» — так писал о Карле XII Ф. Энгельс¹. Король изучал математику, латынь, немецкий, историю, военное искусство, фехтование и вольтижировку, бредил Цезарем, Ганнибалом, варягами. Он сознательно закалял тело и волю, приучая себя к аскетизму: спал на земле, ел простые каши, не пил ничего, кроме простокваши и воды, при заболеваниях лечился голодом.

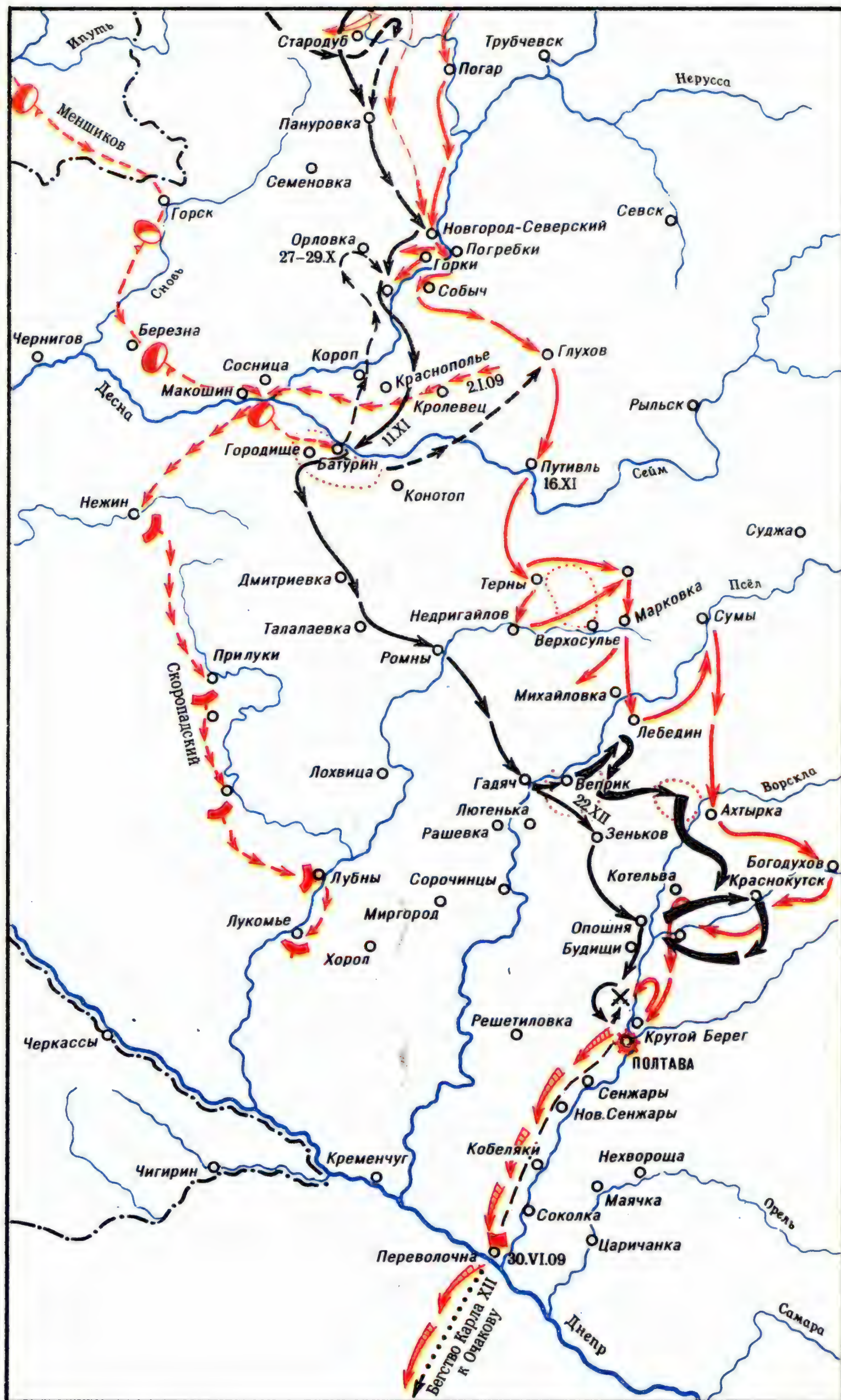
Лихой рубака, Карл XII первым бросался в огонь боя, с радостным мужеством переносил невероятные трудности и навязывал их своим солдатам. Король легко схватывал военную обстановку и никогда не терял самообладания. Вместе с тем он был лишен политического чутья, презирал противников, пренебрегал советами генералов и за свое упрямство вполне справедливо получил от турок прозвище «железная голова».

Воевал Карл XII вопреки многим линейным шаблонам, предписывавшим выигрывать войну маневрированием с целью защиты кордонных линий и коммуникаций. Магазины, обозы, артиллерия — все бросалось им ради внезапности. «Северный лев» хорошо усвоил принцип, позже сформулированный Наполеоном I: «Сила армий, как в механике, измеряется массой, умноженной на скорость». До Карла XII конницу пускали в бой рысью или шагом, с остановками для стрельбы. Король отменил тяжелые латы, запретил стрельбу с коней и ввел устрашающую атаку галопом в сомкнутом строю, когда, бывало, от давки поднимались лошади со всадниками. С ближней дистанции кавалеристы с длинными палашами всей силой врубались в противника. Шведская и лифляндская конница бросалась на пехоту, батареи и даже земляные укрепления.

Грозная шведская пехота при Карле XII до виртуозности отработала древнейший прием рукопашного боя — ходить в штыки твердым шагом, «плотной железной крепостью». Батальоны могли под огнем, как отлаженные механизмы, совершать перестроения. Две трети батальона шли с мушкетами, треть — с таранным оружием первого удара, пиками длиной до 5—6 м, окованными на концах тяжелым острием. Войско состояло почти сплошь из воинов-профессионалов, служивших

Поход Карла XII в Россию.

еще при короле Карле XI. «Свейская гордость», храбрость, твердость и уверенность в защите «правого дела» (шведы считали, что они коварно подверглись нападению трех агрессоров) отличали каролинцев в бою. Вдохновлял и горячий протестантский энтузиазм — каждый солдат держал при себе маленький молитвенник, вся армия совершала обязательные утренние и вечерние молитвы.

Справедливости ради следует сказать, что Карл XII не был стратегом. Начиная двухтысячекилометровый поход, он не считался с риском отрыва от базы. Победы, всегда одерживавшиеся меньшинством, накопили столько заносчивости и презрения к врагу, что шведское правительство во главе с королем самонадеянно не вступало до 1709 года в союзные отношения с Османской империей и Крымом, не послало своих эмиссаров ни к Мазепе, ни к запорожцам, ни к Булавину, то есть не использовало кризис, вызванный войной в России. Впрочем, все эти промахи шведского короля и его окружения не должны заслонять ту опасность, которую несло с собой шведское вторжение — над Россией нависла угроза, равная той, которую она пережила сто лет назад, в годы Смуты, и переживет сто лет спустя, в 1812 году.

Как отразить нашествие? — такой вопрос встал перед русским командованием. Шведов можно было не допустить до своих границ и встретить на Висле или в Белоруссии, опираясь на Гродно, как предлагал фельдмаршал Г. Б. Огильви. Фельдмаршал-лейтенант Г. Гольц и генерал Л. Н. Алларт рекомендовали полевое сражение, причем вне границ России.

Однако характер угрозы продиктовал другой план, разработанный с учетом пространства Восточной Европы и маневра. В Жолкве командование решило отступать к своим границам, не ввязываясь в полевые сражения, беспрестанно тревожить противника мелкими нападениями, идти конницей по его тылам и колоть на биваках. И только после того, как удастся замедлить и «поизнужить» шведа, можно будет дать ему баталию на своей земле.

План этот опирался на мощь стратегических крепостей — Смоленска, Новгорода, Пскова, Великих Лук, Брянска, Киево-Печерского монастыря. Как уже отмечалось, когда шведы еще отдыхали в Саксонии, первый

русский инженер и артиллерист В. Д. Корчмин руководил строительством земляных валов и бастионов вокруг Кремля и Китай-города в Москве. По плану Корчмина, который, к счастью, не успели осуществить, чтобы освободить пространство для стрельбы вокруг Кремля, предполагалось снести Гостиный ряд, Литейный двор и даже храм Василия Блаженного.

Создать «железную границу» наподобие вобановской во Франции от Дюнкерка до Ниццы было невозможно, но вспомнили об опыте засечных черт на юге, защищавших страну от набегов крымцев. И вот от Чудского озера через дебри Смоленщины и Брянщины до Чернигова стали рубить засеки шириной в 150 шагов, а в прогалинах воздвигать валы. На пересечениях с дорогами делали рavelины, люнеты, вколачивали палисады и рогатки. Позади полосы обороны предполагалось построить рокадную дорогу шириной в 90 шагов с мостами и гатями для переброски колонн вдоль фронта по четыре человека в ряд.

«Океан земли» — Россия — не Саксония! — позволял в гигантских масштабах применить стратегию «изматывания противника». От Пскова до Северной Украины на глубину 200 верст должна была быть «мертвая зона», откуда эвакуировалось население, хлеб прятался в ямы, а все оставшееся предписывалось «жечь без остатку». Все земли, завоеванные в Прибалтике, с 1702 года были оставлены, укрепления Дерпта взорваны. Из российских медвежьих углов «по изветам» вытаскивали, как тараканов, «нетчиков» и недорослей. Как ни губительна для ресурсов страны подобная тактика, трудно было найти что-то иное, способное не только противостоять нашествию, но и обречь шведов на гибель.

Любопытно, что в общих чертах жолкевский план стал известен шведам. Возможно, это было делом И. С. Мазепы, который раскрыл его в Жолкве полякам, а те передали его далее.

После двух неудач с иностранными главнокомандующими — де Круи и Огильви, Петр I вручил всю армию первому русскому графу, фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. В сложившихся условиях осмотрительность, отсутствие горячности, «неторопкость» делали этого боярина самым подходящим для предстоящих баталлий. Во вся-

Вид вверх по Неве-реке от Адмиралтейства и Академии наук (фрагмент гравюры).

ком случае, из тех, кто в тот момент окружал царя. Далеко не робкого десятка, высокий, плотного сложения, Борис Петрович отличался достоинством и верностью престолу, уклоняясь как от дворцовых интриг, так и попок «всешутейшего собора». Соблюдая старомосковские этические нормы, он знал и европейский дипломатиче-

ский этикет: во время путешествия в 1697 году встречался с Августом II, папой Иннокентием XII, императором Леопольдом I и гроссмейстером Мальтийского ордена, пытаясь мобилизовать их против Османской империи. Шереметев не имел военного образования, но обладал немалым военным опытом — в 1687—1694 го-

дах командовал войсками Белгородского разряда, а в 1695 году во главе 120-тысячного войска «снес с сатанинского основания» четыре турецких форта у Нижнего Днепра, запиравших выход к Черному морю, после чего стал известен в Европе как «генералиссимус русских войск». Ему принадлежала честь завоевания части Лифляндии и Эстляндии. Неудачи со шведами под Нарвой в 1700 году, Дерптом и Гемауэртхофом в 1704—1705 годах, а, главное, собственный характер приучили его к осторожности, какой мог позавидовать Фабий Максим Кунктатор. Немаловажное значение имело и то, что родовитый, хлебосольный и обходительный московский вельможа пользовался безоговорочным авторитетом среди дворянского офицерского корпуса, еще не освободившегося от пережитков местничества.

Начал новую ступень в своей военной карьере фельдмаршал не лучшим образом — неудачей при Головчине. Это было первое оборонительное сражение, которое дала армия прикрытия еще в пределах Великого княжества Литовского.

Казалось, что место выбрано крайне удачно — вязкая пойма реки Бабиц настолько труднопроходима, что полагали с возвышенности левого берега остановить противника огнем, если тот рискнет на форсирование. Правда, для этого нужно было еще создать фортификационные сооружения. А здесь русские войска запоздали. Так, части дивизии А. И. Репнина приступили к рытью окопов не 30 июня, когда заняли позиции, а 3 июля, в дождливую ночь перед самой шведской атакой. Рвы успели выкопать по колено, в итоге ретраншемент для армии был открытым, особенно на флангах, так что линию обороны можно было свободно обойти.

На правом фланге разместилось 13 пехотных и 11 драгунских полков Б. П. Шереметева и А. Д. Меншикова, которые прикрывались спереди одним редутом (зачаток полтавской системы). Эта группировка была самой сильной.

Центр — 9 пехотных и 3 драгунских полка А. И. Репнина отделялись от правого фланга болотом, которое сочли непроходимым. Этим самым повторили все ошибки нарвской позиции: она была узкой, хорошо простреливаемой и неудобной для маневрирования. Как и под Нарвой, за сухой полосой был водный барьер — болото,

через которое, правда, навели не один, а три гати-моста. Положение еще осложнялось тем, что Репнин как военачальник был смел и точен в исполнении приказов, однако без широты взгляда и личной инициативы. «Воевода в строю петровских генералов» — так характеризовал его военный историк Д. Ф. Масловский.

На левом фланге была сплошь конница — 10 драгунских полков и 4 тысячи казаков и калмыков. Левый фланг от центра отделял километровой полосой лес, через который опять же шла всего одна тропа. Оба фланга и центр прикрывались шестью разбросанными по фронту батареями, а также реданами — укреплениями для ведения косоприцельного огня и отрезками неоконченных валов. В целом на растянутой позиции было около 40 тысяч войск и 45 орудий.

Шведская армия — 12 пехотных и 16 кавалерийских полков, собралась на возвышенности у Головчина и начала артиллерийскую дуэль через реку. Русские полковые пушки отвечали с 29 июня, а с 1 июля стали палить восьмифунтовыми ядрами и тяжелые орудия. В тот же день сам король ездил осматривать броды через реку.

2 июля шведы собирали понтоны, с помощью которых намеревались переправиться через Бабич. План Карла XII состоял в том, чтобы, не дожидаясь отставших полков, атаковать и разбить изолированный центр Репнина. Кавалерия Реншельда при этом должна была блокировать конницу Гольца и атаковать левый фланг русского центра, а артиллерия — отсечь правый фланг Шереметева. Для маскировки главного удара всех валахов с обозом бросили к северу.

2 июля между 11 и 12 часами ночи армия противника получила приказ бесшумно приблизиться к берегу реки. Гвардейцы короля подхватили понтоны для наводки моста, но тут неожиданно ночной ливень спутал все планы, превратив дорогу в непролазное месиво. Не желая ждать, Карл XII приказал бросить понтоны и форсировать реку вброд. Под ливнем, в густом тумане пять пехотных и четыре кавалерийских полка (всего более 10 тысяч человек) незаметно выстроились против 8-тысячной дивизии Репнина. В половине третьего утра, когда, наконец, барабанщики Репнина забили тревогу, 22 шведских орудия открыли огонь по русскому центру.

Знамя Преображенского полка.

Три часа на недостроенные укрепления сыпались ядра, и русские батареи не могли подавить огонь шведов.

В предутренней темноте, как только батальоны развернулись в боевой порядок, Карл XII первым спрыгнул в прибрежный ил и повел в атаку гвардейских гренадеров, Далекарлийский и Уппландский полки на левый фланг Репнина. Несколько в стороне форсировали реку Вестманландский и Остготский полки, собираясь отсечь русскую пехоту от конницы и выйти в тыл. Увязая по грудь в жиже, подняв ружья и патронташи над головой, шведы с трудом продвигались вперед.

Русскую пехоту начали выводить из шанцев, чтобы обстрелять противника, но из-за тесноты только 4 батальона Нарвского и Гренадерского полков могли построиться «во фронт». Град ядер прицельно бившей шведской артиллерии вынудил их снова податься назад.

Около четырех часов утра коричневые от стекающей грязи шведы выбрались на берег. Многие подмочили заряды, и последовал приказ короля атаковать холодным оружием. Репнин полагал, что на него накатывался вал из 10 тысяч багинетов и пик. Одновременно девять эскадронов Реншельда, еле вырвавшись из болота, на-

двинулись на 10 полков Гольца и казаков, мешая им оказать помощь Репнину.

Оставшиеся части шведской армии придвинулись к Бабичу против частей Шереметева и, начав обстрел, стали имитировать атаку. Разумеется, после этого осторожный фельдмаршал не рискнул тронуться с места на помощь центру.

Два часа солдаты Репнина нестройно, почти не целясь, отстреливались от наседавшего противника. Потом, «еще не имея урона», бросив 6 пушек крайней батареи и оказавшись под угрозой окружения, стали отходить. Ввязаться в рукопашную, на что позже Репнин указывал военному суду, он не решился — это значило погубить пехоту.

Отступление проходило в крайне сложных условиях, особенно после того, как части вступили на болотистую местность. Офицеры потеряли команду, и солдаты без сигнала на отход стали бросать зарядные ящики, рогатки, полупики и пушки. Однако знамена, в отличие от первой Нарвы, не бросали: срывая с древков, их прятали под мундир. Тайный советник прусского короля и военный атташе при шведской армии барон Д. Н. фон Зильтман писал, что последние выстрелы стихли около полудня. Карл XII, боясь, что среди чашобы и дыма шведы перестреляют друг друга, остановил их и собирался повернуть на север против Шереметева, однако тот уже отступил, бросив часть багажа.

Из дивизии Репнина лишь 800 человек присоединились к Шереметеву как боеспособная часть, остальные разрозненными группами по 20—100 человек в течение трех дней выходили к Могилеву и Шклову, бросая по пути коней и сломанные повозки. Все считали удачей, что шведы их не преследовали.

В целом «огневой бой» при Головчине был выдержан русскими неплохо — об этом могут свидетельствовать почти равные потери: у русских 350 убитых, 675 раненых, 630 пропавших без вести или попавших в плен, итого 1655 чел. У шведов 255 убитых, 1219 раненых, среди них смертельно командир драбантов генерал-майор О. Врангель.

Под Головчином шведы победили той же тактикой, что и под Нарвой, — ударом по центру под прикрытием артиллерии и блокировкой обоих флангов. Ошибка

Русский пехотный офицер.

Репнина состояла в том, что он отказался сбросить противника в реку. Петр приказал судить своего близкого соратника и разжаловать в рядовые, чтобы внушить высшим офицерам уважение к воинскому долгу.

Суд над соседом Репнина — Гольцем — не успели закончить, и он избежал наказания. Три драгунских полка за позорящие действия в бою были расформированы. Заслуживала осуждения и пассивность Шереметева.

Головчинский опыт был учтен. «Правила сражения», разработанные после Головчина, предписывали необходимость уничтожения в первую очередь артиллерийской прислуги и лошадей противника и быстрого сближения с его пушками для избежания потерь. Пехоте указывалось не теряться, если кавалерия от нее отделится. Лишение «живота и чести» грозило тем, «кто учинит безчинной бег»; офицерам и генералам это грозило даже в случае бегства части рядовых. Им предписывалось оставаться с теми, кто устоит.

После неудачных опытов со сплошными линиями укреплений — под Азовом, Нарвой, Гродно, Головчино, Петр I отказался от них, и подготовка Полтавского поля была уже другой. Особое внимание было обращено на быстроту отсыпки земляных сооружений. Под Полтавой, в отличие от Головчина, в считанные минуты и часы армия окружала себя валами. Резюмирующая оценка Петра I была такова: «Я зело благодарю Бога, что наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько и что от всей его армии одна наша треть так выдержала и отошла».

Для шведов значение головчинской победы было в другом: они укрепились в прежней «нарвской» оценке русской армии. После девяти выигранных компаний Головчино было последней победной битвой короля. Но она не дала желаемого — разгрома русской армии.

1708 год оказался кульминацией опасности для России. Шведы, пробившись за Днепр, открыли себе путь на Смоленск. До Москвы оставалось не больше 380 километров. Псков и Петербург были под угрозой корпусов Левенгаупта и Любекера. Не отбрасывалась вероятность появления войск Лещинского и корпуса Крассау под Киевом и Черниговом, а также татарской орды на Южной Украине. Достоверно было известно о недоволь-

стве старшинской верхушки на Украине. Волнения в центре приблизились к уровню вооруженного восстания. Разбои дезертиров, собиравшихся в шайки по несколько сотен, срывали мобилизацию рекрутов и сборы налогов.

Казалось, недавно было затоптано пламя народного восстания на Нижней Волге, и вот полыхнуло на Дону, угрожая пожаром перекинуться на центр и мятежную Башкирию. Поводом к восстанию К. А. Булавина стало неслыханное нарушение старинной привилегии: «С Дону выдачи нет». В условиях Северной войны казаки, вопреки правительственному постановлению, тысячами принимали бегущих от военной службы. В ответ карательные отряды вылавливали «новопришлых», полосовали кнутом, резали носы и с конвоем гнали под прежнее крепостное ярмо, в солдатчину или на принудительные работы в Азов и Таганрог.

Искры конфликта между правительством и казацкими окраинами тлели давно. Историческая психология казачества — «вольный и незавоеванный (ни татарами, ни Москвой) народ» — резко отличалась от психологии крепостных. Казаки, особенно домовитые, были заинтересованы в притоке населения на Дон. Абсолютизм тисками сдавливал автономию днепровских и донских казаков. Крепости-форпосты на татарском степном пограничье и турецком взморье — Каменный Затон, Самара, Таганрог и Азов — заперли выходы для удалых набегов «за зипунами» в Анатолию и Крым. Власти ущемляли самоуправление и право внешних сношений казаков. В 1703 году донцам, например, запретили посылать послов к соседним народам.

В ночь с 8 на 9 октября 1707 года 200 казаков во главе с бывшим бахмутским атаманом Булавиным внезапно напали и вырезали карательный отряд Ю. В. Долгорукого, состоявший из 17 офицеров и солдат. (Отсюда пошло грубоватое присловье «Кондрашка хватит»). Тело полковника Долгорукого было рассечено на куски и «ругательски» смешано с навозом. Первой задачей повстанцев было стремление как можно шире развернуть движение на Дону. Для этого казаки использовали разные лозунги. Домовитых они звали подняться на защиту «старого поля» — автономии Войска Донского, взять Азов и Таганрог: «Чтобы все было их казацкое».

Новопришлым и крестьянам ближних уездов предлагали «бить князей, воевод и бояр», топить дворян и вырубать прибыльщиков и иноземцев. Голытьбу и деклассированных соблазняли прямым разбоем: «Сладко попить, поесть и погулять». Военных пытались нейтрализовать: «До солдат и драгун дела нет».

Из перехваченных писем правительство узнало, что казаки-повстанцы наладили обширную внешнюю переписку, звали на помощь запорожцев и казаков-староверов, бежавших ранее в прикубанские степи: «Чтоб над нами Русь не владела и общая наша казачья слава в посмеях не была». Искали они и связи с восставшей Башкирией, просили поддержки крымцев и ногайцев. Более того, приходилось опасаться, что прошение Булавиным «милости» у турецкого султана Ахмеда III («А нашему государю в мирном состоянии отнюдь не верь, потому что он... на твое величество готовит корабли...» «А если наш царь на нас с гневом наступит, и то будет турецкий царь владеть Азовом и Таганрогом») спровоцирует Османскую империю на захват новообретенных портов у «теплого моря». Правительству приходилось ломать голову не только об устройстве засек против шведов на западе, но и защите воронежских верфей и Азовского флота на юге, ибо восставшие объявили на весну 1708 года поход на Воронеж и Москву(!). Вот почему Петр I приказал «пустить эхо», что сам пойдет расправляться с мятежным Доном.

Пик восстания пришелся на весну — лето 1708 года. 1 мая 7 тысяч казаков захватили без боя столицу Войска Донского Черкасск и 9 мая казачий круг избрал Булавина войсковым атаманом. 8 июня казаки разбили Сумской полк на реке Уразовой и на время — с 7 июля по 20 июля — овладели даже Царицыном. Попытка взять Саратов для соединения с башкирами не удалась.

Появляясь в деревнях, прилегавших к донскому полю, казаки сразу же заставляли жителей устраиваться по десяткам, выбирать атаманов и есаулов, собирать «круги».

Булавинцы грозились повторить разинский бунт. Однако их разрозненные отряды в несколько тысяч ни разу не сливались в общую массу. Самое большее, что имел под рукой Булавин, — около 20 тысяч человек. Для сравнения: Богдан Хмельницкий в Освободительной

Шведский артиллерист.

войне 1648—1654 годов располагал войском до 100 тысяч. Степан Разин в момент подъема — до 60 тысяч. За Емельяном Пугачевым в 1773—1775 годах шло до 100 тысяч активных повстанцев.

Что мог противопоставить Верхний Дон Российскому государству? Всего несколько тысяч опытных казаков, несколько сотен солдат-дезертиров да вчерашних крестьян, «новопришлых казаков», едва владевших пикой и саблей. Целью, объединявшей голытьбу и домовитых, была защита автономии Дона и невыдача беглых. Но расправой со старшиной в Черкасске Булавин отбросил низовых зажиточных казаков на сторону правительства. Казаки действующей армии по-прежнему продолжали хорошо сражаться со шведами, хотя их из предосторожности в 1708 году распылили по разным частям.

Политические перспективы Булавина были неутешительны. Мазепа разыгрывал пока роль верного слуги царя и удерживал запорожцев от соединения с восставшими. Запорожское войско в определенной мере осталось нейтральным. Иронизируя над булавинцами — «пришли со значками, с которыми в Крыму нищие хлеба просят», — сечевики позволили лишь 4 тысячам добровольцев помогать Дону. Казаки Правобережной Украины, продолжая борьбу с польской шляхтой, вообще хотели перейти «под руку» православного царя. Османы не двинулись с места, а крымский хан Каплан-Гирей, затеяв в 1707—1708 годах большой поход на Кабарду, потерпел там сокрушительное поражение. Карл XII в момент пика восстания был за 700—800 километров от Дона и не успел попасть в поле зрения Булавина. Его последователи казаки-некрасовцы всплыли позже, в ставке короля под Полтавой и под Бендерами и не колеблясь участвовали в военных акциях противников Петра.

С Кубани к булавинцам пришло всего 40 ногайцев и, видимо, несколько сотен казаков-староверов. До терских и яицких казаков было далеко. Вместо помощи тяжелый удар с тыла нанес калмыцкий хан Аюка — около 12 тысяч степняков смерчем прошли по восставшим станицам, а заодно и русским окраинным деревням. Солдаты карательных частей, вчерашние крепостные, лишь в единичных случаях присоединялись к повстанцам.

Нет сомнения, что Булавин ясно понимал расклад

сил и придал своей внешней пропаганде окраску примирения с правительством. Известно не менее 15 «оправданий» восставших к царю, в Посольский приказ, к царским воеводам и полководцам. Булавинцы обещали верно служить «великому государю», отсылали в Москву казенные доходы и подати, запрещали «своевольцам» ходить «на Русь» и просили приостановить наступление, иначе-де «весь Дон перейдет на Кубань».

Булавин не выставил хорошо знакомый на Руси лозунг самозванчества или «подмененного царя-немчуры». Клич «на Москву» в условиях шведского продвижения к столице и обращение к царевне Софье присоединиться к восстанию (донцы не знали о ее смерти в 1704 году) сильно озлобил Петра I, и он не принял никаких мирных инициатив Булавина.

2 июля отряд атамана С. А. Драного был разбит под Тором, 3 июля потерпели поражение запорожцы под Бахмутом, 6 июля 5-тысячный отряд атамана Л. М. Хохлача был разгромлен под Азовом конными казаками и четырьмя солдатскими ротами. Когда разбитые повстанцы появились в Черкасске, то домовитые на другой же день убили Булавина.

26 июля новый атаман И. Зерщиков и старшина вместе со знаменами легли на землю перед гвардии майором В. В. Долгоруким, который повесил в черкасском казачьем кругу около двух сотен булавинцев. Голова и отсеченные руки и ноги вождя восставших были насажены на копья. Целые станицы стирались карателями с лица земли, в массовых казнях погибло около 8 тысяч человек. Остальных заставляли целовать крест на верность.

Салютом из 87 орудий и из ружей ставка царя отмечала гибель Булавина. Мелкие отряды повстанцев, хотя и продолжали сражаться, но в конце концов были вынуждены эмигрировать к ногайцам на Кубань, где на полуострове Шахи между реками Анапой и Пучказ поселилось вместе с семьями до 10 тысяч некрасовцев. В течение 200 лет после булавинского восстания Войско Донское уже не имело войскового атамана; вплоть до 1917 года, когда генералу А. М. Каледину был вручен атаманский пернач, делами управляли наказные атаманы.

Как повлияло восстание на ход войны? Можно отме-

титель, что, охватив площадь около 330 тысяч квадратных километров, оно не перекинулось за пределы казачьих земель и не выросло до размеров крестьянских войн С. Разина или Е. Пугачева. Упрощением было бы считать, как это делают отдельные историки, восстание «ударом в спину русской армии, более тяжелым, чем неудача в крупном сражении»². Правительство энергичными карательными акциями с разных направлений быстро локализовало казачьи партизанские отряды в бассейне Дона дворянским ополчением, калмыками, домовитыми казаками и гарнизонными частями Азова. Регулярных частей, оттянутых с фронта, было мало: из 33 844 человек, мобилизованных всего против булавинцев, две трети составляли дворянские ополченцы и не более 10 тысяч регулярных, в основном гарнизонных войск.

Оценку восстания можно уточнить, если сопоставить цели и программу Булавина и Петра I. Первый поднялся против варварского введения нового, за казачьи свободы Дона, за патриархальное равенство, за восстановление порядков, идеал которых виделся в дофеодальном обществе. Второй добивался модернизации всей страны и ввода России в круг западной цивилизации и культуры. Отражая иноземное нашествие, Петр I защищал общенациональные интересы. И тем не менее сочувствие народа всегда на стороне тех героев духа, которые, вопреки очевидному неравенству сил, без страха поднимались за его свободу.

Восстание было подавлено, но международный престиж России падал. В октябре 1708 года Дания отклонила предложение возобновить войну. Единственный остававшийся польский союзник — Сандомирская конференция шляхты — все настойчивее требовал возврата Правобережной Украины, которая со времен восстания С. Палия (1702—1704 гг.) находилась под русским и казацким военным контролем. Меч Карла XII грозил развалить русско-польский союз так же, как за два года до этого польско-саксонскую унию. Иностранцы в Москве описывали положение несчастного царя как отчаянное и считались с тем, что шведы ворвутся в столицу.

Тем не менее шведское нашествие на Россию не оказалось таким триумфальным, как на Данию, Польшу и Саксонию. Отступление 1708 года не разложило русскую армию. К сентябрю последовательным выполнением

жолкевского плана и маневренной войной удалось заставить агрессора отказаться от похода на Смоленск и Москву и повернуть на юг. Впервые за историю победоносных походов «последний викинг» вынужден был подчиниться воле противника.

Надо заметить в связи с этим, что до сих пор в исторической литературе господствует мнение, будто Карл XII сам сменил направление своего движения для соединения с Мазепой и последующего марша на Москву через Украину. Но это не так. Шведы оказались в труднейшем положении. Дым от горящих хлебов, сел и деревень застилал горизонт вокруг армии Карла. Попытка шведского генерал-майора Г. И. Гамильтона с тысячным отрядом кавалерии пройти по русскому тылу, чтобы воспрепятствовать поджогам, не удалась. Лишь изредка шведам удавалось находить упрятанное в ямах зерно, и солдаты после саксонского приволья сами косили, молотили и пекли случайно уцелевший хлеб. Иногда рядовым выдавали только капусту и репу без соли. Из-за плохого питания и болотной воды начались массовые заболевания дизентерией. Стал чувствоваться недостаток фуража и пороха. Артиллерия лишалась лучших тягловых саксонских лошадей.

Русская армия тоже страдала от своей «скифской войны», но ее боеспособность — сказались лучшие черты русского солдата — заметно не понижалась. Это стало ясно 30 августа, когда армия добилась первого успеха над самим Карлом XII.

Под местечком Добрым восемь батальонов гвардейской бригады под командованием генерал-майора М. М. Голицына по примеру шведов ночью, в тумане, с помощью фашин и плетеных щитов перебрались через две речки и топкое болото и около шести часов утра «накрыли» четыре пехотных и один кавалерийский полк — около пяти тысяч человек. Командовал ими генерал-майор К. Г. Роос, который самоуверенно пренебрег мерами предосторожности и разместил полки в тесноте. Операция была крайне дерзкой — Карл XII стоял всего в трех километрах от стоянки Рооса. Но это не остановило Голицына. Дружные залпы валили шведов, выбегавших из палаток. За два часа — с семи до девяти часов утра — противника выбили из лагеря. Тридцать эскадронов генерала Г. Пфлуга, которые собирались

атаковать шведов с фланга, не смогли преодолеть болота, и только поэтому бежавший противник не был весь истреблен. Король бросился на помощь, однако к этому времени дело было кончено и Голицын ушел.

Шведы потеряли 270 убитыми, 750 ранеными, 6 знамен и 3 пушки; русские — 89 убитыми и 267 ранеными.

«Добрый случай под Добрым» был отпразднован в русском лагере за рекой Белой Напой (Натопой) запуском пороховых ракет, который наблюдали раздосадованные неудачей шведы. После этого Карл XII с удвоенной энергией бросился «искать» русских, но арьергарды Шереметева и Меншикова, «танцевавшие» под самым носом короля, ускользали, не попадая ни под удары, ни в «котлы». Русский историк Г. А. Леер, сравнив две кампании, писал, что отступление 1708 года проводилось искуснее, чем в 1812 году³. Казаки и калмыки висели на тылах, ежедневно угоняя коней, убивая фуражиров и держа солдат в непрерывном напряжении. Неслыханное дело — в прославленной армии появились открытые жалобы и дезертиры, в первую очередь из саксонцев; их уже не рисковали посылать одних на фуражировку, поскольку русские листовки обещали всем перешедшим хорошее содержание.

Выйти на истекающую «медом и молоком» Украину, где по слухам, ходившим среди шведов, их ждало 200-тысячное войско Мазепы (!), король решил раньше русских, но завалы из тысяч срубленных деревьев замедляли марш. Прорыв 19 сентября — 25 сентября 1708 года через леса к Северщине оказался мучением: три колонны прорубали узкие просеки и мостили многокилометровые гати. Голодные, замордованные возницами лошади поминутно увязали в грязи. Кроме листвы, не было никакого корма. Из-за массового падежа многие драгуны брели по колено в воде пешком. По пути бросали сломанные фуры. И днем и ночью держали посты для защиты от летучих мелких русских отрядов. Караулы сильно страдали от холодного ветра. И все-таки это не было и не могло быть поражением. Ни дух, ни сила войска пока не были сломлены. Карл XII, по обыкновению, делал ставку на победоносное сражение. Правда, для этого ему пришлось на этот раз подумать о подкреплении. Еще 2 июня рижский губернатор генерал А. Л. Левенгаупт получил приказ к выступлению, одна-

ко он двинулся в рискованный поход лишь 15 июля. Согласно оценке самого генерала, численность его корпуса в Курляндии в марте 1708 года должна была составлять 16 тысяч. За вычетом больных, свободных вакансий и прочего, у него было не более 14 тысяч.

На две недели колонне пришлось задержаться в Долгинове для ремонта телег, колеса которых без шин под тяжестью провианта, боеприпасов, военного снаряжения и бочонков с жалованьем ежедневно выходили из строя. Там к нему присоединился полк В. А. Шлиппенбаха из Ревеля.

Из-за необычно дождливого лета огромная вереница повозок два с половиной месяца «пронималась» по раскисшей земле Белоруссии, делая не более 8—9 километров в день. Для добычи фуража части обоза продвигались по параллельным маршрутам и лишь 15 сентября, чувствуя близость русских, соединились в районе Черей-Толочно. Потом тронулись на восток, соблюдая боеготовность. Всех тревожила мысль — почему король не дождался их на месте или не послал помощь навстречу? Тревога не была напрасной: ведь поначалу король собирался встретить подкрепления где-то в районе Смоленска, но не дождался, ушел. Опасались и русских, к которым, в отличие от самоуверенного Карла XII, некоторые шведские генералы относились с большим уважением. Правда, пока все обходилось благополучно из-за оплошности русской разведки. Как правило, она пользовалась услугами случайных информаторов и шпионов. В итоге Левенгаупт совершил сложнейшую переправу: два дня, 21—22 сентября, его семь тысяч телег переезжали по понтонному мосту через Днепр. После такого промаха Петру I пришлось не встречать, а догонять шведский обоз 11 дней «летучим корпусом» — корволантом. 4830 пехотинцев гвардейской бригады (4 полка) посадили на коней, взяли вьючную поклажу и в сопровождении 6795 драгун, нескольких сотен казаков и 19 трехфунтовых пушек пустились в угон.

По первоначальным русским данным, конвой состоял из 8—10 тысяч. Позже, 25—26 сентября, выяснилось, что его численность больше. Как писал участник похода Р. Петре, составивший сводку наличного состава по родам войск, ко дню сражения у Левенгаупта было 12 950 человек и 16 пушек⁴. (Общепринятая цифра в

16 тысяч человек в работах отечественных историков преувеличена).

С 23 по 26 сентября передовые части корволанта трижды нападали на хвост обоза. 26 сентября обеспокоенный Левенгаупт отослал повозки вперед. 27 сентября Петр I усилил натиск на арьергарды, атаковав его силами четырех тысяч драгун и обстреляв пятью легкими пушками конвой артиллерии у деревни Долгий Мох. С флангов в это время наседали казаки.

Утром 28 сентября авангард конвоя, состоящий из двух батальонов и трех кавалерийских полков, с частью обоза ушел к Пропойску, полагая оторваться от погони за Сожем.

Времени на сооружение привычных земляных укреплений не было, и Петр I решил, не дожидаясь подхода всего корволанта и 4076 драгун Р. Х. Боура, атаковать меньшинством — в первую очередь Преображенским, Семеновским и Ингерманландским полками и спешенным Невским драгунским полком. Густая лесистая местность лишала Левенгаупта маневра и возможности развернуть в полную силу боевой порядок.

Левенгаупт был одним из лучших боевых генералов — хороший солдат, хороший генерал, хороший министр и в основании своего характера — высококачественный — так писал знавший его польский генерал С. Понятовский. За суровую решительность и хладнокровие солдаты прозвали его «господин марш-марш».

28 сентября на поляне у деревни Лесной на территории Великого княжества Литовского развернулась самая продолжительная — с 8 часов утра и до 19—20 часов вечера — «левенгауптская баталия».

Петр I настолько быстро ударил, что успел нанести противнику потери прежде, чем он построился. Сильным пушечным огнем из леса русские заставили отступить сначала полки Делагарди, Сталя, затем Гензиуса и Левенгаупта.

Около 11 часов царь стал вытягивать гвардейскую бригаду вдоль опушки леса. Левенгаупт решил не допустить выхода всех русских сил из леса. Четыре батальона с десятью пушками и четырьмя конными полками по флангам бросились на русских гвардейцев: пять батальонов в резерве были готовы поддержать эту атаку. Интересно, что против шести батальонов преобра-

Шведский
министр
граф Пипер
(гравюра
с портрета
Шенка).

женцев и семеновцев оказался их старый «знакомый» еще по боям в Лифляндии В. А. Шлиппенбах.

Шведская пехота правого крыла сбила Ингерманландский и Невский полки, захватила четыре пушки и грозила охватом с фланга, но развить успех не смогла: на помощь пришли преображенцы и семеновцы. Потерпевшие русские шеренги отводились за задние, а при необходимости и в лес, как в укрытие. «Ежели б не леса, то б оныя выиграли, понеже их 6 тысяч болше было нас», — писал позднее Петр I адмиралу Ф. М. Апраксину. Когда наступление шведов выдохлось, царь снова приказал построить боевую линию для атаки. В ответ Левенгаупт выкатил тяжелые орудия и отбил русских.

Но к этому времени подтянулся весь корволант. Две линии вместе с кавалерией вышли из леса и стали огнем теснить противника к вагенбургу — поставленным впри-тык повозкам. С тыла на охрану обоза насккивали казаки. Залпы плутонгами (взводами) и батальонами гремели один за другим. М. М. Голицын («сын Отечества» — так, гордясь, именовал его Петр) образно говорил, что от упавших пуль не стало видно земли. Солдаты четырежды набивали сумы и карманы патронами, четырежды фузеи раскалялись до того, что их нельзя

было держать. Петр I и Меншиков носились от полка к полку, вдохновляя солдат. Стрелявший в шеренге разжалованный в рядовые А. И. Репнин предложил царю колоть тех, кто подастся назад.

К трем часам дня неприятеля прижали к самым повозкам, отбив у него восемь пушек, среди которых были четыре свои. Тут получили известие, что на подходе драгуны Боура, и царь приказал прекратить огонь.

Первый период боя не склонил победы ни на ту, ни на другую сторону. Левенгаупт тоже послал за подмогой и вернул трехтысячный авангард. К пяти часам дня с прибытием Боура русские стали иметь превосходство в силах и упорно пошли вперед, используя огонь полковых пушек.

Шведский генерал Штакельберг контратаками левого крыла с трудом сдерживал натиск гвардейской бригады. Одно время залпы сливались в непрерывный гром. Бой перешел в рукопашную.

Дождь попеременно со снежной крупой и дымной гарью хлестал теперь шведам в лицо; вторая шеренга едва видела первую. По словам шведов, русские наседали так упорно, что солдаты в схватках гибли от пики или багинета прежде, чем могли увидеть противника. До сумерек шведы выдержали 10 атак и с честью вышли из тяжелого положения: два часа вели оборону и отвечали контратаками. Усиливавшийся снегопад с порывистым ветром и градом и темнота прервали около 19 часов сражение.

Всю ночь Петр I держал армию под ружьем, на расстоянии до 150 шагов от шведского вагенбурга, чтобы повторить утром нападение. Орудийная дуэль затихла около 22 часов.

Левенгаупт принял решение спасти хотя бы часть корпуса и незаметно оторваться от противника. Под видом бивачных костров он поджег часть своих фур и, бросив больных, раненых, тысячу голов скота, посадил пехоту на обозных лошадей и приказал скрытно и спешно уходить через лес к Пропойску, увозя лишь порох и артиллерийские снаряды. Ночное отступление было кошмарным. Пушки вязли в разбитой тысячами колес колее, и их сбросили в трясину. Части, блуждая в кромешной тьме и болотной жиже, теряли остатки сил. Отовсюду слышались стоны раненых, призывы умирающих, крики

заблудившихся. Много рядовых и офицеров дезертировало назад в Лифляндию.

Обнаружив утром покинутый вагенбург, Петр I бросил в погоню драгун генерал-лейтенанта Пфлуга. Корволант же стоял на месте битвы три дня. 29 сентября Пфлуг настиг и порубил в Пропойске до полутысячи оставших и взял остатки обоза, правда, без военного снаряжения — порох и заряды Левенгаупт успел утопить в Соже. Потери шведов убитыми и ранеными составляли 6397 человек, из них 45 офицеров и около 700 солдат составляли пленные. Русские потеряли 1111 убитыми и 2856 ранеными.

Победа под Лесной не была полной — были упущены часть трофеев и половина корпуса Левенгаупта. С 30 сентября по 4 октября разбитые части пробивались через леса и реки на Северщину. 9 октября генерал-майор Инфлянт напал на остатки — «обсечки» шведов у Стародуба, уничтожив 318 человек, а 15 октября после четырехмесячной эпопеи Левенгаупт привел к королю 6503 беглеца, которых распределили по разным полкам. О степени катастрофы свидетельствует нервное потрясение главы государства — понимая, что он в значительной мере виновен в ней, Карл XII несколько дней провел в бессоннице, однако вернуться в Польшу, чтобы пополнить силы, он отказался.

Потеря боезапасов, пушек и амуниции оказалась невосполнимой — осаждать Полтаву и сражаться 27 июня под Полтавой пришлось шведам в основном холодным оружием.

Победу под Лесной Петр I назвал «первой солдатской пробой» и матерью Полтавской баталии. Впервые русские атаковали меньшинством: «Сия победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому ж еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем. И поистине оная виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталии, как ободрением людей, так и временем: ибо по девятимесячном времени оное младенца щастие принесла». За славную победу воинов награждали медалию с надписью: «Достойному достойное». После пленения А. Л. Левенгаупт записал свой разговор с Петром I, его сестрой Натальей и Рен-

шельдом. Петр сказал по-голландски Левенгаупту: «Она (сестра Наталья. — В. А.) благодарит, что Вы имели такую отважную акцию при Лесной с моим братом», — и затем Реншельду: «Это была настоящая баталия, отважная акция, но мы покрыли все делом при Полтаве».

Армия прошла хорошую проверку перед Полтавской битвой. После Лесной русское командование впервые заговорило о предстоящей генеральной баталии зимой 1709 года: «...неотложно надлежит сею зимою, взяв Бога в помощь, что-нибудь генерально учинить, не допуская весны».

Не успел затихнуть Дон и отгреметь салют в честь виктории над Левенгауптом, как всех огорошила новая беда — изменил Мазепа, который еще в начале октября 1708 года «с неизглаженной радостью» пил за русскую победу. В Москве давно получали доносы на него, но умный и изворотливый украинский гетман умело все парировал. Поворот шведов на Украину стал для старца неприятной неожиданностью, ведь их марш на Москву позволял ему без потерь стать вассалом Карла XII и Станислава I. Теперь же обстановка осложнялась неизбежным подходом всей русской армии к Гетманщине. 21 сентября шведы вступили на украинские земли, но Мазепа целый месяц после этого подбирал удобный момент для перехода, так как 6—7 тысяч солдат в русских гарнизонах, разбросанных по разным местечкам, свои казаки, да и украинские крестьяне могли пресечь измену. Поднимать же малороссийское войско из гетманской столицы — Батурина — по-видимому, казалось слишком рискованным. Гетман-интриган удачно выпутался из этой немыслимой ситуации. Представляя русским, что «подагра и хирагра» — «костолом в руках» — довели его до эпилепсии и до предсмертного освещения елеем, он чуть ли не с гробом продвигался навстречу противнику, демонстрируя при этом верность царю.

Когда до шведов оставались считанные версты, Мазепа 23 октября сбежал из Борзны в Батурин, где приказал коменданту, полковнику сердюков Чечелу не впускать в замок солдат полковника Анненкова, которые стояли в предместье. 25 октября он перебрался через Десну, оставив основную часть казаков за рекой, возможно, из-за опасения встретить с их стороны сопротив-

Знамя и знаменная повозка Карла XII.

ление своим замыслам. За Десной Мазепа объявил о намерении предаться шведам.

28 октября Мазепе была устроена торжественная встреча. Закрытая карета гетмана, окруженная со всех сторон почетным эскортом шведских кавалеристов, проехала между двумя парадными шеренгами пехоты. Перед гетманом везли длиннодревковый бунчук с огромным конским хвостом и булаву, за каретой следовала старшина и 40 возов с ценностями.

Некоторые историки считали, что восстание Мазепы поставило Россию на грань катастрофы⁵. Насколько верно это мнение? Действительно, измена первоначально произвела «немалый страх» в совете и армии. Ведь она могла обернуться более серьезными последствиями, чем восстание Булавина.

Мазепа имел свой автономный аппарат власти над 40—50-тысячным малороссийским войском, переход которого к шведам мог грозить отторжением всей Левобережной Украины и резким ослаблением России. Нельзя забывать, что в социальном плане малороссийские полки не пользовались в русском штабе особым доверием: всего два полка с Гетманщины послали против Булавина.

Гетман имел право внешних сношений с Крымом, Османской империей, ногайцами и Речью Посполитой, строил «прожекты» включения земли Донского войска в состав Запорожского и прикидывал возможность подключить к своему договору с Карлом XII донцов и калмыков.

Встал вопрос: кто скорее овладеет ситуацией на Украине? Первый удар гетману нанес Меншиков, взявший гетманскую столицу Батурин с его большими военными и продовольственными складами. В батуринском замке на холме за валами и рвами сидело четыре полка сердюков и части из трех городских казацких полков. Светлейший князь начал штурм частью своих войск, а другую часть послал через потайной ход, открытый сотником И. Носом. Большинство сердюков было перебито, но часть жителей успела покинуть город. Вывезти весь провиант и военные припасы не было ни сил, ни времени, и гетманская резиденция была предана огню. После катастрофы с обозом Левенгаупта, это был второй тяжелый удар для шведов. Опередив противника,

Петр I ввел гарнизоны в Новгород Северский, Почеп, Стародуб, Мглин. Войска киевского губернатора Д. М. Голицына отсекали Лещинского от Заднепровья. Но самое главное, на Украине поднялась массовая партизанская война против шведских оккупантов, а казаки, обманом приведенные Мазепой на сторону Карла XII, десятками покидали гетмана. Позиция казаков отразила позицию всего украинского народа, который не желал рвать братские узы с русским народом. Это и предопределило крах Мазепы. Народная война поднималась как стихийно, так и организовано русским командованием. Армейские партизанские части из регулярной и нерегулярной конницы прикрывали отход главной армии, крестьянские партизанские отряды вели малую войну на коммуникациях, флангах и тылах противника. «А пеших шведов в лесах множество и до самой нашей границы, токмо ж везде их здешния мужики грабят и ружье и платье отбирают», — писал А. И. Репнин 4 октября Петру I. Даже русские староверы, бежавшие от правительственных преследований, подключились к войне со шведами в Стародубских лесах. Опытное в военном деле казачество, в отличие от крестьян, которые, как правило, защищали лишь свои села, совершали в «свободном поиске» дальние рейды.

5—6 ноября быстро созванная глуховская рада по указу Петра I вручила гетманскую булаву стародубскому полковнику И. И. Скоропадскому.

Мазепа, убедившись в далеко не блестящем положении шведов, в декабре 1708 года трижды предлагал царю снова вернуться и выдать шведского короля. Петр сначала обещал сохранить жизнь и булаву гетману, если тот пленит Карла XII, но, перехватив письма Мазепы к Лещинскому, прервал переговоры. Два покушения на Мазепу не удались — шведы схватили и повесили двух казаков.

Заклячая, можно сказать, что бунт Мазепы, подобно восстанию Булавина, был быстро локализован. Однако он осложнил ход войны: не будь его, шведам либо пришлось от Смоленщины вернуться на зимние квартиры в Польшу, либо с главной армией короля было бы покончено, как предполагал русский штаб, в конце 1708 года.

Зимой 1708—1709 годов боевые действия дополни-

П. А. Толстой.

лись «войной на перьях». К украинцам обращались Петр I, Карл XII, Скоропадский, Станислав I. Мазепа, признав шведского короля своим сувереном, безуспешно призывал подняться на освобождение Украины «от тирании московитов». На левобережье Днепра шведы увязли глубже, чем в Польше. Зимовка обернулась отчаянной борьбой за выживание и стала преддверием агонии 1709 года. После промозглого лета зима 1708/09 года в Европе выдалась жестокой. Замерзло Балтийское море, даже каналы Венеции покрылись льдом. На Украине с 30 ноября морозы дошли до минус тридцати градусов. Шведы к летним обветшавшим мундирам подшивали овчину, некоторые щеголяли в самодельных овчинных ботинках или онучах и лаптях. От стужи не спасали конуры-укрытия, сделанные из соломы. За три январских перехода из Ромен в Гадяч, когда в снег падали птицы, подбитые морозом, в каждой роте появилось по 25—26 обмороженных. На санях, как дрова, перевозили окоченевшие трупы. Всего холода погубили около трех тысяч человек. Русская армия, несмотря на страш-

ные морозы, все плотнее сжимала кольцо вокруг противника. Партизанская война не утихала. Украинские села и городки исторически привыкли к полувоенной жизни степной окраины Российского государства. Большинство украинских казаков и крестьян имело оружие и неплохо владело им. Шведы же не могли пустить мазепинских казаков по тылам русской армии. Более того, им приходилось держать бессменные караулы при многих из них, подозревая в сочувствии к русским. Гарнизоны Чернигова, Нежина, Переяславля, Полтавы, Миргорода, Веприка дали присягу биться до последней возможности. Это были не пустые клятвы. Вскоре маленький городок Веприк, расположенный в 12 верстах от Гадяча, доказал это.

Четырехугольная крепостца без бастионов, с небольшим валом, была одним из передовых опорных пунктов для русской армии и партизан. Как заноза она сидела в шведском тылу (фронт в то время был вокруг), и, видимо, не случайно Петр I пятикратно в первой половине декабря навестил ее, рекогносцируя местность.

Всего в гарнизоне находилось около 1300 солдат, сотня драгун и до четырех сотен украинских крестьян и казаков.

16 декабря отряд русской армии вышел из Лебедина, демонстрируя намерение захватить Гадяч. В жесточайшую стужу королю пришлось вывести своих солдат из теплых хат. Но русские, выманив шведов в голую степь, ушли обратно в Лебедин, поставив противника под удар мороза.

22 декабря Карл XII собрался выдернуть занозу и подвел к Веприку свои войсковые части, но гарнизон закрыл ворота, а у шведов не оказалось штурмовых лестниц. Через неделю шведы подтянули еще резервы, сердюков Мазепы и двадцать пушек.

На все ультиматумы храбрый и энергичный комендант, шотландец В. Ю. Фермор отвечал отказом. Он распорядился подправить поверх валов плетни, между которыми была засыпана земля, облить водой внешние откосы и привести в порядок свои три полковые пушки небольшого калибра. Расчистить заметенный снегом мелкий ров уже не было возможности.

Заиндевелым утром 6 января 1709 года шведы открыли артиллерийский огонь с четырех батарей из всех

20 пушек. Пехота в это время строилась в три штурмовые колонны по 600 человек в каждой, планируя одновременное нападение с трех сторон. Карл XII намеревался бить ядрами по верху вала, чтобы атакующие под защитой огня без потерь приблизились и взобрались на вал. Присутствие короля-полководца подстегнуло честолюбие офицеров — все хотели продемонстрировать свою неустрашимость и быть впереди в опасном деле.

Средней колонной командовал опытный служака остзеец полковник Генрих Отто фон Альбедиль (1666—1738), который к 1709 году ухитрился повоевать за австрийского императора, голландскую и венецианскую республику, за британскую корону и саксонского курфюрста. Его горячность оказалась на руку защитникам Веприка — средняя колонна очутилась у ворот, когда две фланговые колонны еще не развернулись в боевой порядок. Стремительность напора была такой неудержимой, что створки ворот разомкнулись, однако защитники быстро подтащили мешки с землей, зерном, навозом, завалили ворота и сумели огнем отбить наступавших.

Разновременность атаки выручила Веприк. Солдаты и казаки бросились к местам вала против фланговых колонн и первыми залпами уложили в снег полковника Фриччи, подполковника А. Мёрнера и принявшего после них командование графа К. О. Шпёрлинга (он и его брат Я. Шпёрлинг были убиты в один день почти одновременно).

Всего две штурмовые лестницы шведы успели привалить к валу. Попытки взобраться по ледяному откосу были бесполезны. Сверху на осаждавших летели камни, комья мерзлой земли, бревна, а из рук женщин лился кипящий кулеш (так свидетельствуют народные сказания). Шведские ядра отскакивали рикошетом от ледяной коры, а ледяные осколки в кровь секли лица. Отчаянных смельчаков, достигших вершин вала, казаки и солдаты сбивали вниз саблями, пиками и дубьем. Все попытки штурма окончились провалом, шведская армия потеряла больше двух тысяч человек, и что хуже всего — цвет своего офицерства. Из офицеров высшего ранга был ранен генерал-майор Б. О. Штакельберг, контузию в грудь получил сам фельдмаршал К. Реншельд, а также восемнадцатилетний сорвиголова пол-

Шведский
фельдмаршал
граф Реншельд
(гравюра с
портрета
Вольфганга).

ковник Макс Эммануил Вюртембергский («маленький принц»). Такие потери оказались серьезнее, чем в больших полевых сражениях, и уступают лишь потерям шведов в битвах под Калишем 1706 года, Лесной 1708 года и Полтавой 1709 года.

Гарнизон Веприка потерял убитыми 175 солдат (из них 8 офицеров) и 150 ранеными.

В ночь с 6 на 7 января Карл XII предложил гарнизону либо почетную сдачу в плен с хорошим содержанием и сохранением имущества, либо смерть при повторном штурме. Израсходовав почти весь запас пороха и учитывая перевес сил осаждавших, Фермор решил сдаться. В знак признания доблести и храбрости гарнизона Карл XII вернул ему и всем офицерам шпаги. Пленные солдаты были забраны шведами, а украинцев, как гетманских подданных, король отдал Мазепе, который посадил их в ямы, моря там голодом. Некоторых (в том числе и женщин) мазепинские сердюки зарубили. Все постройки Веприка были сожжены.

Почти полгода солдаты протомились в плену, однако не потеряли воинского духа. 15 июня 1709 года, вос-

пользовавшись атакой русского генерал-лейтенанта И. К. Генскина на Старые Сенжары, они разбили колодки, напали на конвой и старосенжарский гарнизон и освободились.

После взятия Веприка среди шведов пошли разговоры о необходимости «уходить за Днепр». Да и сам король уже не возвращался к прежним планам похода на Москву.

Знали ли об этом в окружении Петра? Если и не знали точно, то, судя по предпринятым шагам, догадывались. Все усилия теперь сводились к тому, чтобы «протомить» противника, не дать ему вырваться из мышеловки и в конце концов нанести решающее поражение. Новый гетман И. И. Скоропадский по указу царя рассылал отряды, которые угоняли скот, вывозили хлеб. В штабе Петра I уже не считали рискованным отослать часть армии за Днепр, чтобы поддержать польского союзника, приказав, однако, не удаляться далее 20 миль от Киева.

7 февраля был опубликован универсал о причинах задержки полевого сражения: «...обученнейшие войски и славнейшие генералы, кроме отчаянных вертоглавов, без крайней нужды... никогда до главной баталии не приступают, но воинские свои действия отправляют вымыслами, утомляя неприятеля маршами и партиями».

В апреле 1709 года шведы вместо повторения похода на Москву обложили Полтаву. Почему заштатный городок с небольшим земляным валом и палисадом для защиты от татар, не имевший никакого стратегического значения, привлек внимание короля? Такой вопрос среди прочих задал Петр I Левенгаупту после пленения его под Переволочной. Действительно, почему не Харьков, Белгород, Нежин или Сумы? (Большой Киев с Печерской крепостью был «не по зубам» королю.)

Следует сказать, что русский штаб движение шведов к Полтаве принял поначалу с облегчением — ведь противник удалился от столицы. Однако, хорошо зная о колебаниях в Сечи, Петр I еще 6—7 февраля советовал Шереметеву «отвести неприятеля от Полтавы и протчих к Запорожью ближних мест к Днепру», «разлучая от казачьих городов».

Но ни Шереметеву, ни Скоропадскому не удалось изолировать зыбкую вольницу от шведской армии. Ко-

шевой атаман К. Гордиенко 28 марта поднял почти все Низовое войско — около 8 тысяч и в Будищах присягнул сначала воителю из Скандинавии, а потом, 29 марта, своему гетману Мазепе. И уже через три дня, 1 и 2 апреля, шведы проводили рекогносцировку Полтавы. Дело в том, что Переволочна безусловно, а земли Полтавского полка в определенной мере были в сфере влияния Низового войска. И сечевики и Мазепа «горячо» убеждали короля, что, расчистив через Полтаву коридор к Переволочне и Сечи, он к «святой неделе» получит подкрепление из Крыма. Мазепинцы понимали, что если шведские генералы уведут начавшую деморализоваться армию в Польшу, их дело можно считать похороненным.

Началась трехмесячная героическая оборона Полтавы русскими солдатами и украинскими ополченцами. Первый штурм был отбит 29 апреля. 30 апреля шведы начали вести осадные траншеи, не заботясь об обводных валах против русской армии. Работы шли вяло, подтаскивать артиллерию и снаряжение для осады по всей форме Карл XII не желал и не мог, надеясь, что город быстро сдастся, подобно польским крепостям. Жесточайше экономили порох — в первых числах мая три шведские мортиры бросали не более пяти бомб в день от Крестовоздвиженского монастыря. На караул заступали с незаряженными ружьями и набивали их только по тревоге, на штурмы ходили с холодным оружием, в подкопы боялись класть порох из-за того, что его унесут: 9 мая полтавчане изъяли из-под вала четыре центнера пороха.

Положение осажденных ухудшалось с каждым часом. Уже в мае умирали от голода горожане и крестьяне окрестных сел, сбежавшиеся под защиту городских валов, 1195 человек выбыло из строя из-за болезней и ран. Пушки вместо ядер заправляли камнями и сеченым железом, а порох получали в полых бомбах, запускаемых из тяжелых орудий с русских батарей из-за Ворсклы. Тем не менее храбрый гарнизон не только «держал на цепи» армию короля, но и делал частые вылазки, поджигая деревянные постройки в шведских траншеях «напалмом» XVIII века — горшками со смолой.

Положение шведов к весне не стало много лучше, чем зимой. В жару мясо на второй день загнивало и

червивело, хлеб с трудом отыскивали в ямах, вина и водки почти не было, пищу вместо соли подсаливали селитрой. Подвезенные из Крыма изюм, миндаль и инжир не могли ликвидировать голод. Лошадям скармливали сечку и муку, ибо мазепинское сено сожгли зимой. В знойную погоду даже от незначительных ран гангрена быстро сводила в могилу. Солдаты измотались непрерывной чередой караулов, осадными, земляными и ремонтными работами. Угнетал гром русских пушек большого калибра, не прекращавшийся ни днем ни ночью. Шведы вручную лили пули и крутили порох, подбирали русский свинец с земли и едва час выкраивали на еду и уход за конями. Все понимали, что оттяжкой сражения русские намерены изнурить армию и вынудить короля к миру. «Непрерывная усталость приводила в отчаяние самых решительных, и многие хотели честной смерти в бою, чем голодной, а некоторые стали думать о переходе к врагу», — писал С. Понятовский.

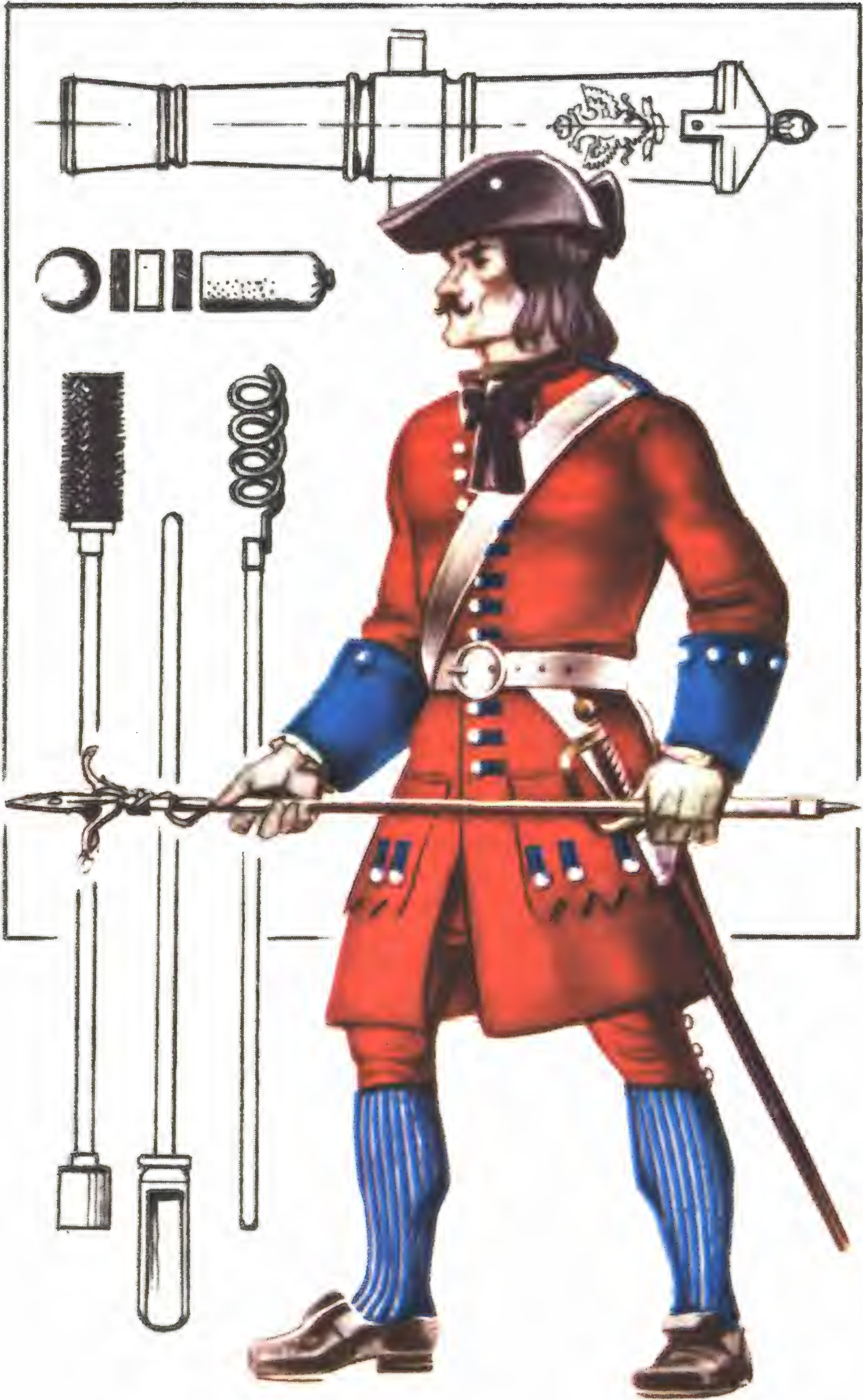
Между шведским и запорожским войском почти сразу возникли трения. Запорожцы были недовольны тем, что их загнали рыть траншеи, что их потери от огня полтавчан вдвое больше, чем у шведов, что с ними не делились медикаментами. Шведы возмущались пьянством и слабой дисциплиной казаков.

Полевая жизнь в отрыве от родины в течение семи лет, пламя народной войны и плотное партизанское окружение подрывали боевой дух потомков викингов.

Кампания 1708/09 года проложила путь к перелому в ходе Северной войны. Ситуация в Восточной Европе в первой половине 1709 года стала медленно, но верно склоняться на сторону северных союзников. В Польше сторонники Лещинского уже не говорили о походе «объединенной Польши» на восток и соглашались на нейтралитет. Окружение Станислава I в преддверии Полтавы считало дело Карла XII проигранным. 26 марта три полка русского генерал-майора Н. Инфланта соединились с союзным войском поляков гетмана А. Н. Сенявского, а 29 марта 10 полков Г. Гольца вышли на Правобережную Украину против Лещинского.

5 мая на зависть шведам русский лагерь долго гремел салютом из 70 пушек: из-под рук короля была взята столица запорожцев — Сечь. Запорожское войско, в отличие от войска гетмана Мазепы, пользовалось лю-

Русский артиллерист.

бовью и авторитетом на Украине, Сечь была символом свободы. Получалось так, что ее разгром еще больше связал запорожцев с противниками России — шведским королем и османами, к которым казаки перенесли свою резиденцию (Олешковская Сечь на Нижнем Днепре).

31 мая русские войска появились уже в трех милях от Львова, оттесняя силы Лещинского и Крассау к Висле.

Все явственнее проявлялась возможность нового вторжения Августа II в Речь Посполитую с запада. 26 мая датский король Фредерик IV встречался в Дрездене с Августом II и 17 июня подписал, наконец, соглашение о восстановлении наступательного союза 1699 года при условии ввода его в действие после присоединения к нему Петра I. 4 июля Дания, Пруссия и Саксония заключили оборонительный союз.

Появились обнадеживающие для Петра сведения, что морские державы, гаранты Альтранштедтского договора, санкционировали вторжение саксонцев в Польшу.

В то время, когда в штаб-квартире короля еще надеялись на татар, Москва уже с марта была уверена, что Османская империя не вступит в войну. Порту как нельзя больше устраивала продолжительная шведско-русская война. За пять дней до Полтавской битвы татарское посольство передало королю пожелания доброй воли, и в тот же день Карл XII получил известия, что ни Лещинский, ни Крассау не придут на Украину.

В отличие от Карла XII в распоряжении Петра I были практически неограниченные людские ресурсы. Военные комиссары уже в первые годы войны более или менее удовлетворительно наладили систему комплектации. Труднее стало улизнуть от фузеи и в монастырь. В армию уже не поступали немочные и «пожилые» старше 32 лет.

Нет ничего примитивнее считать, что серая солдатская «крепостная масса» была забита палочной дисциплиной, рабски покорной, без патриотизма, способной биться лишь в «деревянных» линиях или компактных массах. Вполне понятно, что добровольно в армию не шли: невиданные экзерциции, кулачные расправы унтер-офицеров, смертность на бесконечных переходах, перспектива пожизненной службы приводили в шок рекру-

тов из глухих деревень. Новобранцев вели иногда в колодах или скованных попарно, помещая на ночь в тюрьмы, выжигая клейма, грозя бежавшим кнутом, каторгой, виселицей, обрезанием ушей. Тылового обучения по единой системе до 1716 года не было. Новобранцы после четырех месяцев подготовки бросались на фронт, и овладевали они солдатским ремеслом уже под огнем.

Перенятыми с Запада шпицрутенами вбивалось слепое повиновение в непокорных. Как раз первые два года службы давали максимум дезертиров. Но следует учесть — одетого в мундир крестьянина освобождали от крепостной зависимости, и солдат осознавал перспективу дослужиться до унтер-офицерского чина и даже стать дворянином.

К 1708—1709 годам русская армия стала квалифицированной вооруженной силой. Боевая выучка стала не ниже шведской — об этом могут свидетельствовать «Правила сражения», составленные во второй половине 1708 года. Только на главных операционных направлениях было пройдено около 10 тысяч верст. С 1703 по 1709 год армию прошли 230 тысяч человек. Общий расход убитыми, ранеными, пленными, больными составлял 110 тысяч.

Полки удачно формировались по принципу землячества: Владимирский, Нижегородский, Ростовский и т. д. Спайка земляков и навыки общинной жизни давали товарищество и взаимовыручку. Предательство и трусость осуждались. Нельзя сбрасывать со счета и специфику русского солдата. «Национальный характер, исторические традиции и особенно различный уровень цивилизации создают много различий и порождают характерные для каждой армии ее сильные и слабые стороны», — писал Ф. Энгельс⁶. Основой для формировавшегося духа русской армии была близость быта крестьянина и солдата. В тяжелом труде войны солдат выполнял огромные земляные работы при осадах и полевых укреплениях, привычно и споро владея лопатой и топором. Солдат с невероятным терпением переносил лишения. На одних ржаных сухарях, без мяса и вина, в отличие от европейцев, он мог выдерживать 15-дневные марши, иногда до 60 верст в день. Закалка суровым климатом позволяла проводить полевую жизнь в сырости и на морозе без угнетения духа. Огромную выносливость и

стойкость русского солдата отмечали сплошь все наблюдатели, начиная с XVIII века и по сей день.

Сноровка и сметливость делали армию «самообеспеченной» — солдаты сами пекли хлеб, плотничали, ремонтировали лафеты и повозки, занимались ремеслом и даже шили мундиры.

Врожденная удаль и храбрость стали основой боевой доблести. Русский солдат стойко терпел боль, большие потери в бою отнюдь не влекли за собой, как это было в западных армиях, потерю боеспособности воинской части. Служба, скрепленная кровью, переплавляла крепостного, холопа и посадского в боевое товарищество ветеранов. Ошибкой было бы опустить сильнодействовавший моральный фактор, поддерживавший дух солдата. В то время это был фактор религиозный. Народ сплачивала идея защиты православной церкви, и солдаты в бою полагались на помощь богородицы, хотя и были готовы к смерти в любой момент. (Отсюда обычай надевать белые рубахи перед боем.)

Наборы до 1720-х годов проводились только в великорусских областях, и армия была сплошь однородной по национальности и языку, а также по социальным установкам. В условиях, когда петровская регулярная армия находилась в стадии становления, складывания боевых традиций, это был немаловажный цементирующий фактор.

Неверно было бы умалчивать и об отрицательных качествах русского солдата, порожденных социальными условиями — крепостничеством и всевластным абсолютизмом. Ф. Энгельс, отметив храбрость, нетребовательность, стойкость, здоровье, писал о «пассивном, терпеливом, покорном повиновении русских», «слабой сообразительности» (отсутствии инициативы), «неповоротливости»⁷. Впрочем, к этому можно было бы добавить, что наследие крепостничества (послушание) обернулось пригодными в линейной тактике дисциплиной и выдержкой.

В целом же за удивительно короткий срок энергия Петра и терпение народа создали одну из самых сильных европейских армий. «Я не видел более прекрасной пехоты, лучше обученной, дисциплинированной, лучше вооруженной и более выносливой во всех трудах войны. Но вред в том, что ее берегут не больше, чем мух», —

писал побывавший в разных армиях и оказавшийся в конце концов на русской службе генерал-лейтенант д'Альбон в январе 1709 года⁸.

Сформировать офицерский корпус было сложнее — у Петра I не было под рукой, как у Карла XII или позже у Суворова, готовых кадров с современным военным опытом. Новая армия требовала нового типа службы дворянства.

...Степняк гнал коня в набег из-за угрозы голода и нищеты; идальго плыл за океан за золотом; европейский наемник с пережитками кодекса рыцаря вербовался для наживы; самурай в военной этике «бусидо» видел путь самосовершенствования. Для русского дворянства XVII века стимул службы за поместье уже выветрился без следа. Поместная конница лишь отбывала временные лагерные сборы в мирное время. Раздутая родовая и сословная честь душила военное дело — в походе препирались за должность, но не за боевую доблесть. Личной чести практически не было. Кнут самодержца мог гулять по спинам «подданных рабов» — воевод, бояр, князей. Генералитет в письмах к царю подписывался: «Яшка» (Яков Федорович Долгорукий), «Ивашка» (Иван Юрьевич Трубецкой), «Адамко» (Адам Адамович Вейде). Сутяжное местничество заменяло поединки соседней задиристой польской шляхты.

Не было ни военного честолюбия, ни развитых традиций войны с кадровыми армиями — последняя война со Швецией была в 1656—1658 годах. Перед Петром I стояла труднейшая задача, как приохотить дворян к военному, тем паче к морскому, делу, к которому на Руси не было интереса со времен вещего Олега.

С Ивана Грозного служба для дворян была принудительно-обязательной, всеобщей и пожизненной. Петр добавил: она будет регулярной с 15 лет под угрозой конфискации имения. А так как в войне со шведами нужна не родовитость, а знания и способности, то дворянам приказано служить с «фундамента солдатского дела» в гвардии наравне с мужиками. Принудительное образование недорослей с 10 до 15 лет было введено 28 февраля 1714 года под угрозой запрета женитьбы.

Лучшей школой для офицеров Петр считал практику под огнем в своей и иностранных армиях, а также на голландских и английских кораблях. Офицерское учили-

ще — «шляхетский корпус» — было создано уже после смерти царя-реформатора, в 1731 году.

Военной службой в петровское время было охвачено 3 процента крестьян и 100 процентов дворян, которые были сбиты в однородное сословие из разношерстных стряпчих, жильцов, детей боярских, городских дворян и т. д. Поголовную милитаризацию русского дворянства государством некоторые исследователи сравнивают с прусской милитаризацией.

Носить до смерти мундир в отрыве от дома и хозяйства стало трагедией. Некоторые откупались взятками, некоторые дезертировали в Польшу, но большинство, хоть и плевалось, но ехало на петербургские болота, на флот и в армию — делить походную жизнь бок о бок с крепостными не только в почетной кавалерии, но и в пехоте.

Конечно, Петр понимал, что выколотить палкой военное дарование невозможно, плохой офицер не воодушевит солдата на бой. Тем не менее железная длань царя успела привить вкус к военному ремеслу. Служба в вооруженных силах постепенно становилась престижной, офицерам назначали неплохие оклады: прапорщик получал 7, капитан 18, полковник 50, генерал 300 рублей в месяц. Укоренялось понятие чести солдата и офицера, принуждение сменялось сознательностью и инициативой.

Ядром офицерского корпуса стали два отборных, с 1687 года гвардейских полка Петра I — Преображенский и Семеновский, завоевавших своим героизмом под Нарвой репутацию храбрейших. Там был цвет офицерского корпуса и барометр настроений дворянства. Гвардия стала «преемницей московских земских соборов».

На маршах от Вислы и Невы до Днепра росло стратегическое искусство генералитета, в том числе генерал-лейтенанта Петра I, фельдмаршала Шереметева и самородка, умевшего ставить на бумагу лишь одну свою подпись, генерала Меншикова.

Ради повышения боеспособности вводились как военно-полевые суды, казни и штрафы, так и поощрения. По образцу английского ордена был основан первый в России орден святого Андрея Первозванного (1698 г.) и святого Александра Невского (1725 г.), останки которого были перенесены в Петербург.

Боевая доблесть офицера поощрялась чинами, дерев-

нями, пенсиями, графскими и княжескими титулами, портретами царя с бриллиантами, медалями. В то время, когда поощрение рядовых на Западе было почти неизвестно, уникальным в истории армий стало коллективное награждение частей знаками отличия. Так, для гвардейских офицеров первым стал нагрудный ринграф с надписью «1700 Ноября 19» в память их доблести под Нарвой, который носился на парадах до 1917 года. Первую медаль «За верность и мужество» ввели после Калишской победы в 1706 году. Гордость за профессию военного поддерживалась расшивкой офицерских мундиров галунами и наследием рыцарских времен — шарфом через плечо.

Удачно была использована психология феодального общества. Подобно девизу французской армии «Честь и родина» в русский девиз была включена идея патриотизма — «за отечество», идея верности и присяги — «за царя», идея религиозности — «за веру».

К 1708 году уже окончательно сложилась организация пехотных и кавалерийских полков, состоящих из двух батальонов по 620 человек и пяти эскадронов по 200 человек. С 1706 года стал вводиться четырехшеренковый строй вместо шестишереножного, чтобы палить одновременно из большого количества ружей и уменьшить потери от артиллерийского огня. Утончение линии привело к увеличению роли резерва и второй линии. Закончилось перевооружение ударно-кремневым ружьем. Ничтожная меткость неудобных фузей с прямым прикладом на 150—200 шагов и мушкетов на 300—400 шагов заставила обучать стрельбе залпами по массе. Солдаты не отворачивали лица при выстреле в противника и хладнокровно, не в спешке, набивали стволы, поэтому пули уже не вылетали с шипением, подобно ракетам. Реже стали разрывы и раздувания стволов. Уменьшился разнობой в огнестрельном и холодном оружии, поступавшем с разных заводов. Прежнее изобретение французского маршала С. Вобана «обоюдник»-багинет, вставлявшийся деревянной ручкой в ствол, начал заменяться новинкой — штыком, оставлявшим свободным для выстрела дуло. Впрочем, в 1707 году по примеру шведов восьмую часть полков вооружили четырехметровыми пиками, от которых отказались многие армии Европы.

Исчезли старомосковские атаки по типу восточных

с «великим шумом и криком» — офицеру позволялось заколоть кричащего в атаке. Строгость объяснялась просто — в линии должны быть слышны лишь команды офицеров. Ликвидировали прежнюю шумовую музыку в бою — трубы, зурны, бубны, сопели, оставив лишь барабаны, литавры и «сиповки» — флейты для подачи сигналов. Меньше стало отставаний от части во время боя и перебежек к врагу. На биваках стих базарный шум и офицерская ругань.

Ударной силе шведов — сомкнутому пехотному строю — Петр I противопоставил огонь и полевую фортификацию.

Более слабой, чем пехота (вплоть до Екатерины II), оставалась конница. Россия издавна имела отличную легкую кавалерию — казаков, которые осиным роем днем и ночью кружили вокруг неприятеля, ловко владели пикой и были незаменимы на разъездах. Но вся Европа имела и тяжелую кавалерию — кирасир с железными воронеными кирасами. Почему же Петр остановился на средней коннице, драгунах? Выбор был хорошо рассчитан. В России не было для кирасир крупных коней (их лишь с 1712 года начали закупать в Пруссии и Силезии), но были бесконечные просторы, где была нужна подвижная конница, которую в случае нужды можно было использовать и как пехоту.

В петровское время русская кавалерия теряла свой чисто дворянский характер. Наряду с мелкопоместными дворянами туда направлялись подьячие, посадские, сыновья священников. Едва держась поначалу в седле, они, естественно, предпочитали сражаться пешими. Для устройства хорошей кавалерии нужны десятилетия, а тут приходилось и обучать и экипировать в походах. Драгун снабдили основным — палашами, пистолетами, фузеями, которые приторачивались к седлу, и топорами для хозяйственных надобностей. Но не хватало то чепраков, то мундштуков, то шпор и, самое главное, времени на строевую езду и выездку лошадей, не говоря уже о фехтовании на всех аллюрах или поднятии коня в галоп с места. Раз рассеянные, драгуны с трудом собирались в строй и хорошо дрались, пока были вместе. Эскадроны, бывало, трогались в атаку без приказа, лишь увидев движение других, причем не линией, а «кучей». Однако и речи не могло быть уже о

том, чтобы у конников были «клячи худые, сабли тупые, сами ножны и безодежны, зарядить пищали не умеют», — как писал в 1701 году русский публицист И. Г. Посошков.

Степные мосластые и низкорослые лошадки драгун хотя и уступали саксонским коням, но уже попривыкли к огню и не заносили всадников на сторону. Офицерам уже удавалось из эскадронов «тянуть линию», приучить к стрельбе двумя-тремя шеренгами и захватывать фланги. Приучая своих драгун к огневому бою «фрунт на фрунт», Петр I до победы у Калиша запрещал конную атаку холодным оружием, после победы, наоборот, по примеру шведов, была отменена стрельба с коня и снят запрет с атаки палашами.

С 1705—1708 годов драгуны уже умели пройти дистанцию атаки сомкнутым строем в трех шеренгах без разрывов, владели пистолетом, фузеей и даже пушками — конной артиллерией, впервые в Европе введенной в русской армии. Конные гренадеры усиливали удар в бою гранатами и трехфунтовыми мортирцами, которые в походах навьючивались на коней.

Во главе драгунских полков и нерегулярной конницы находился один из лучших боевых генералов — Меншиков, которого можно поставить в ряд с прусским генералом Зейдлицем и французским маршалом Мюратом. Как положено кавалерийскому генералу, «светлейший» имел зычный голос для команды, молодечество, ловкость и лихость в рубке, способность быстро ориентироваться на местности и в бою.

К 1708 году армия получила громадный артиллерийский парк. Только Московский пушечный двор в 1701—1708 годах отлил 660 пушек, 26 гаубиц и 305 мортир, приняв с разных заводов около 1 миллиона ядер, бомб и гранат. Качество отечественного пороха стало не хуже привозного. Однако еще до половины своих потребностей в оружии армия удовлетворяла за счет импорта. В 1701—1710 годах иностранцы поставили 115 тысяч «амстердамских» ружей, пистолетов и более 200 тысяч клинков.

Слабым местом русской армии оставалась низкая маневренность на поле боя, недостаток инициативы у генералитета и отсутствие заботы о рядовых, что приводило к чудовищным потерям от болезней. Конечно,

главным двигателем Северной войны был Петр I. В военном деле он был единственным недилетантом среди всех Романовых. В России того времени царь был самым образованным и опытным военачальником, генералом, офицером, артиллеристом, корабелом и капитаном. Он один прослеживал все военные операции и состояние армии в целом. Как полководец он всегда стремился держать силы в кулаке, ценил значение неожиданного удара по главному пункту противника, знал, как пользоваться нравственной силой вождя и славой оружия, вменял в обязанность инициативу и самостоятельность. Его военный язык был прост, краток и ясен.

Среди своих современников Петр I раньше и острее других почувствовал, что в России уже рождена потребность нового. Смелая жажда будущего и сила духа позволяли Петру брать огромную ответственность за дело и проявлять максимальную изобретательность в переустройстве всех пластов государства. Он нес на плечах невообразимый груз военного и государственного строительства, был руководителем внешней политики, тыла, снабжения, центром верховного командования, флота и армии. Закладку новых начал Петр I взял на себя потому, что имел большее, чем у кого-либо, знание эпохи и большее мужество поступать вопреки традициям. Петр ясно видел окостеневший остов старой государственной машины, которая больше по инстинкту и традициям, чем в результате спорадических дилетантских попыток нащупывала дорогу. Царь отбросил бесплодную традицию копирования старого и стал для этого старого разрушительным, беспощадным смерчем. Но он же стал и творцом новой жизни. Прежнее неопределенное стремление к новому, к реформам отливало при Петре в крепкую структуру. Военный историк Г. А. Леер сказал: «Это великий человек, который умел все делать, мог все делать и хотел все делать». Для Петра не было проигранных сражений, любой проигрыш осознавался как опыт, а, следовательно, как рост.

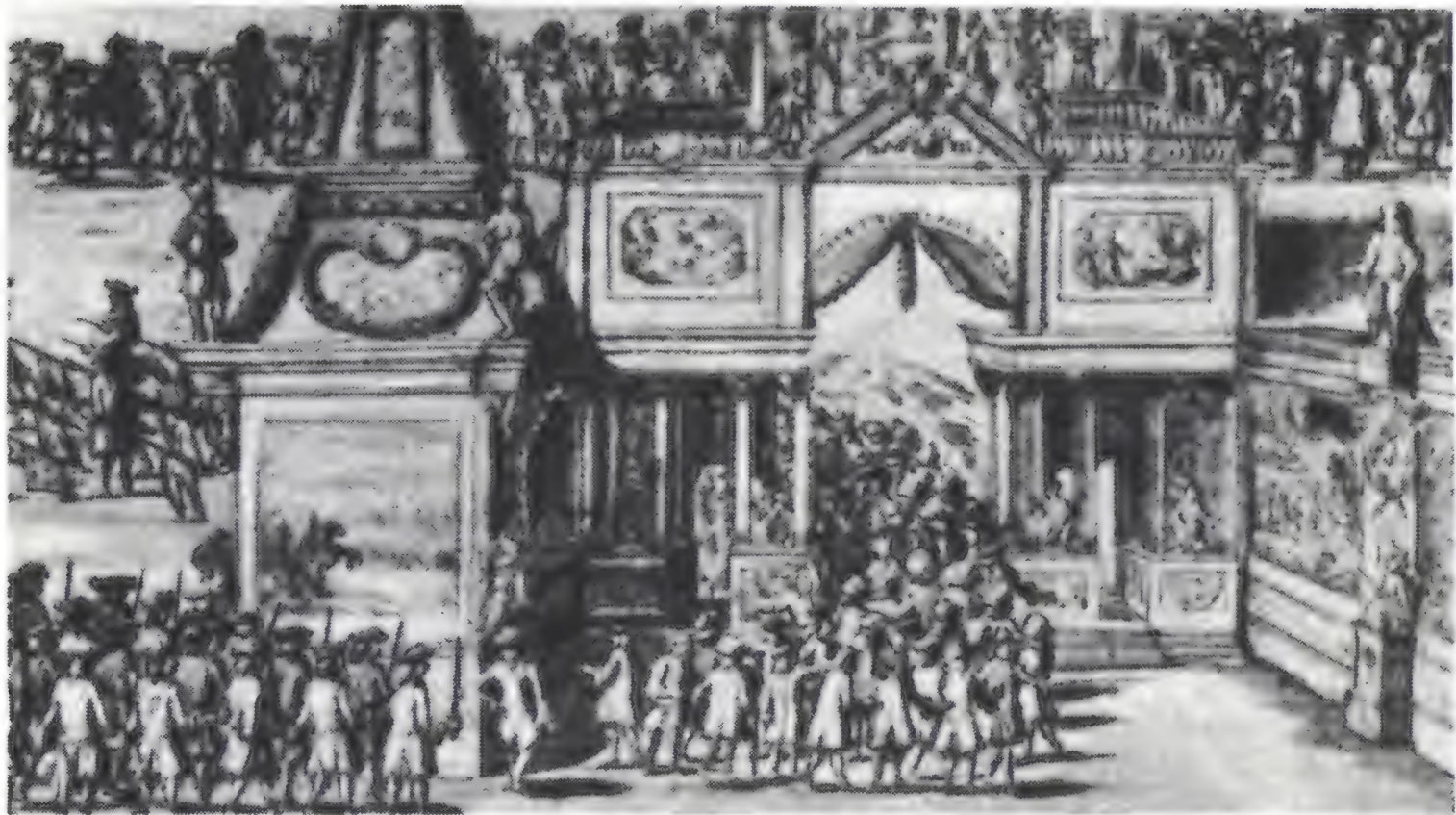
Петр задал невиданно интенсивный ритм российской истории. Он ввел процессы такой общегосударственной масштабности, что они стали определяющими для любой сферы.

Однако нельзя не сказать, что «нечеловечески железный характер», насилие, с которым проводились рефор-

мы, отбивали инициативу и порождали пассивность в исполнителях, что сильно тормозило движение вперед. Насилюя и исправляя других, Петр не исправлял себя. При скупости и умеренности его разгулы поражали безбрежностью. Серьезным недостатком была неспособность сохранять спокойствие в кризисных ситуациях, что можно видеть на примере бегства в Сергиев Посад в 1689 году и истерики на Пруте в 1711 году. И несмотря на это, приучившись смолоду к труду солдата и офицера, Петр I завоевал авторитет, доверие и любовь воинов. К концу царствования у солдат сформировался культ Петра Великого. Свой универсализм Петр I переносил на армию — его солдаты знали ремесло моряков и морской пехоты, пехота сражалась на конях, а конница стреляла из пушек.

Такой была русская армия, ее офицерский корпус и генералитет накануне решающего столкновения под Полтавой. Приближался тот час, когда усилия и жертвы народа должны были вылиться в победу или в поражение.

Триумфальный вход в Москву русских войск после Полтавы (фрагмент гравюры А. Зубова).

«ГЕНЕРАЛЬНАЯ БАТАЛИЯ»

Петр I хорошо усвоил принцип стратегии XVIII века: «Сражение — это рвотное для больного, когда ничего другого нет». План битвы и спасения Полтавы вырисовался на военных советах, причем в основу его легли идеи Шереметева и некоторых других генералов. К чести фельдмаршала, он быстро схватил обстановку: выручать осажденных, пробиваясь траншеями из-за Ворсклы, — трудно. Предложение Бориса Петровича содержало минимальную дозу риска: часть пехоты и кавалерию переправить за реку в полутора милях от шведов и, опираясь на полевую земляную крепость — ретраншемент, «чинить диверсии». Ретраншемент тылом будет прижат к Ворскле и защитит место переправы — путь возможного отступления. При атаке на русский лагерь шведов можно организовать нападение из-за реки.

Я. В. Брюс был осторожнее: чтобы спасти Полтаву от капитуляции, генерал-фельдцейхмейстер предлагал посадить в ретраншемент выше города 8—10 тысяч пехоты, выстроив по его флангам конницу, и создать угрозу

нападения на шведский лагерь. Одновременно против Полтавы, за крайним протоком Ворсклы, занять пехотой сильную оборонительную позицию с редутами по краям, а ниже города сформировать отряд из конницы и ожидать (!) нападения на одну из группировок, после чего все остальные атакуют противника с разных сторон.

Сразу после прибытия Петра I к армии, 5 или 6 июня, состоялся военный совет. Несмотря на трудное положение неприятеля, рассматривалась возможность выпустить его за Днепр, а также предложение выжечь вокруг шведской армии местность на несколько сотен километров вокруг или организовать осаду шведской армии, окружив ее «большим ретраншементом».

Генерал Л. Н. Алларт категорически возражал против выпуска шведов за Днепр: «Этим войну еще десять лет продлим, а никогда такого авантажу (случая. — В. А.) не получим».

Все споры разом прекратил Петр, 7 июня он объявил о «главном деле», которое должно завершить войну. Нужно дробить и «разволакивать» противника, устраивать непрерывные ложные атаки, «алармы» и диверсии с разных сторон. После чего вся 42-тысячная армия со 102 орудиями, а не часть, переправится на правобережье Ворсклы и примет шведскую атаку на укрепленных позициях.

13 июня казаки Скоропадского с двумя пехотными полками и четырьмя драгунскими переправились через Псёл и совершили рейд по тылам шведов до деревень Жуки и Ворсклы, где имели стычки у шведского обоза с пешими казаками Мазепы. Ночью 14 июня 2500 драгун и солдат генерал-лейтенанта Хейнске (Генскина) ворвались в Старые Сенжары, перебили много шведов, захватили две полковые кассы и освободили 1270 пленных.

15 июня под прикрытием тумана 12 конных и 3 пехотных полка К. Э. Ренне с казаками, волохами и калмыками и двумя спешенными полками драгун у деревни Петровки перешли Ворсклу по нескольким наведенным мостам и заняли плацдарм в 12,5 километра от шведского лагеря. При этом они сразу выстроились в боевой порядок и легко отбили три шведских эскадрона, а позже шесть полков противника. Вслед за этим Ренне стал спешно закрывать плацдарм редутами.

В этот же день очередной совет, учитывая, что раз-

вивать сеть новых траншей к Полтаве в заболоченной пойме больше невозможно, что шведы уже вгрызлись сапами (глубокими траншеями) через валы Полтавы до палисадов и что набег и демонстративные атаки не оттянули их от города, наметил переправу всей армии через мост у Петровки. В исторической перспективе такое решение сопоставимо с переходом Непрядвы Дмитрием Донским в 1380 году — водная преграда оказалась за спиной!

Но нужно было отвлечь шведов. Для этого, помимо операции К. Э. Ренне и вылазок полтавчан, несколько сотен казаков «перелезли» реку у Нижних Млынов. Этот последний рейд дорого обошелся противнику. Дело в том, что, по-видимому, именно кто-то из этих казаков ранил Карла XII. Произошло это так: 16 июня король вместе с Мазепой оказался у деревни Нижние Млыны, где Делакарлийский полк Г. Г. Зигрота с запорожцами А. Войнаровского отражал атаку казаков. Очевидец происходившего С. Понятовский писал: «Шесть тысяч (?) московитов подошли потом как будто с целью перейти через Ворсклу на расстоянии полутора миль от Полтавы. Несколько казачьих сотен, невзирая на пикет из 48 коней, поставленный для наблюдения за ними, переправились вплавь и напали на шведскую стражу у Полтавы. Король, по своему обыкновению объезжавший все посты на самой заре, имел удовольствие с 18 конями прогнать их и преследовать до места их переправы, где он и остановился на некоторое время на берегу, следя за тем, как они бросались в реку. Московские войска, находившиеся на той стороне, вели частый огонь: направленная оттуда из нарезного карабина пуля пронзила ногу короля от пятки до конца пальцев, перебив все кости ноги... Вместо того чтобы подумать о своей болезненной ране, король в течение более двух часов объезжал все посты всего лагеря, ...хотя кровь из нее текла в изобилии»¹.

Поразительно, что Карл, никогда не раненный до этого, получил первую «любезность» (как проиронизировал король) в свой день рождения. «Дурное предзнаменование» при тогдашней суеверности, конечно, случилось, но для шведов хуже было то, что вышел из игры самый талантливый полководец их армии.

Согласно «Журналу, или Поденной Записке» рус-

ское командование только 25 июня, то есть через девять дней уведомилось, что король, осматривая русский лагерь, «наехал ночью» на «малую партию казаков» — тех самых, что перешли реку у Нижних Млынов. Часть казаков неосторожно сидела у костра. Король спешился, застрелил одного казака, но один из трех ответных выстрелов пробил ему ногу.

От кого Петр и генералы узнали об этом? От казаков вряд ли: даже русские офицеры не знали в лицо Карла XII. Еще вопрос: какой лагерь осматривал король? Возможно, у Крутого Берега, который русская армия к 16 июня еще не покинула. Таким образом, выстрел был произведен через одну из узких протоков Ворсклы. Судя по тому, что описание очень лаконично и разнится от описаний офицеров, которые находились при короле во время ранения (прострелить ступню спешенного человека почти невозможно), оно исходит от неточных показаний пленных, дезертиров противника или от валахов.

Шведские историки считают, что первым следствием ранения было то, что Карл XII не сбросил в воду авангард Ренне и, как следствие, не начал разгрома русской армии еще 16 июня. Однако не рана короля, вопреки мнению шведских исследователей, а оперативность русской армии сорвала шведскую контратаку. Один из современников событий писал, что шведская армия бездействовала частично из-за незнания, что противник находится в движении, частично из-за неуверенности в точности его намерений. Когда же восемь пехотных и восемь кавалерийских полков подошли к позиции Ренне, русский десант скрылся за укреплениями плацдарма, и атаковать его уже было трудно.

Еще больше убеждает в этом и подробное описание бароном Зильтманом неудачной попытки главнокомандующего Реншельда расправиться с Ренне: «15 (26) июня вечером фельдмаршал получил известие, что московиты перешли реку, и он приказал полкам быть готовыми к выступлению. В ту же ночь 10 конных и 8 пехотных полков выступили. В начале следующего дня фельдмаршал поставил их в ордер-де-баталии и в середине дня подвел их на дистанцию 50 шагов к противнику, который ошанцевался недалеко от реки и высокого берега с 6—7 тыс. чел. в шести редутах. После

этого была молитва и потом, когда фельдмаршал ожидал от короля приказа, ему принесли известие, что король между 6 и 7 часами был ранен у Полтавы в ногу выстрелом из ружья.

Вслед за этим он с армией, выстроенной в 3 линии, стал подвигаться к противнику, но когда со стороны последнего стали раздаваться пушечные выстрелы, остановился, и только теперь было замечено, как он ошанцевался и прикрылся испанскими рогатками. После того как фельдмаршал поднялся на один из холмов, чтобы лучше выяснить позицию и положение противника, и спустился обратно, он созвал генералитет на военный совет, большинство голосов высказалось за то, чтобы атаковать противника. Фельдмаршал открыл одному из генералов состояние короля, после чего, когда москвиты начали бить в литавры и выдвигаться вперед на несколько шагов, однако не покидая ретраншемента и начав обстрел шведов из двух пушек, фельдмаршал приказал армии повернуть направо и вернуться на прежнее место, где она стояла еще некоторое время, посылая пикеты для наблюдения за неприятелем, и наконец отступила обратно. Все это я сам наблюдал и был на всех местах. Гетман Мазепа был тоже там и привел своих казаков, которые вместе с запорожцами на правом и левом крыле держали фланги, а также отдельно от шведов осаживали русских казаков и калмыков справа от московского ретраншемента у малой горы»².

В целом русский план «разволочь» силы неприятеля удался.

К вечеру 18 июня вокруг плацдарма было уже 17 редутов и реданов и была твердая уверенность, что шведы не смогут его ликвидировать. В час ночи 19 июня переправились основные силы армии, подпалив свой лагерь за Ворсклой, который горел два дня. Нависающую опасность разгрома чувствовали многие из шведов. Пипер считал, что время сворачивать кампанию, спасти Станислава I в Польше и, может быть, заключать мир с Россией. Недостаток пороха был такой, что Реншельд запретил говорить об этом и указывал, что под Полтавой армия не может находиться более двух дней. Состояние короля с 18 по 20 июня было кризисным — сильный жар грозил гангреной, и в армии возникло сильное беспокойство за его жизнь. Большинство гене-

РУССКИЕ ВОЙСКА		ШВЕДСКИЕ ВОЙСКА	
	Пехота		Пехота
	Конница		Конница
	Назакн		Назакн Мазепы
	Редуты		Планы шведского командования
	Планы русского командования		Направления ударов шведских войск
	Направления ударов русских войск		Отступление шведов

ралов, с которыми советовался Реншельд во время беспомощности короля, рекомендовали не рисковать и ожидать нападения русских.

Целую неделю шведы подарили армии Петра для подготовки к битве. С 18 июня их еще больше стеснили к Полтаве, однако, не зная о ранении Карла XII, русские не воспользовались растерянностью противника и предпочли усилить позиции на правом берегу реки.

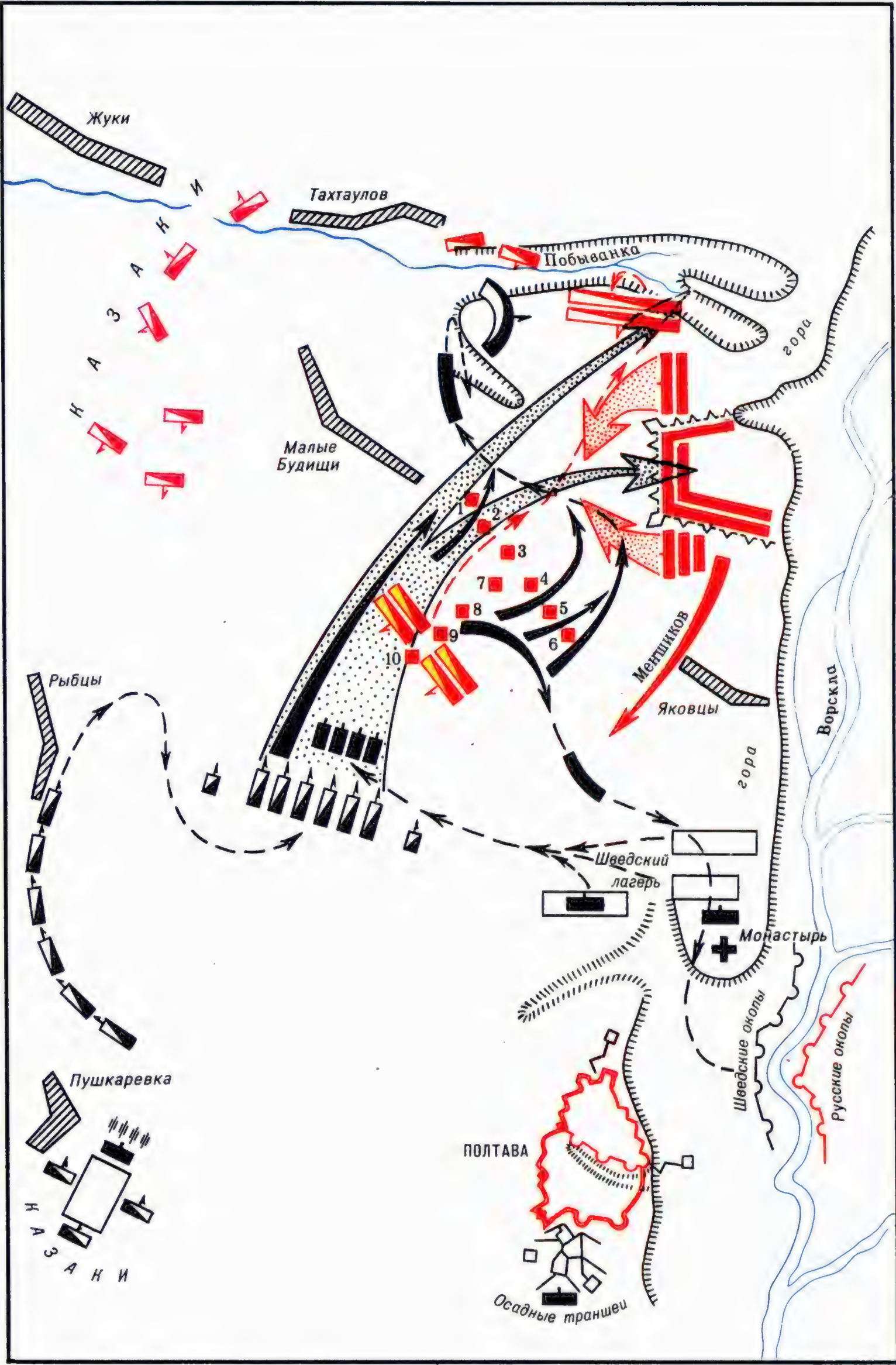
Предгрозовая обстановка ощущалась даже на расстоянии — в Москве около 20 июня уже ходили слухи о победе русских в большой битве.

Готовясь к сражению, русское командование уже не было «слепым», как в 1700 году. Из двух колец окружения вокруг Полтавы — шведского и внешнего русского, плотность последнего была такой, что лишь под сильным конвоем шведские фуражиры дважды в неделю выходили на поля на расстояние до 15 км.

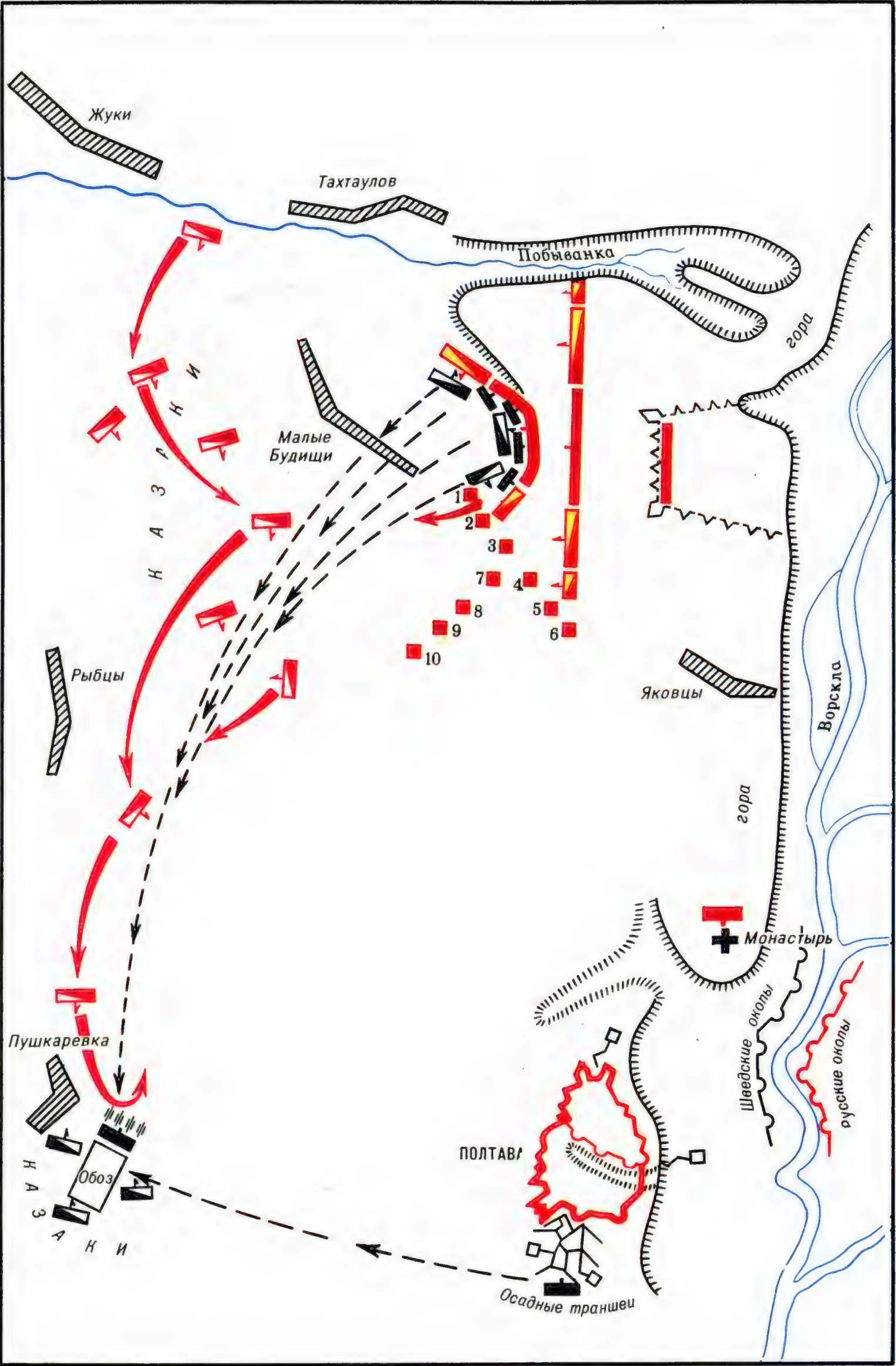
Русский штаб знал почти точную численность шведской армии от перебежчиков и пленных — около 28—30 тысяч, из которых 7—8 тысяч было пехоты. Знали, что в восьми рейтарских полках полностью здоровых не более 3 тысяч, в 12 драгунских не более 6 тысяч, в пехотных — не более 5 тысяч. Знали о «великом оскудении воинских припасов», о том, что ни Лещинский, ни Крассау, ни крымская орда не придут на помощь. Знали расположение осадных траншей и обоза — 8 июня комендант Полтавы А. С. Келин вычертил план и перебросил его в полый бомбе в русский лагерь.

Было известно, что шведская стоянка и ставка Карла XII, расположенные к северу от Полтавы, — «без крепости и засеки», что рядом пушки и караульные

Полтавское сражение (первый этап).

Полтавское сражение (второй этап).

посты тоже без рвов и валов, что неподалеку — ставка Мазепы, от которого «непрестанно бегут». Шведы, подобно рыцарям, кондотьерам и испанцам, не брались за лопату. Отлично знали и о состоянии духа рядовых, которые, будучи взяты в плен, сообщали, что многие бежали бы, если была к тому возможность.

Переправляя армию 19 июня, Петр I не исключал, что к Полтаве не удастся пробиться и за две недели, если шведы воздвигнут против него укрепления. В таком случае Келину, державшемуся из последних сил, предписывалось сжечь дома, знамена, бросить пушки в колодцы и пробиваться из окружения. Даже за день до битвы Петр I не был уверен, что Полтава будет освобождена ранее середины июля.

20 июня армия завершила переправу и «готовила фашины». Последнее несколько неожиданно — ведь не для заброски рвов или мощения гатей вся армия готовила фашины?

Дело объясняется предусмотрительностью, которая хорошо помогла в решающий день Полтавской битвы. В век позиционных войн укрепленные лагеря делались для целых армий. Ореол непобедимости короля еще не был развеян, и русское войско, имея традиции обороны городов и крепостей, а также горький опыт внезапных шведских атак под Нарвой и Головчином, не собиралось атаковать с ходу. Но теперь решили не растягивать глухие валы, как под Нарвой, и не делать длинные укрепления, как под Головчином, а стиснуть все силы в кулак и предоставить противнику возможность штурмовать «закрытый» ретраншемент. Учили и опыт «гродненского сидения», где армия, лишенная маневра за сплошными земляными укреплениями, оказалась в мышеловке. Валы ретраншемента решили делать с разрывами для возможного выхода пехоты, а кавалерию поместить вне его.

С 20 по 24 июня в восьми километрах от Полтавы у деревни Семеновки армия готовилась отразить нападение в Г-образном ретраншементе, тылы которого защищались оврагами. Земляные или фашинные брустверы росли в считанные часы — солдаты закидывали связки ветвей черноземом.

Подробности об обманном нападении русской армии 21 июня мы тоже можем узнать только из описаний

шведских очевидцев. В русских источниках лаконично отмечалось, что Реншельд с полудня до 14 часов держал большую часть армии в двух боевых линиях «на горе, где была гоупт-квартира» (штаб-квартира), в полумиле к северу от Полтавы. Впереди линий стояла кавалерия и гарцевали валахи, с которыми имели стычки казаки.

Многие шведы с радостной надеждой ожидали сражения, которое принесет конец голоду и войне.

Барон Зильтман писал так: «Вечером 1 июля (20 июня старого стиля) пришли три перебежчика от московитов, которые служили камердинерами и лакеями у генерал-квартирмейстера Гольца, и сказали, что армия, после того как она прошлой ночью ушла из траншементов против Полтавы... намеревалась дать баталию шведам на следующий день. Фельдмаршал в тот же вечер отдал приказ выстроиться всей армией, и рано утром увидели надвигающуюся линию противника, состоящую из нескольких тысяч человек. После этого шведская армия была построена в ордер баталии фельдмаршалом и генерал-майором Крейцем. Вывели также и артиллерию. Фельдмаршал мне жаловался, что его величество каждый раз оттягивал этот приказ до последнего. После построения его королевское величество велел вынести себя к месту сражения на носилках, и там пришлось ожидать противника. Но тот не подходил ближе и, как и прежде, отошел назад. Армия вернулась к месту своего лагеря»³.

Из табора понесся было роскошно одетый Мазепа в развевающемся кафтане на чистокровном скакуне, но его отослали назад якобы из-за преклонных лет.

В тот же день шведы, не считаясь с соседством противника, предприняли самый отчаянный и самый безуспешный штурм Полтавы за все время осады, не считаясь с близостью противника.

25 июня, вечером, русская армия продвинулась еще ближе к шведам, к деревне Яковцы в четверти мили от их лагеря, где за несколько ночных часов окружила себя огромным П-образным ретраншементом с двумя бастionsами по углам и шестью поперечными редутами на расстоянии ружейного выстрела друг от друга. Шведы сочли, что русские опять сделали вид нападения на полевые посты.

17 конных полков поставили перед лагерем и в мелколесье Малобудищенского леса. За конницей вокруг поля у деревни Малые Будищи и Тахтаулов были топкие места-болотца. Таким образом, русская армия почти полностью заперла шведов между Ворсклой, Полтавой и своей полевой крепостью. Противники слышали барабанные сигналы друг друга.

25 и утром 26 июня Петр I вместе с генералитетом разведывал подступы к шведскому лагерю. Тогда же он распорядился соорудить в дополнение к поперечным редутам четыре продольных.

26-го, после захода солнца, состоялся последний военный совет перед битвой, на котором был расписан ордер баталии и назначено место артиллерии.

В случае атаки на лагерь решили отражать противника фронтальным огнем артиллерии и фланговыми ударами пехоты с обеих сторон. Редуты и ретраншемент могли быть опорой как при наступлении, так и отступлении к переправам у деревень Семеновки и Петровки. «Это гениальное движение русского царя к противнику, обладающему испытанными в бою непобедимыми полками, властелинами севера Европы, создало в военной истории единственный пример так называемого наступления укрепленной позиции»⁴. Впрочем, позиция имела и слабые стороны: в тылу оставался 70—80-метровый обрыв Ворсклы, с которого шведы могли бы сбросить армию в воду.

Помня по Головчину, что шведы не позволят основательно зарыться в землю, солдаты сначала устраивали реданы для пушек, затем между ними валы для защиты пехоты. На фронтальной и левой стороне ретраншемента отсыпать валы не успели, и пехоту прикрыли лишь рогатками.

Не найдено пока источников, содержащих описание положения, величины и гарнизонов редутов, однако шведы писали, что незаконченные редуты № 9 и 10 были меньших размеров — подгоняла спешка.

Есть сведения, что 26 июня вечером Петр I объезжал войска и говорил о том, что завтра русская армия закончит «войну над неприятелем, вполнину уже от нас побежденным».

Был ли план сражения у противника?

Большинство шведского генералитета стояло за пре-

кращение осады города. Еще 11 июня Мазепа с министром Пипером ездили уговаривать в этом короля, но тот упрямо заявил, что если Полтава не будет взята завтра, то послезавтра, если не через месяц, то через год, если не через 5 лет, то через 10. Карл XII выходил на битву, не снимая осады!

План сражения новая шведская историография рисует таким образом: командование оттягивало решительное столкновение в надежде на помощь крымцев и Станислава I, но, получив дезинформацию, исходившую от русских, что вместо татар к Полтаве идут 30—40 тысяч калмыков (на самом деле 3 тыс.), что русские усиливают укрепления, оно решило дать в любом случае сражение, чтобы обеспечить свободу отхода в Польшу. Вопреки желанию приходилось атаковать противника в укреплениях, ибо стала очевидной ставка Петра на оборонительное сражение.

Только 25 июня Карл XII избавился от лихорадки. К лежащему королю вызвали Пипера, Реншельда и полковника Г. Г. Зигрота (Левенгаупт приглашен не был). Военный совет наметил ночью тихо и быстро пройти 4—5 километров до русского лагеря, по возможности скорее и без боя миновать редуты, прогнать конницу и отрезать единственный путь отхода к переправам. Пехота, достигнув угла ретраншемента, должна была резко развернуть фронт направо, сдавить со всех сторон русскую армию прежде, чем она построится, и сбросить ее с обрыва в реку.

Чтобы не замедлять стремительности нападения, атаковать решили без артиллерии, так же, как и в сражении у Клишова в 1702 году и Фрауштадта в 1706 году. К тому же учитывалось, что большая часть пороха была подмочена, и 4 пушки решили взять лишь для подачи сигналов.

Почему шведы нарушили правило: не делать того, что желает неприятель — и не обошли ставшие фатальными для них редуты? Вернее всего предположить, что они не хотели терять драгоценное время. Так или иначе, Петр I парализовал инициативу Карла XII и заставил его идти по выбранному им маршруту.

Главнокомандующим был назначен Реншельд, который и сам еще не оправился от январской контузии под Веприком.

При разработке плана была допущена поразительная слепота и консерватизм: шведы исходили из двух устаревших стереотипов — о действенности фронтальной атаки, которая ранее давала хорошие результаты против неустойчивого противника (поляки, саксонцы, русские до 1708 года), и о возможности победы меньшинством за счет выучки. Шведский штаб не верил Левенгаупту, что русская армия уже не та, что была под Нарвой девять лет назад.

Непростительно игнорировалась роль артиллерии и полевой фортификации. Шведская, а не русская армия должна была прикрыть себя редутами в ключевом месте. Отчаянно-безумным было решение идти на артиллерийские батареи с холодным оружием. Детальной и четкой разработки плана не было.

В ночь с 25 на 26 июня шведский лейтенант Лит с валахами разведал русские позиции и доложил, что противник тщательно окопался валами, рвами и шанцами и прикрыл себя кавалерией, расположив ее на поле. По данным Лита, вокруг были болота, которые русские хорошо использовали для обороны. Днем 26 июня весь шведский генералитет осмотрел шесть поперечных редутов. На этом изучение поля боя было закончено. Ни к армейской топографической, ни военно-инженерной службе генералитет не обратился, возможно считая, что за несколько месяцев территория уже хорошо изучена.

Около 16 часов шведское командование приказало наступающей ночью перебросить по новосенжарской дороге артиллерию, обоз, всех нестроевых, раненых и две тысячи больных на пять километров к западу от Полтавы, к деревне Пушкаревке. Сотни возов в новом лагере устанавливались к «горе» так, чтобы защитить тыл от казаков. С фронта расположили все 28 пушек и 2—3 тысячи пехоты. Вокруг рассеялось несколько тысяч казаков Мазепы. Для блокады Полтавы оставили 1300 солдат, для охраны переправ у Новых Сенжар — драгунский полк Мейерфельта, в Беликах и Кобыляках — два кавалерийских отряда, итого 5—6 тысяч шведов не участвовало в битве.

Во второй половине дня 26 июня Гилленкрок расписал пехоту по четырем маршевым колоннам, а кавалерию по шести. Численность армии, оставшейся у шведов для сражения, до сих пор точно неизвестна. Шведские

◀ Полтавское сражение. С картины Мартина.

историки, постоянно уменьшая количество, довели ее до 16—17 тысяч. Однако английский посланник при дворе короля Д. Джеффи сообщил из-под Полтавы в Англию о 21—22 тысячах, участвовавших в сражении. В шведской правительственной листовке, выпущенной в Стокгольме 2 сентября 1709 года, писалось о 20 тысячах. Витворт сообщал, что Реншельд после битвы якобы сказал Петру I, что в деле участвовало 30 тысяч, из них 19 тысяч регулярных, остальные — казаки.

Советские историки исходят из цифр, определенных русским командованием после победы: под Переволочной было взято в плен 14 956 человек (с нестроевыми 16 264), бежало с королем через Днепр около 1300 человек, под Полтавой насчитали 9234 убитых и 2977 пленных. Итого получается около 28 тысяч человек. Иррегулярных валахов было примерно одна тысяча. Итак, за вычетом оставленных в лагере, под Полтавой и в заслонах войск на Полтавское поле Реншельд вывел до 14 тысяч пехоты и 8 тысяч кавалерии, а также около 8 тысяч казаков, валахов и волонтеров. Заслуживает внимания обстоятельство, которое упускалось из виду отечественными историками: на Полтавском поле сражалось и несколько крымцев во главе с посланником — мурзой, возможно, со свитой и конвоем, с которым прибыл валашский полковник С. Колца от турецкого сераскера Бендер Юсуф-паши. Эту несколько утомительную статистику мы приводим, чтобы точнее представить всю картину предстоящего сражения.

Утро 27 июня должно было решить, возьмет ли верх ставка Карла XII на стремительность или замысел Петра I на сбой и дробление сражения на несколько локальных боев.

За день до битвы шведам уже было трудно удаляться от лагеря дальше ружейного выстрела — тут же подлетали казаки с пиками наперевес. Традиционный воскресный молебен 26 июня был скомкан выстрелами, свистом и криками казаков, подъезжавших на 300—400 шагов, и тревожным карканьем воронья, огромной стаей кружившего над шведской ставкой.

Вечером Карлу перебинтовали ступню, на здоровую ногу надели сапог, и король, взяв обнаженную шпагу,

приказал пронести себя перед пехотой, обещая ей, что она завтра будет пировать в русских шатрах. Когда стемнело, качалку опустили около палаток гвардии. Здесь же, завернувшись в плащи, собрался весь генералитет. Но уже около 23 часов, когда спустились самые глубокие сумерки июньской поры (не в 2 часа ночи 27 июня, как пишется до сих пор в советских работах), раздалась команда: «Подъем! Время маршировать!» Два пушечных выстрела двинули скандинавов на север. В центре, во главе колонн 24 драбанта, меняясь четверками, несли носилки короля. На марше старались идти бесшумно, не нарушая тишину короткой июньской ночи. Лишь в пути с беспокойством вспомнили, что непосредственно перед выступлением на бой забыли помолиться. У места сбора около деревни Малые Павленки батальоны стали строить в четыре колонны, но из-за темноты и пересеченной местности возникла неразбериха. Пятидесятивосьмилетний шведский фельдмаршал, видимо, уже чуял неладное и взорвался гневом на Левенгаупта. Сильное напряжение висело в воздухе.

Генерал-майор К. Г. Крейц, получив приказ о выступлении в 12 часов ночи, совершил непростительное: вместо того, чтобы следовать за пехотой, повел 6 колонн (40 эскадронов) из мест расположения между деревнями Рыбцы и Пушкаревка сразу к Малобудищенскому лесу, натыкаясь в темноте на разбитые хаты и проваливаясь в ямы и погреба.

Около двух ночи батальоны остановились в шести-стах метрах от первого редута, где им было позволено сесть в ожидании конницы. Реншельд в раздражении ходил взад и вперед — терялись драгоценные минуты.

С русской стороны донесся стук топоров и голоса. Гилленкрот и Шлиппенбах с полусотней всадников поехали разведать причину шума. Оказалось, это солдаты работали на девятом и десятом редутах после нового сигнала побудки, прозвучавшего с рассветом (на широте Полтавы 8 июля нового стиля он начинается в 2 часа 30 минут; восход солнца — в 3 часа 50 минут). Вдали за поперечными редутами угадывалась цепь русских драгун.

Уже забрезжило, когда наконец появилась шведская конница. Реншельд осматривал ее несколько минут, раздавая резкие приказы. Вдруг раздался пистолетный

выстрел русского конного пикета — первый выстрел сражения 27 июня. Шведы были обнаружены.

Мгновенно везде затрещала барабанная дробь тревоги: шведы идут! Солдаты, бросая заступы, слезы и топоры, расхватывали мушкеты. Один из шведов позже записал, что на редутах был поднят чудовищный крик, слышимый далеко вокруг. Первые ядра взорвались чернотой впереди наступавших. Командующий редутными частями бригадир С. В. Айгустов предупредительными залпами и шумом поднял на ноги русскую армию.

Реншельд приказал перестроиться в две боевые линии, но новая неожиданность опрокинула все расчеты, когда донесли об обнаружении четырех продольных редутов. Приходилось идти на темнеющие впереди укрепления, ни число, ни расположение, ни вооружение которых не были известны! Офицеры знали, что полуторакилометровая прогалина перекрыта шестью поперечными редутами, но не знали, есть ли между ними валы. Рядовые же считали, что им придется иметь дело только с главным русским лагерем.

Сами по себе редуты не были новшеством — они применялись всеми армиями Европы, в том числе и шведской. Но Т-образная система расположения позволяла начать одновременный обстрел тыла и флангов врага на большой площади, в отличие, например, от двух линий поперечных редутов. Новаторство Петра I сыграло роль «секретного оружия» — шведская армия была вспорота «земляным волнорезом».

Идти в обход было уже поздно, и Реншельд приказал перестроиться опять в маршевые колонны и штурмовать ближайшие редуты, чтобы обеспечить проход армии. Выполнение этого контрприказа означало новую задержку времени.

Незаконченные два редута № 9 и 10, по сути, не защищались. Под прикрытием огня с тыла солдаты перешли на 7-й и 8-й редуты, не имея возможности вытянуть с собой пушки. Некоторые из шведов уже кричали: «Победа!»

Но в суете перестроения вдруг слышалось тревожное: «Кавалерия! Кавалерия!» Это была вторая неожиданность: из-за поперечных редутов неслась русская конница, срывающая все планы наступавших. Меншиков и опытный генерал-лейтенант Карл Эвальд Ренне за

считанные минуты построили и бросили вперед драгунские полки.

Шведская пехота сдала назад, за 9-й и 10-й редуты.

Откуда-то до Крейца долетел обращенный к нему зов: «Кавалерия, вперед! Кавалерия, вперед, во имя Иисуса!» Шведские эскадроны через интервалы своей пехоты в беспорядке вынеслись навстречу русским драгунам, но тут же были сбиты и скрылись за своими пехотинцами. Особую прыть показали казаки Мазепы и валахи, которых шведы поставили на флангах. Словацкий очевидец, посол евангелической церкви при дворе Карла XII, Д. Крман вспоминал: «Меня вынесло на конец левого фланга, который прикрывали запорожские казаки и где было более всего опасно, так как ему угрожал легковооруженный неприятель. Только мы достигли его, как много тысяч калмыков (видимо, казаков Петра I. — В. А.), подняв страшный крик, вызвали такое смятение, что фланг начал показывать спину. Однако некоторые с обнаженными мечами, угрожая бегущим смертью, привели его опять в порядок»⁵. Внезапность налета русской конницы привела к первому успеху.

К 3 часам 50 минутам совсем развиднелось, и стало ясно, что редуты в темноте и без потерь пройти теперь не смогут. Контрприказ фельдмаршала о движении в колоннах до всех не дошел: движение возобновилось, и правое крыло, уклоняясь от огня все правее и правее, проходило редуты в боевом порядке, тогда как левое, где был король с гвардией, в маршевом.

Как только отступившие по сигналу русские драгуны освободили зону обстрела, с каждой крепостцы-редута по шведам ударяла картечь, а затем следовал залп из мушкетов. Особенно тяжелые потери атакующие несли от артиллерии.

Полтавское небо от клубов порохового дыма и поднятой пыли почернело, как в сумерки. (Таким оно оставалось до полудня.) Свинец хлестал по батальонам Карла XII с фронта, боков и тыла — с редутов, оказавшихся сзади. Из-за неразберихи 7-й и 8-й редуты штурмовали шесть батальонов из разных колонн. Без фашии, штурмовых лестниц и гранат, без поддержки артиллерийского огня они несли большие потери и безуспешно пытались разбрасывать рогатки перед рвами и взобрать-

Русский драгун.

ся на валы. Сказался очередной промах короля, уравнивший полтавские укрепления с нарвскими, прорванными с одного наскока.

Убийственный огонь «в упор» заставил бросить четыре пушки, взятые для подачи сигналов. Там же пало большинство из 24 носильщиков короля. Однако драбанты сгрудились у качалки, сумели под обстрелом впрячь в нее двух лошадей и погнали быстрее вперед.

Тогда же случилось непоправимое — редутный перекрестный огонь трех русских полков пехоты и драгун в течение часа не только сдерживал всю шведскую армию, не только обескровил, но и расколол ее на две неравные части: шесть батальонов из восемнадцати — треть пехоты! — оказались отрезанными от основных сил. Дело в том, что шесть батальонов во главе с генерал-майором К. Г. Роосом и двенадцать эскадронов В. А. Шлиппенбаха не выдержали огневого шквала и из района 8-го редута, бросив пики и мушкеты, откатились на юго-восток, в Яковецкий лес. За дымом и деревьями этого не заметило ни шведское, ни русское командование. Уклонение же остальных колонн в противоположном направлении — на северо-запад — Реншельд не в силах был приостановить.

Примерно в это время, стремясь помочь русской армии, сделали вылазку на шведские шанцы полтавчане. Часть казаков и четыре батальона заняли Мазуровскую высотку и оттуда напали на шведов в их осадных траншеях. Шведским постам Зюдерманландского и Кронобергского полков пришлось убраться к пушкаревскому обозу.

У опушки Будищенского леса тяжелую рану получил храбрец Ренне, что вызвало временное замешательство русской конницы. Впрочем, к четвертому часу она уже выполнила свою задачу — выиграла время — и дала возможность пехоте выстроиться по флангам ретраншементов.

Меншиков уже тогда почувствовал неуверенность атакующих и возможность победы. Возбужденный горячей боя — под ним уже пало две лошади, — он просил перенести тяжесть сражения на редуты и подкрепить его пехотой. Однако Петр I видел глубже — в узком дефиле можно было нанести лишь частное поражение. Учитывая традиционно наступательную психо-

логию короля, царь полагал, что Карл XII не уклонится от продолжения боя, если будет «приглашен» на поле перед ретраншементом, где в это время русская пехота уже готова была взять в клещи нападающих, а у 87 полевых и полковых орудий с зажженными фитилями стояли пушкари.

Гонцы от «светлейшего» говорили, что разворачивать эскадроны, когда шведская конница «за хребтами», всего в сорока саженьях (85 м), — опасно и что пропадут все редуты.

Петр I повторно приказал отвести драгун под защиту пушек лагеря, а Меншикову поставил новую задачу — уничтожить отделившегося Рооса, передав командование Р. Х. Боуру. Приказ был выполнен частично. Как и предвидел Меншиков, отрываться от врага драгунам пришлось полным галопом, минуя укрепленный лагерь. Тут же за облаками пыли показались преследующие драгун рейтары короля. Их встретили выстрелами из ретраншемента. И хотя серьезных потерь нанести не удалось из-за быстроты движения шведов, но правое крыло Крейца оказалось все же смятым русскими артиллеристами, левое же, продираясь сквозь кусты, деревья и увязая в болотцах, замедлило движение. Продолжать погоню далее было бессмысленно, и шведская кавалерия завернула к Малобудищенскому лесу, где должна была приводить себя в порядок. Русские драгуны остановились перед балкой Побыванкой, развернулись кругом и стали снова выстраиваться для боя.

Таким образом, шведская концепция о том, что русские эскадроны после третьей атаки оказались сбиты в балку и были бы уничтожены, если бы Крейц не получил приказ (которого не было) остановиться, — неверна.

Вслед за Крейцем на поле между пятью и шестью часами утра вырвалась шведская пехота. Как ни уклонялся Левенгаупт от перекрестного огня, но из-за стесненности места нескольким батальонам пришлось все же прорываться между крайними редутами № 1 и 2.

Здесь, по мнению шведских историков, перед Карлом XII открылась еще одна возможность повернуть ход сражения в свою пользу: выйдя на левый фланг русского лагеря, противник якобы обнаружил спешный вывод батальонов Петра из лагеря и движение артиллерии.

Действительно, движение в лагере шло, но это была не эвакуация, близкая к бегству, как посчитал Левенгаупт, а завершение сосредоточения пехоты на флангах ретраншемента. Мысль шведских историков сводится к тому, что, не прозевай Левенгаупт этого момента, атакуй быстро и решительно, — и русские, лишенные поддержки конницы, были бы смяты и раздавлены в лагере. Но в том-то и суть, что такого момента не было — русские полки разворачивались строго по плану, не отставая от противника, и были готовы при необходимости встретить атаку огнем. Левенгаупт согласно плану не стал дожидаться, когда приведут себя в порядок все потрепанные полки, и бросил пять полков, оказавшихся вблизи русского лагеря, в атаку.

В отечественной литературе с XIX века и до наших дней пишется о «случайном» появлении шведов близко от русского лагеря, после чего «русские артиллеристы не замедлили использовать столь удачно сложившуюся обстановку».

Нет, это была не случайность, а точный, расчет Я. В. Брюса. Расстояние от редутов до лагеря было около 1000—1200 метров, и подпустить врага на расстояние до пары сотен метров можно было только специально. Генерал-фельдцейхмейстер не открыл, подобно бригадиру С. В. Айгустову, на редутах предупредительный обстрел ядрами из полевых орудий, а позволил шведам выстроиться и несколько минут идти вперед.

Хладнокровно подпустив противника на дальность картечного огня — 200—300 шагов, — Я. В. Брюс взмахнул шпагой, и батареи открыли огонь из всех 87 полевых и полковых стволов. Полковая артиллерия была фронтально из рядов выстроенной слева от ретраншемента пехоты, полевые орудия больших калибров гремели с реданов и левого бастиона лагеря. От завесы черного дымного пороха стало совсем сумеречно, после первых залпов артиллеристы, видимо, садили вслепую — только за дымом атакующие могли три четверти часа продвигаться навстречу выстрелам. «Чем ближе к пушкам, тем меньше опасности» — так гласили военные артикулы. Синие мундиры шведов превратились от пороховой гари в черные, у многих текла кровь. Потери увеличились, когда стали рваться бомбы. Но пробиться ближе чем на 30 саженьей (до 64 м) шведам не удалось.

Жестокость потерь заставила шведских генералов около 6 утра отозвать атакующих.

«И как он, неприятель, за 200 или 300 шагов к русским приблизился, то весьма жестоко его из пушек встретили, где великой ему урон учинился и целые три четверти часа той пушечной стрельбы он имел вытерпеть в добром порядке. Однакож от того стреляния помешался у них строй и в некоторую долину принуждены были они отступить, к правому крылу российских, чтоб как возможно укрыться от пушечной стрельбы» — такую уникальную подробность боя отметил генерал на русской службе Алларт⁶.

Ни разу за Северную войну шведы не встречали такого плотного огня: «Массированный удар русской артиллерии явился переломным моментом в ходе Полтавского сражения, подготовившим переход всей русской армии в наступление», — писал советский историк Е. Е. Колосов.

Снова был нарушен план короля — вместо всеобщего штурма пришлось отступать «в логовину», за 2 километра от русского лагеря, и вместо отсечения русской армии от переправ — приостановить сражение. И снова русские не использовали момент, не преследовали расстроенных шведов, хотя и стреляли вслед. Возможно, будь под рукой драгуны, их бросили бы на неприятеля, но, как мы помним, конница выполняла в это время иную задачу и была далеко. Петр I не считал возможным начать нападение в «логовину» без твердой уверенности, что неприятель «в конфузии находится». Подобное решение, обрекающее армию на низкую маневренность на поле боя, скорее всего можно объяснить нежеланием риска.

Так закончился первый, оборонительный период боя, и в последовавший перерыв инициатива стала переходить к русской армии.

Пропажа батальонов Рооса и тяжелые потери вызвали шок у шведского генералитета. Поздравления окруживших Карла XII генералов с удачным началом выглядели вымученными. Шведская армия, пройдя к северо-западу от русского лагеря, медленно смещалась на север, вне видимости русских.

Несколько гонцов, в том числе генерал-адъютант короля А. Г. Гильденклу, было отправлено к Мазепе, что-

бы тот выслал на помощь артиллерию и резерв из Пушкаревки, однако ни один из них не пробился через редуты, с которых к этому времени начался обстрел опушки Малобудищенского леса. 9-й и 10-й редуты снова заняла «зеленая» пехота.

Безрезультатной оказалась посылка около 6 утра двух кавалерийских полков и двух батальонов на выручку Рооса во главе с двумя генерал-майорами, А. Лагеркроной и А. Спарре. По сути, короля зажали в тесном пространстве — на востоке была русская армия, на юге — редуты, на севере — кавалерия Боура, на западе за Будищенским лесом — казаки Скоропадского, часть которых перешла оттуда к Тахтаулову.

В тягостном ожидании бессмысленно терялось время для шведов.

В то время как основные силы русской армии готовились отразить нападение противника, Петр I между пятью и шестью часами решил отделить пять полков конницы под командованием генерал-лейтенанта И. К. Хейнске (Генскина) и пять батальонов С. Ренцеля (2486 человек) для выполнения по крайней мере трех задач: добить Рооса и Шлиппенбаха, освободить от блокады Полтаву и уничтожить «корпус резервы» численностью до 3 тысяч, который шведы якобы оставили позади своего правого крыла у Яковецкого леса и который будто бы шел «на сукурс» королю. Об этом скорее всего узнали от казаков, так как связь с редутами была временно прервана. Такие цели были поставлены перед Меншиковым, если судить по самому известному документу о Полтавской битве — «Обстоятельной реляции». Данные о несуществующем «корпусе резервы» попали, видимо, из нее в «Книгу Марсову», изданную при Петре I, и во многие исторические работы, авторы которых принимали колонну Рооса и «корпус резервы» за разные группировки.

Меншиков решил провести операцию как линейный мини-бой, построив пехоту в центре, драгун на правом, а казаков на левом фланге.

Фельдфебель Дальского полка И. Валлберг так описал судьбу колонны Рооса: «...пройдя таким образом всю ночь, подошли мы к утру к укреплениям противника. Батальон обер-лейтенанта Драка из Дальского полка вместе с несколькими другими полками атаковал не-

приятельские шанцы (редуты. — В. А.) и захватил два из них. Но когда мы собрались захватить третий и самую линию, мы не смогли продвинуться вперед из-за сильнейшего орудийного и ружейного огня, извергавшегося нам навстречу. Офицеры, унтер-офицеры и большая часть рядовых была убита и малая часть уцелевших вынуждена была отступить к лесу, где мы остановились с несколькими ротами мушкетеров и пикинеров, половина которых была без пик и командиров. Это сразу же было замечено противником, и он вышел из-за своих мощных брустверов — кавалерия на правом, пехота в центре, калмыки и казаки на левом фланге».

Русская конница быстро пленила эскадроны Шлиппенбаха, но лесистость мешала действовать против пехоты, и князь Меншиков, сдав команду Ренцелю, поспешил обратно. Роос пытался сформировать каре из одного батальона, но после первых залпов солдаты побежали к обозу.

«После сильных залпов, последовавших с обеих сторон, у нас произошла большая конфузия, так что мы были вынуждены в другой раз отступить к обозу. Тогда Бог и мои офицеры, которые теперь в плену в России, собрали солдат, которые были из разных полков и стояли рядом друг с другом. Но все было напрасно, так как пикеты противника нападали на нас и большую часть убили. Но, благодаря Богу, я вместе с несколькими другими был взят в плен гренадерами неприятеля, раздет догола и приведен в их лагерь» — так закончил свое повествование И. Валлберг⁷.

Батальоны Ренцеля загнали Рооса к Ворскле.

«В конце концов мы пошли направо, к бывшей стоянке королевского величества, но вместо того, чтобы встретить какие-нибудь части нашей армии, мы увидели большое количество русских казаков, выехавших из лагеря во главе с генерал-лейтенантом Ренцелем, которые стали преследовать нас. Поэтому мне, — писал сам Роос, — не оставалось ничего другого, как спуститься ниже к Полтаве, где были наши осадные траншеи. Имея в виду эту цель, я пошел к монастырю. Когда приблизился к церкви, то увидел, что все двери и окна были заложены кирпичом, а внутри были наши. Я предложил им выбраться и пойти со мной, так как противник следует по пятам. Но они не захотели выйти

и потом были окружены и уничтожены. Обойдя монастырь сзади, мы двинулись к городу, но тут из городских ворот вышла линией пехота и всадники, которые быстро устремились вниз к болоту в ольховой роще. Таким образом, путь к траншеям был отрезан, и мне не оставалось ничего другого, как пойти в большие траншеи гвардии с надеждой, что там смогу защищаться до тех пор, пока не получу какой-либо помощи»⁸.

Очевидность того, что «неприятель час от часу в слабость, а русская армия от силы в силу происходили», позволила Петру I для связи с Полтавой и занятия лагеря шведской пехоты с Крестовоздвиженским монастырем послать три батальона полковника И. Головина. Таким образом, можно считать, что деблокада Полтавы произошла между 7 и 8 часами утра.

Последние 400 человек из 2600 Рооса капитулировали между 10 и 11 часами утра, после того, как Ренцель объявил им о поражении короля. Место капитуляции определяется абсолютно точно — в шведских траншеях у Крестовоздвиженского монастыря на берегу Ворсклы, напротив русских траншей, отрытых для деблокады Полтавы, а не в Яковецком лесу и не осадных траншеях к югу от Полтавы, как считается до сих пор в нашей литературе.

Опасаясь, что Карл XII уклонится от боя, Петр I между 7 и 8 часами утра решил отказаться от прежнего плана, принятого 26 июня: «В восьмом часу поутру положил его царское величество намерение со всею армиею... швецкую армию атаковать». Инициатива окончательно перешла к русским.

Менять план в ходе сражения непросто. Французско-баварские войска во время войны за испанское наследство в битве при Хохштедте в 1704 году провели время в пассивной обороне, которая стала причиной их поражения. Пять лет спустя французский маршал Буфлер в сражении при Мальплаке имел возможность опрокинуть австрийцев и голландцев, но, так как сражение было задумано как оборонительное, то он упустил победу. Русское командование пошло на изменение плана и, как оказалось, это было разумное решение, свидетельствующее о тонком понимании обстановки.

Триумфальный вход в Москву русских войск после Полтавы (фрагмент гравюры А. Зубова).

После опроса первых пленных из колонны Рооса, вероятно, был собран военный совет, чтобы решить, как действовать при переходе в наступление. Генералитет решил обескровить шведов еще до соприкосновения, устоять в «ордере» на месте, отразить удар и при возможности сбить противника с поля. При сближении должны были быть организованы три полосы огневой защиты: ядра, картечь и ружейный огонь, затем в дело вступала пехота, построенная в три линии. Задача второй и третьей линий была только пассивная — поддержка первой: им предписывалось наблюдать за сраже-

нием и не совершать обходные маневры для окружения.

В начале девятого часа королю сообщили тревожную новость: с опушки Малобудищенского леса Левенгаупт заметил русское построение к наступлению. Как отражать атаку? Левенгаупт стал поспешно вытягивать пехоту в боевую линию. Но Реншельд перед всеми солдатами криком прервал его и приказал развернутыми батальонами подвигаться на соединение с кавалерией, застрявшей между болотцами и балкой Побыванкой. По-видимому, Реншельд уже не хотел рисковать второй атакой на жерла 87 орудий и собирался сначала

расправиться с русской конницей, чтобы потом, возможно, организовать нападение на правый угол лагеря, то есть с севера.

Но было уже поздно. Воспользовавшись кратковременной передышкой, русские полки перестроились в две линии непосредственно перед валами лагеря. Третья линия — резервная, из шести полков, 5500—6000 человек, — стояла в боевой готовности в ретраншементе.

Генерал-майор А. Г. Волконский с шестью драгунскими полками был переброшен к деревне Жуки к Скоропадскому «для наблюдения за неприятелем». В случае, если бы противник, не приняв боя, начал бы отход в сторону малороссийского войска, Волконский должен был идти на помощь, но «о вступлении в баталию ожидать указу».

Предполагая, что Карл XII снова будет пытаться развалить строй сквозным прорывом, батальоны устанавливали в пять шеренг вместо уставных четырех. Полки разделили надвое, вторые батальоны помещались за первыми, как пишут сейчас историки, якобы «ради устойчивости поддержки». Но о какой устойчивости могла идти речь, если 18 батальонов второй линии были удалены на 200—300 шагов от 24 батальонов первой? Фактически вторая линия должна была выполнять роль резерва, стоявшего вне досягаемости ружейного огня при бое в первой линии.

Никто из историков не обращал внимания на ошибку, которую пришлось с риском для жизни исправлять самому Петру I. Разделить один полк между двумя линиями значило разделить командный состав, разорвать надвое единое тело. После Полтавы полки подобным образом уже никогда не расчленялись.

В интервалы между батальонами обеих линий прислуга подтащила по три трехфунтовые пушки. Оба фланга пехоты усилили гренадерскими полками, созданными всего год назад и вооруженными гранатами и ручными мортирцами.

Шесть конных полков драгун были обведены за лагерь с правого фланга на левый.

В целом вид построения позволяет сделать вывод, что в отличие от растянутых позиций под Нарвой, Фрауштадтом и Головчином, перешли к глубокому строю, заботясь больше об устойчивости и жесткости,

нежели о маневренности. Согласно общепринятой линейной тактике, готовился удар всем фронтом.

Сомнительна широкоизвестная история о предательстве перебежавшего к противнику русского унтер-офицера, после которого Новгородский полк обменял свои мундиры на серые рекрутские кафтаны, чтобы шведский удар не пришелся на необстрелянных солдат. Ни в одном актоном источнике этот факт не получил подтверждения. Вряд ли новобранцев поставили бы в первую линию, да еще в решающем сражении! С другой стороны, саксонцы в битве под Клишовом в 1702 году нарядили нерегулярные хоронгви поляков в свои мундиры, а под Фрауштадтом в 1706 году замаскировали русских, заставив их вывернуть кафтаны красным наизнанку, чтобы они выглядели как саксонцы. Шведские кавалеристы под Головчином, наоборот, ездили на рекогносцировку в казачьей одежде.

Никто из историков не задавался вопросом, почему Петр I отказался от древнего военного приема: ударить во фланг конницей Боура, которая до 6 часов занимала удобную позицию вдоль балки? Как раз это предполагал участник сражения шведский полковник Н. Юлленшерна: «Неприятельская кавалерия стояла построенная по другую сторону небольшого болота и предполагала напасть нашей в тыл». Почему Петр отказался и от рейда казаков в тыл и к обозу шведов, подобно рейду Платова под Бородином? Ведь «пятьдесят всадников, нападающих на фланг или с тыла, гораздо опаснее нескольких эскадронов, атакующих с фронта» (Фридрих II).

Объяснить это можно лишь одним — стремлением обойтись минимальной дозой риска и все еще существующей инерцией преувеличения мощи шведского оружия.

Правый русский фланг оказался заметно сильнее противника: там стояли 12 из 18 драгунских полков, все три конногренадерские и гвардейская бригада, с которой так хорошо познакомились шведы под Лесной. Русские линии даже при пятишереножном построении оказались длиннее шведской на шесть полков. В битве участвовали и стрелецкие полки.

По старому русскому обычаю ратников обнесли иконой Богоматери и окропили святой водой.

После построения совершил второй объезд полков глава государства. Петр отклонил совет генералов не участвовать ему в битве. Ободренный успешным началом, он знал, что лучше других вдохновит армию к решающему удару.

И се, равнину оглашая,
далече грянуло «ура!»:
полки увидели Петра.

Патриотизм и пламенность речи Петра I о судьбе родины, которая сейчас в руках воинов, об ответственности солдат за государство и народ вызвали такой прилив энергии, что некоторые срывали кафтаны и требовали скорее вести их в бой!

Эта речь известна нам лишь в изложении ректора Киево-Могилянской академии Феофана Прокоповича. Никаких документальных записей ее не обнаружено. Не ручаясь за точность сказанного, можно утверждать верность основного смысла.

Драгун левого фланга объехал Меншиков, призывая крепко стоять за отечество и подражать примеру государя. Правым крылом кавалерии командовал Боур. «Корпусом баталии» — всей пехотой — фактически Петр I. На долю генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева досталось скорее формальное руководство, которое можно сравнить с ролью литературного Кутузова в Бородинском сражении, описанной Л. Н. Толстым в романе «Война и мир». (Впрочем, есть сведения, что у Шереметева в битве была прострелена рубашка, выбившаяся из-под камзола.)

Решающий этап сражения начался между восемью и девятью часами. Обе русские линии — 22 тысячи пехоты и 9 тысяч кавалерии — двинулись на противника. 32 орудия полевой артиллерии, 16 батальонов и 6 полков кавалерии, то есть около 11 тысяч в битве не участвовали.

Никакого знакомого по фильму «Петр I» «бега вперед» с криком «ура!» не было. Впереди — неслыханно для рати XVII века! — ехал сам царь, за ним фельдмаршал Шереметев. Генералы, высшие офицеры и средний командный состав двигались перед фронтом своих бригад и полков на положенных местах. Две грозные линии растянулись на 2,5 километра. Перед шеренгами зеленых мундиров пехоты и синих кавалерии развевались белые полковые и цветные ротные знамена.

Молча, вольной поступью (мерный шаг в ногу был введен позже французским маршалом Морицем Саксонским), не теряя равнения, шли в атаку мушкетеры и фузилеры с тяжелыми ружьями на плечах, с багинетами у пояса или с примкнутыми штыками. Колыхались черные четырехметровые пики пикинеров с трехгранным острием и черными прапорцами. Сержанты шагали с алебардами. Слаженность марша пехоты, конницы и артиллерии была полной — кавалерийские полки двигались шагом, как и пехота.

Приходя в себя за взлобьем поля и не ожидая, что неприятель отважится атаковать, шведы не успели как следует развернуть фронт на восток. Реншельд послал свою пехоту вперед, когда зеленые полки прошли уже несколько десятков метров.

«Когда мы стояли в долине, ко мне подошел советник канцелярии Гермелин и сказал, что король приказывает трогаться с места. Я ответил ему, что мы не должны спешить, пока еще ни одна линия не построена для сражения, а к этому требуется определенное время. После этого он поехал назад, но тут же вернулся обратно, сообщив, что противник быстро приближается, чтобы напасть на нас, и находится всего лишь на расстоянии нескольких мушкетных выстрелов. Я сел на коня и увидел, что неприятель наступает на нас, но наша армия все еще не построена к баталии. Я сказал Гермелину: «Бог сотворит чудо, если все пройдет на этот раз удачно для нас». После этого я поскакал на правый фланг, думая, что там встречу его королевское величество. Но когда я прибыл туда, то увидел нашу кавалерию в большой конфузии и в такой невообразимой суетолоке, что не мог никуда двинуться. Вдобавок передние ряды были в беспорядке и давили на соседей, а те на задние ряды» — такую картину начала второго периода сражения дал родственник шведского канцлера Г. А. Пипер⁹.

По всей вероятности, в начале девятого часа в контрнаступление пошло около 18 тысяч шведов — до 8 тысяч кавалерии и до 10 тысяч пехоты, так как из 22 тысяч, выведенных ночью, 2600 пропало вместе с Роосом и около полутора-двух тысяч погибло у редутов и лагеря. Казаки-мазепинцы в большей части рассеялись, и в источниках нет упоминания об участии их в решающий

момент боя. Шведские историки уменьшают количество пехоты до 4—6 тысяч и кавалерии до 7 тысяч, основываясь на записях Левенгаупта и шведского лейтенанта Вейе. Однако определение шведскими участниками битвы численности своих «на глазок», с явной тенденцией преуменьшения, уступает в точности русскому подсчету «по головам» после Полтавы и Переволочны.

12 батальонов офицерам короля пришлось расставлять на расстоянии до 75 шагов друг от друга, чтобы вытянуть линию как можно длиннее. Половина кавалерии, общая численность которой на поле боя была равна русской, в беспорядке следовала в центре за пехотой, половина — на флангах. (Во всех отечественных работах ошибочно пишется, что конница была только на флангах.) Некоторые группы шведов отказывались строиться, отвечая командирам, что они ранены.

В отличие от русских свой тыл на случай отступления шведы не могли прикрыть ничем — ни резервом, ни местностью. Впрочем, полковник Н. Юлленшерн считал, что позиция для небольшой шведской армии была вполне удачной: слева болото, справа лес, и русские не могли полностью развернуть свои силы.

Пагубное для шведов соотношение численности было подготовлено действиями русского командования. Оно вынудило Карла XII принять сражение в невыгодных условиях, заставило разбросать силы. «Русские продемонстрировали новейшее военное искусство, в то время как шведы пали жертвой своих устаревших методов» — такую характеристику дал современный шведский историк А. Оберг¹⁰.

Сблизившись на дистанцию полета ядра 800—1200 метров, русские знаменосцы и командный состав отошли назад, за первую линию. Сердце шведов не могло не дрогнуть, когда русские артиллеристы стали разворачивать на них жерла 68 полковых пушек, выставленных по 3 в ряд в батальонных интервалах, а с флангов наводиться стволы конной артиллерии и переносных мортир.

Второй период боя пролетел всего за полчаса.

В то время как два батальона гвардии, которые вел Левенгаупт, быстрым шагом сближались с русским центром, левый фланг еще только разворачивался. Цепь шведов шла вперед дугой, а не ровной линией. Большой

разрыв образовался при движении между Уппландским и Остготским полками.

В начале девятого часа русские ядра, а потом и картечь стали валить шведские шеренги. Король, сознавая свое воздействие на дух армии, приказал везти себя к гвардейцам на правый фланг. Его окружало 5—6 десятков драбантов и несколько эскадронов. Кальмарский и Уппландский полки, которые наступали против преображенцев и семеновцев, одним залпом наполовину были скошены «сеченым железом». Русская канонада гремела четверть часа.

Когда шведы приблизились на 60—70 шагов, в разных местах первой русской линии скомандовали: «Первая шеренга, пади на колена!», «Задняя шеренга, приступай в близость!» Когда противник сблизился до 25 сажень (около 53 метров), прозвучало: «Плутонг, прикладывайся... Пали!»

Нужно было обладать скандинавской дисциплиной и отчаянной храбростью, чтобы без артиллерии, невзирая на картечный шквал, совершить, казалось, невыполнимое — броситься на превосходящие силы противника!

Левенгаупт запретил стрелять до подхода на 30—50 шагов, видимо учитывая, что отсыревший порох не способен нести пули дальше. Наперевес пики были взяты на самом близком расстоянии, чтобы уstrateшить противника. Стремительность напора заставила отхлынуть первый батальон новгородцев и бросить две полковые пушки прежде, чем шведы дали залп.

Левенгаупт скомандовал: «Пли!» — и хотя выстрелы прозвучали, как хлопки ладонями, и не дали эффекта, пять шеренг новгородцев побежало, бросая пики и ружья. Участники боя, капитаны Л. Тизенстен и Й. Оллер, подправляя впечатление от полтавской катастрофы, писали, что лейб-гвардейцы будто бы гнали новгородцев 100 шагов, коля штыками и пиками в спину. 69 рядовых и один офицер погибли, 53 было ранено, но, что хуже всего, пал командир бригады и полка Феленгейм.

Шведы палили из ружей и стали разворачивать русские пушки. Пробив первую линию, Левенгаупт вынужден был остановиться перед второй.

Никто не задавался вопросом, почему прорыв ликвидировал Петр I, а не командиры соседних полков или любой офицер второго батальона Новгородского полка?

Феленгейм, как и все полковники, переместился к началу боя назад, за первую линию, где и погиб. Возможно, увидев замешательство своего первого батальона, он пытался остановить бегство и был убит, что увеличило смятение. Офицеры же второго батальона и соседних полков замешкались.

Петр I мгновенно оценил опасность, поднял в галоп свою Лизетт, и, промчавшись во весь опор вдоль фронта семи батальонов (то есть 600—700 метров примерно за полторы-две минуты), повел в контратаку второй батальон, попал в гущу схватки и закрыл брешь, получив две пули в седло и шляпу (согласно легенде от смертельной третьей пули царя спас нагрудный крест). Если бы Петр погиб, то историки писали бы о безрассудстве властителя, бросившегося в бой простым офицером.

Новгородцы второго батальона вслед за Петром спешно заходили со стороны и в тыл прорвавшимся шведам. Весь остальной центр русской пехоты держался устойчиво. Образно говоря, шведский фронтальный удар разбился вдребезги о русскую линию, которая начала давить противника. Во фланги и тылы шведской кавалерии потоком хлынули русские драгуны. Левое крыло шведской пехоты сильно отстало, и удар гвардии остался без поддержки. Таким образом, гипотеза шведского историка Э. Тенгберга, который считал, что левый фланг русских был разбит и победа была в пределах досягаемости, пусть еще Реншельд в прорыв кавалерию, очень шаткая.

Русские шеренги, обходя завалы из павших коней (потери лошадей в сражениях втрое больше, чем людей), входили в большие разрывы между шведскими батальонами и сдавливали их. Остготский полк и батальон Нерика окружили полностью и били даже с тыла.

Черная гарь, пыль, грохот, жара превратили поле битвы в пекло, в котором трудно было отличить «синих» от «зеленых». У шведов вспыхнула паника, и многие части бросились бежать.

Попытка Реншельда и Крейца предотвратить с помощью кавалерии окружение гвардии не удалась, — конница почти сразу была отброшена от пехоты; раненые кони бесились, и эскадроны беспорядочно метались в разных направлениях. Почти не претерпев урона, кавалерия первой бежала с поля. Драгунский полк Н. Юл-

леншерны под угрозой флангового охвата унесся после залпа одного русского батальона. Реншельд бросал коня от одной группы к другой, пытаясь сплотить строй, и был пленен одним из первых драгунами Архангелогородского полка. Недалеко от Малобудищенского леса взяли в плен генерал-майоров Б. О. Штакельберга и Г. И. Гамильтона.

Взводы, остававшиеся боеспособными и не желавшие сдаваться, уходили «по коридорам» сквозь перекрестный огонь русских батальонов, державших строй.

Русский штаб не ожидал такой быстротечности и бескровности боя с прежде грозным врагом. Казалось, что сильный правый фланг гвардейской бригады раздавит или прижмет шведов к огневой решетке редутов. Однако полного охвата не получилось, после получаса боя 11-тысячная первая линия сжала противника полумесяцем.

Когда дым и пыль немного рассеялись, в центре поля увидели одну из последних групп — это был король с драбантами. Обратила внимание заметная цель: качалка. Русские артиллеристы навели пушки и одним ядром убили обоих коней. Король приказал было запрячь новых, но тут носилки, уже однажды поврежденные ядром, вдребезги разнесло под ним. Насмерть сразило стоявшего за Карлом XII придворного хрониста Г. Адлерфельда. Короля посадили на лошадь, но, сделав два-три шага, она тоже рухнула. Некоторое время его тело беспомощно лежало на земле; русские пехотинцы уже были в 50 шагах, но короля спасла охрана. Для предотвращения паники драбанты подняли Карла на скрещенных пиках, однако призыв короля «Шведы! Шведы!» никого не останавливал. Толпы кричали: «Стой, парни, стой!» — и бежали. Упал раненый лейб-драбант А. Гиерта, подсаживавший Карла XII на свою лошадь. Из раны короля сильно потекла кровь, тем не менее он сказал, что считает себя в состоянии сражаться с пехотой и конницей, так как сидит на коне. Невероятным было то, что град пуль и ядер не задел короля. Убедившись во всеобщем бегстве, Карл вынужден был последовать за Левенгауптом, который оказался одним из генералов, не потерявших самообладания и пытавшихся прикрыть отход к обозу.

Дотоле «страшная» шведская пехота была сметена

отовсюду, и полтора часа бегущих избивали штыками, пиками и палашами драгун, сидевших на «неприятельских хребтах».

Возбужденный и счастливый царь нетерпеливо спрашивал: «Где же мой брат Карл?» За короля приняли и с «политесом» отправили к Петру «маленького принца» Максимилиана-Эммануила Вюртембергского.

Шведам казалось чудом, что после полного разгрома 16-тысячная армия смогла невредимо уйти из-под Полтавы. Шведские историки постоянно пишут, что русские не использовали победу и прекратили преследование, «не осмеливаясь продолжать нападение». Костомаров, Соловьев, Ключевский писали, что неожиданное счастье победы заставило забыть о преследовании. Дореволюционные военные историки считали молебен и пир после победы уступкой древнерусским традициям и уверенностью Петра в том, что шведы попадут в мешок у Переволочны, а также расстроенностью русских при наступлении и опасением засады в Будищенском лесу. В советских работах о перерыве в преследовании чаще всего не упоминалось или же он объяснялся труднопроходимостью лесистой местности, неясностью обстановки и предвидением Переволочны. Советский историк Кафенгауз считал, что перерыва вообще не было и погоня энергично велась вплоть до Днепра. Академик Тарле тоже отрицал перерыв в преследовании¹¹.

Понятовский, как один из офицеров, возглавлявших отходившую группу короля, писал так: «Я не знаю, были ли неприятель удивлен своей неожиданной победе, но он удовольствовался тем, что предоставил королю спокойно уходить и забрать свой обоз; несколько эскадронов лишь скакали вокруг, но не нападали». О том же писал швед Я. Шульц: «Русские не осмеливались нас преследовать и разрешили нам идти куда хотим. Король пошел к обозу в Пушкаревку»¹².

Действительно, после того, как в 11 часов поле очистили от шведов, русская пехота выстроилась снова в боевой порядок перед Малобудищенским лесом. Этот лесок оказался спасительным островком, где беглецы получили небольшую передышку. Там король принял командование на себя и приказал всем стягиваться к обозу. Там же Крейцу удалось собрать рассеянные эскадроны и, возможно, сдержать русских драгун среди

«Курган Петра Великого» под Полтавой.

дворов Малых Будищ. Около 12 часов основное ядро разбитой армии через Малые Будищи и Осьмячки по Решетилловской дороге бежало к Пушкаревке. Меньшая часть с потерями была прогнана снова мимо первого, второго и третьего редутов.

Почему вторая линия и 6 полков резерва в ретраншементе не отсекали путь отступления шведов для довершения их разгрома? Что делало войско Скоропадского вместе с приданными шестью драгунскими полками генерал-майора Волконского?

По некоторым русским и шведским источникам можно сделать вывод, что вплоть до обоза, около 10 километров, бегущие обстреливались с тыла и флангов иррегулярными частями — донцами, башкирами, татарами, ногайцами, не только огненным, но и «лучным боем». В одном источнике приведена численность преследовавших — 2 тысячи казаков и калмыков и 6 драгунских полков¹³. Не те ли это 6 полков драгун, которые были посланы с Волконским на помощь Скоропадскому? Тогда слова «Обстоятельной реляции» о том, что «вокруг Полтавы на три мили на всех полях и лесах мертвые неприятельские тела обретались», следует от-

нести к нерегулярным соединениям и драгунам Волконского.

Из 22 тысяч выведенных ночью, после полудня в Пушкаревку вернулось около 10 тысяч шведов; 9334 погибло и 2977 пленено, в том числе весь генеральный штаб. Такого погрома армия шведов не испытывала никогда и не испытает до конца Северной войны. Правда, к бегущим подошли части из траншей под Полтавой и бывшего лагеря. Итого к вагенбургу собралось около 16 тысяч шведов и до 10—11 тысяч мазепинцев.

Еще до появления беглецов Гилленкрок составил из повозок цепь, «на испуг» выкатил вперед пушки, часть которых была не заряжена из-за нехватки доброкачественного пороха, и возможно, послал навстречу разбитым соотечественникам несколько эскадронов, подготовив к отпору 2,5 тысячи шведов и около 3 тысяч казаков. «30 орудий, бывших в обозе во главе транспорта, хотя и не были заряжены за недостатком снарядов, но внушили уважение неприятелю, который несколько раз подъезжал к ним».

Ожидая окончательного уничтожения, все замирали при появлении облаков пыли — свои? Противник? Казаки? Лишь шальные возницы — нестроевые, наймемованные в Польше и Белоруссии, резались в карты под телегами. Около 14 часов послышалась сильная стрельба, и масса конников появилась у вагенбурга, однако, увидев орудия большого калибра, исчезла. Судя по реакции, это были, несомненно, казаки.

Затем показались толпы беглецов. Пыль, поднятая с прожаренной полтавской земли, таким слоем покрыла мундиры, а пороховая гарь так въелась в кожу, что невозможно было узнать известнейших офицеров. Разброд и падение духа были всеобщими. Уже после того, как основная масса разбитой армии была в Пушкаревке, появилась группа Карла XII.

Гробовой тишиной встретили медленно подъехавшего короля. Нога у него была на луке седла, и с нее свисали окровавленные бинты. Никто не хотел говорить первым. Карл попытался взбодрить улыбкой сплошь растерянные лица: «Ничего, ничего!» Распорядился отыскать Пипера и «маленького принца» и якобы сказал, что, собрав в Швеции новое пополнение, скоро снова пойдет на Москву. Это похоже на правду и вполне

в характере Карла XII: вплоть до смерти в 1718 году он не считал себя побежденным. Магия «железного короля», как писали очевидцы, «всех словно воскресила».

Обессилевшего венценосца поместили в карету, сделали перевязку, после чего Зильтман, Понятовский и Левенгаупт посоветовали выслать к русским парламентария с предложением приостановить боевые действия и заключить перемирие или мир, чтобы сохранить уцелевших.

Конечно, 16—17-тысячная армия, собравшаяся у вагенбурга, не была боеспособной. Но о ее состоянии русские знали плохо, и напасть на 26—28-тысячное (вместе с мазепинцами) скопище иррегулярным частям было не под силу.

Левенгаупт рекомендовал, как под Лесной, бросить багаж, артиллерию и, распределив лошадей среди солдат, уходить как можно скорее. Но король решил по-другому. Шведы пообедали и до вечерней зари ожидали беглецов. Отступление в сумерках исключало возможность повторения нападения на несколько ночных часов. Лишь на закате Крейц организовал вывод артиллерии, обоза, затем пехоты и наконец кавалерии, которая должна была прикрыть отход. Были прихвачены даже 2900 русских пленных! Карета Зильтмана, в которую поместили Карла XII, замыкала вереницу повозок, направившуюся к Старым Сенжарам. Король собирался спасти остатки армии в Крыму.

Почему же выпустили из-под Полтавы разгромленного врага? Ответ может быть однозначным — русское командование приняло к неукоснительному соблюдению правило военной тактики XVII—XVIII веков — «не азардовать в сражении». Не преследовал турок Ян III Собесский под Веной в 1683 году, Евгений Савойский после Зенты, шведы после Клишова, Гемауэртхофа и Головчина, М. Стенбок после победы над датчанами у Хельсингборга в 1710 году. Даже в Семилетнюю войну Фридрих II не преследовал противника, правда, из-за опасения дезертирства своих солдат. «Отступающему противнику — золотой мост» — так гласила доктрина линейной тактики до конца XVIII века.

Русская армия долго и трудно изживала прадедовский обычай беспорядочной погони с нарушением строя, что приводило к горьким потерям. При Гемауэртхофе 15 июля 1705 года Шереметев бросил на отступавших

Петр в 1721 г. (картина И. Никитина).

кавалерию, и когда та стала грабить обоз, не дождав-
шись пехоты, напал Левенгаупт и нанес поражение.
1 августа 1705 года Петр I приказал Шереметеву «под
смертной казнью» не гнаться за неприятелем, хотя бы
тот и бежал, но следовать шагом, или, по нужде, «малой
грудью, под смертью же».

О том же наказывал Петр I и в «Правилах сраже-
ния», составленных после Головчина и до Полтавы, то
есть между 3 июля 1708 года и 27 июня 1709 года. «Не-

надобно, чтоб наша кавалерия гораздо далеко за неприятелем гналась, но потребно, чтоб она, разбив его, паки в шкwadроны собиралась, в добром порядке маршировала и ожидала указа от своих командиров. Она может токмо послать некоторыя малые detaшaменты для преследования неприятеля, а остатку надлежит тотчас паки построитца. И сие есть дело такой важности, что не должно оно доволно явственнo кавалерии изобразить, ни доволно рекомендовать»¹⁴.

Помимо вышесказанного, русское командование, возможно, учитывало вероятность контратаки шведов, оставленных у Полтавы, Пушкаревки и вдоль Ворсклы. Петровская армия еще не имела установки Суворова: «Гони до сокрушения, победа все покрывает». Наращивание победы — преследование в тот же день — стало главной задачей только с XIX века.

Итак, твердо может быть установлено, что регулярные части преследовали противника «до обретающегося леса, где (шведы) пред баталией строились», — то есть Малобудищенского леса, а нерегулярные с отдельными полками драгун — до Пушкаревского обоза. Погоня за королем возобновилась лишь вечером 27 июня после пира.

Сокрушительный разгром противника был проведен отлично рассчитанным оборонительным боем с переходом его во втором периоде в наступательный. Благодаря оборонительному плану победа обошлась малой кровью — всего 1345 убитых!

* * *

Радость победы охватила всех, когда стало ясно, что цель достигнута, противник разбит и Полтава освобождена. О начале новой операции — переводе армии на новую позицию к Пушкаревке и штурме не известного никому из штаба пушкаревского обоза никто не думал. Но о безопасности не забывали ни на минуту. Походную церковь для молебна и шатры для пира разбили между двумя боевыми линиями полков, которые вернули к середине поля. Разбирались, подсчитывались и сносились к местам погребения тела павших, собирались трофеи и сортировались пленные, — совсем рядом от первой линии. Царю показали разбитые королевские

носилки, подобранные драгунами Киевского полка. Меншиков представил Петру I Реншельда вместе с его штаб- и обер-офицерами. Пленных под конвоем отсылали в ретраншемент.

Между 12 и 13 часами началась торжественная служба, пели «Тебя, Бога, хвалим» и закончили трехкратным ружейным и орудийным салютом. При выходе царя из церкви армия склонила знамена и оружие и Шереметев рапортовал о победе, о числе убитых и плененных. В начале второго часа собрался весь генералитет. Примерно через час привели Реншельда, четырех шведских генерал-майоров: Шлиппенбаха, Рооса, Штапельберга, Гамильтона и принца Макса-Эммануила. Позже из Полтавы доставили Пипера, который, боясь казаков, приказал бить в барабан и сдался А. С. Келину с 93 солдатами. Шпаги от генералов принял Меншиков, после чего Петр I в знак уважения к доблести и таланту Реншельда рыцарски вернул ему личное оружие.

В начале четвертого часа дня Петр I пригласил всех в расшитые богатым узорочьем персидские и китайские шатры Меншикова. Однако пировали не за столами. Солдаты к этому времени выкопали в поле прямоугольные ровики, куда можно было опустить ноги, разровняли в центре набросанную землю и накрыли ее коврами. Полы шатров из-за жары были подобраны. Весь генералитет и штаб-офицеры справляли древнейший обряд победителей. Вокруг шатров стоял караул нескольких рот гвардейцев. Каждый тост за царя, царевича и царскую фамилию сопровождался салютом. Заздравные чаши поднимали и за «брата Карла», и за «шведских учителей».

Это был звездный час Петра Великого и созданной им молодой русской армии.

На поле в это время казаки давали «представление» для русских и шведских солдат. «Забавно было смотреть, как казаки, действовавшие против шведов с фланга и тыла, на свои бритые головы и на шапки надевали шляпы и парики, снятые с живых и мертвых неприятелей, обложенные же галуном кафтаны накидывали на свои шубы... Сами пленные шведы не могли удержаться от смеха при виде такого странного наряда»¹⁵.

После отпевания над телами погибших героев отсыпали курган (братскую могилу не копали). Шведские

пасторы тоже отслужили свой молебен над убитыми. На вершине кургана сам царь водрузил деревянный крест с надписью: «Воины благочестивые, за благочестие кровию венчавшиеся. Лета от воплощения Бога Слова 1709 июня 27 дня».

* * *

Тосты «за учителей» оказались весьма кстати для шведов. Отмерив за три — три с половиной часа около 30 километров, король, миновав Федерки, присоединил полк Мейерфельда у Старых Сенжар, а в 23 часа у Новых Сенжар колонну догнал Левенгаупт, прикрывавший своим арьергардом отступление. С дороги Карл послал подполковника Сильфергельма с 300 всадниками наладить переправу у Переволочны, а утром 28 июня генерал-майора И. А. Мейерфельда к царю «с согласием» начать мирные переговоры. Тот прибыл в Полтаву к Петру до полудня того же дня и несколько задержал погоню. Совет Левенгаупта перейти Ворсклу, сжечь весь обоз и на конях скакать к Перекопу был отклонен.

Ночевка на сенжарских полях была тревожной — беспокоили казаки со стороны Голтвы. Едкий намек шведов о «бережении» русскими ночного покоя шведов неоправдан. Гвардейская бригада во главе с генерал-лейтенантом и полковником Семеновского полка М. М. Голицыным и шесть драгунских полков Боура (всего около 12 тыс.) примерно в 19 часов получили приказ организовать преследование. Часть времени ушла на сборы, и начинать ночную атаку на сенжарских полях было практически невозможно.

28 июня утром в погоню помчался Меншиков с тремя конными и тремя пехотными полками.

Началось первое в Северной войне стокилометровое паническое бегство шведской армии: Пушкаревка — Федерки — Старые Сенжары — Новые Сенжары — Белики — Кобеяки — Соколки — Переволочна. Узнав на рассвете о погоне, шведы подожгли тяжелый багаж, посадили часть пехоты на обозных лошадей, и все ускорившийся марш превратился в беспорядочное бегство. Бросались оружие, знамена и значки, оставались раненые, кинули около трех тысяч повозок. Погоня следо-

Медаль на победу при Полтаве.

вала почти рядом — в 2—3 километрах западнее бегущей колонны. За 28 июня шведы прошли почти 70 километров, снова жгли багаж во время ночевки в Кобеляках и, хотя отбили стрельбой нападение казаков у речки Кобелячки, но пехота самовольно сбежала с позиций. Большая часть артиллерии была брошена как раз между Кобеляками и Соколками.

29 июня около 8 утра измотанная колонна вползла в сожженную Переволочну, где опять уничтожали документы королевской канцелярии. Лихорадочно раскидали деревянную церковь на плот, но его унесло течением Днепра, который в этом месте имел ширину более 2 км. Лишь к вечеру запорожцы с трудом нашли несколько челнов. Король по списку отобрал для переправы около 1300 шведов. Сноровистые казаки переплыли водную преграду вместе с конями. Врученной Левенгаупту армии Карл XII приказал переправиться через Ворсклу и по левобережью Днепра уйти за границу Крымского ханства, до которой оставалось не более двухсот километров. Соединившись затем с армией у Очакова, король собирался снова вторгнуться в Польшу.

Получившие разрешение на переправу разбивали, сбрасывали в овраги и жгли коляски, кареты, телеги и сундуки. Некоторые спихивали в воду сломанные повозки, пытались подгрести колесами, но быстро тонули в

стремнине. Берег был завален обломками досок, колес, сломанных осей, волна шевелила тела утопших. Затопили полковые записи и бумаги походной канцелярии. Попасть на лодку нельзя было и за сотню золотых. Нестроевые безнадежно пытались на досках, бревнах или зарядных ящиках преодолеть сильное течение, водовороты и ветер.

Ночью 30 июня запорожцы поставили колеса кареты Карла XII в две связанные друг с другом паромные лодки и переправили короля на западный берег Днепра.

Утром того же дня у Переволочны появилась такая же измученная девятитысячная погоня — все остальные отстали по пути. Седые от пыли драгуны с трудом держались в седлах, а загнанные лошади спотыкались, шатались и даже валялись через голову.

М. М. Голицын узнал от отставших, что Мазепа ушел за Днепр с 1,5—2 тысячами казаков в четыре часа предыдущего дня, а Карл XII ночью 30 июня и что Левенгаупт склонен к капитуляции. Учитывая численное превосходство противника, Голицын пошел на военную хитрость: на холмах на удалении он спешил и построил для атаки всадников, а по флангам расставил лошадей, чтобы казалось «многолюднее». По всему фронту били в барабаны. Прижатые к воде шведы были охвачены полумесяцем. (Позже пленные говорили, что они сочли отряд Голицына тридцатитысячным.) В ответ Левенгаупт поднял кавалерию и выкатил вперед оставшиеся пушки. Однако еще до того, как Голицын выслал парламентеров для заключения «аккорда» о сдаче, отдельные кучки шведов уже стали перебегать к русским. Левенгаупт, помня об отказе части шведов сражаться во втором периоде боя под Полтавой, решил для очистки совести спросить полки, готовы ли они к новому бою?

Паника при бегстве, потеря артиллерии и обоза, хаос на переправе, физическое бессилие (три дня без пищи) и безысходность ситуации в углу между Ворсклой и Днепром окончательно парализовали волю к сопротивлению. Солдат охватила апатия. Пехотные части и остатки гвардии высказались за капитуляцию, кавалерийские эскадроны, которые не бились под Полтавой, — за сражение. Солдаты стали самовольно растаскивать полковое имущество, некоторые отчаявшиеся разделись и бросились в воду, двое офицеров прокололи друг друга.

Левенгаупт распорядился сжечь остатки архива, раздать из полковых касс месячное жалованье и начал переговоры о сдаче. Уже после этого прискакал Меншиков, включился в переговоры и до 14 часов, как старший по чину, подписал соглашение о капитуляции, приписав честь пленения шведской армии только себе, что и вошло во все исторические сочинения.

Так через три дня произошла «вторая неслыханная виктория», которую шведский историк Эрнст Карлсон в пику Полтаве рискнул назвать более важным поворотным пунктом в истории Швеции. «Может быть, в целой истории не найдется подобного примера покорного подчинения судьбе со стороны такого количества регулярных войск», — писал Чарлз Витворт 20 июля 1709 года.

16 тысяч деморализованных человек в подранных мундирах, казацких свитках, босоногие, взбирались побатальонно вместе с больными и ранеными на холм и шеренгами складывали оружие к ногам «светлейшего князя», Голицына и Боура. Здесь же легли наземь 142 знамени и штандарта, среди которых было два прапора Мазепы, а также пять булав и семь перначей запорожцев. Все русские пленные были освобождены. Взят был практически весь генералитет Швеции. Расчет за Нарву был произведен с лихвой.

Теперь над Днепром звучали торжественные хвалебные песнопения.

Задержка у Переволочной в очередной раз спасла короля. Только вечером Волконский вышел искать место переправы, чтобы догонять главу Шведского королевства. Помимо опытных запорожцев, у Карла появилось и несколько вожей — проводников, присланных из Крыма, хотя хотелось большего, а именно, чтобы хан прислал часть орды выволить из мешка Левенгаупта. Возможность захватить короля и Мазепу в степях Запорожья исчезала, поэтому понятна досада Петра I на Волконского, замешкавшегося у Днепра.

Карл XII очутился в Очакове, а затем, проявив такое же упрямство, как под Полтавой, на пять лет осел около молдавской деревни Варница под Бендерами, надеясь с помощью янычар выправить результаты полтавской катастрофы.

Петр I в кабинете голландского собирателя редкостей Вильде (гравюра XVIII в.).

ЭХО

ПОЛТАВЫ

Полтавская битва была одной из решающих битв мировой истории. Почему? Может быть, по размаху сражения? Ведь по количеству участвовавших с обеих сторон (64 тысячи) она превышала все другие полевые сражения Северной войны. Но в войне за испанское наследство (1701—1713 гг.) великие державы того времени мобилизовывали и более крупные силы: при Хохштедте — 109 тысяч, Турине — 67—80 тысяч, Мальплаке — 205 тысяч.

Мировая история знает и более крупномасштабные сражения, которые не оказались решающими: Канн 216 года до н.э. (136 тысяч) не сломили подъема Рима, битва при Анкаре 1402 года (370—550 тысяч) не остановила османскую экспансию в Европе и Азии, битва народов при Лейпциге 1813 года (480 тысяч) не покончила с Наполеоном. Полтавская битва была подобна тем переломным событиям, которые давали новые перспективы для государств и народов. Она была подобна Грюнвальду 1410 года, освободившему Польшу и Вели-

кое княжество Литовское от тевтонского меча, сравнима с победой над «Великой армадой» 1588 года, открывшей путь к морскому владычеству Англии, и аналогична победе под Веной 1683 года, предопределившей великодержавие монархии Габсбургов.

Полтавская победа была самым блистательным триумфом петровского времени. Петр I законно гордился главной битвой своей жизни. «В свете неслыханная виктория», «русское воскресение», «начало нашего спасения и благополучия» — так именовал он ее. Эпизоды битвы предполагалось высечь в мраморе на мавзолее Петра I в Петербурге.

Значение Полтавской победы было огромным как в военном, внешне- и внутривполитическом смысле, так и в историческом. Если сравнивать Полтавскую битву с другими крупнейшими полевыми сражениями Северной войны — Нарвой (1700), Двиной (1701), Клишове (1702), Гуммельсгофом (1702), Гемауэртхофом (1705), Фрауштадтом (1706), Калишем (1706), Головчином (1708), Лесной (1708), Хельсингборгом (1710), Гадебушем (1712), — то можно сделать выводы: к моменту Полтавы были мобилизованы почти все вооруженные силы Европейской России, кроме занятых на прибалтийском и украинском пограничье. Неприятеля «разволокли» и громили по частям. Этого не было ни под Нарвой, ни под Головчином, ни Фрауштадтом и др. Лишь под Лесной и Добрым этот прием частично применили. Врага загнали в окружение, что не пытались и не могли сделать северные союзники ни в одном сражении.

От победы к победе шведы отработывали стремительную тактику атаки холодным оружием. Девять лет русская армия отработывала, как противовес, огневую защиту. Насыщенность полтавского боя огнем несравнима ни с одним сражением Северной войны. Против шведов действовало под Нарвой не менее 54 пушек, на Двине — 36, у Клишова — 36, у Фрауштадта — 31, у Калиша — 17, у Головчина — 45, у Лесной не менее 24. Победу же под Полтавой предопределило действие 102 орудий, не говоря о массированном ружейном огне.

Под Полтавой была тщательно выбрана наилучшая позиция из возможных и образцово проведена ее инженерная подготовка. Длинный и глухой вал под Нарвой, сплошная линия «ежей» и артиллерии под Фрауштад-

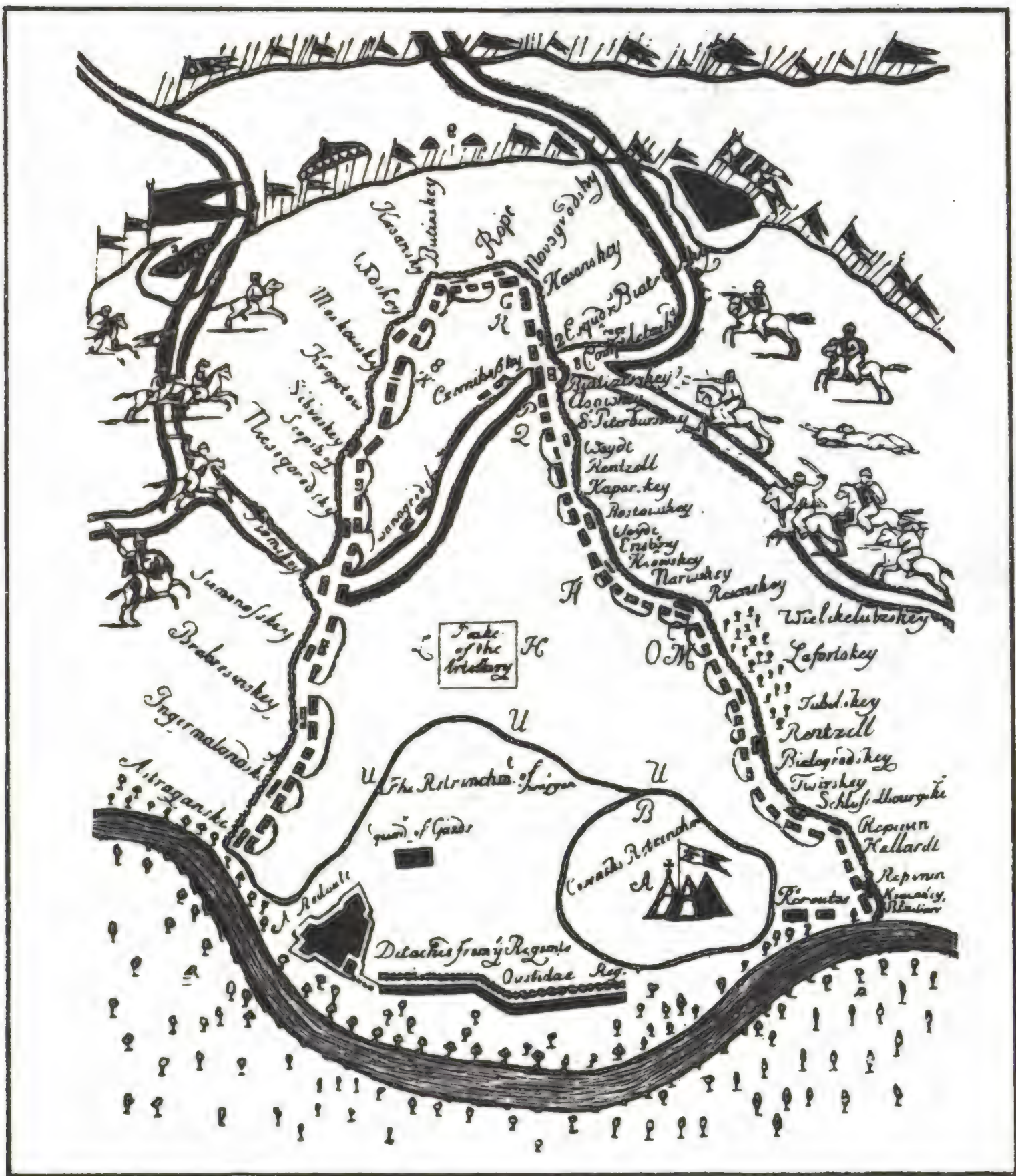

Б. И. Куракин.

том сразу выдавали намерение сидеть в «глухой обороне». Под Головчином такую же линию уже расчленили на отрезки с проходами, однако позиция оставалась открытой с флангов. Пехота во всех случаях укрывалась и растягивалась в тонкую цепочку вдоль валов. Головчинский рекрут оказался бесполезен, так как, в отличие от полтавских, не был расположен в дефиле. Под Полтавой умело и быстро отсыпали закрытый ретраншемент с выходами, расположив кавалерию и часть пехоты вне его. Противника обескровили в преднамеренной обороне, заставив его прорываться через вынесенные вперед редуты.

Была организована максимальная устойчивость пехотной массы. В предшествовавших сражениях резервов практически не предусматривалось, линии располагались близко одна от другой (что вызвало катастрофу под Фрауштадтом). Под Полтавой плотное построение батальонов по фронту подкреплялось полковой артиллерией, тремя полосами огня и большой глубиной — второй и третьей линией, располагавшейся на значительном расстоянии друг от друга. Часть драгунских полков и казаков отделили для создания потенциальной угро-

План расположения русских и турецких войск при Пруте в 1711 г.

зы шведскому тылу и флангу. Об этом и не думали ни под Нарвой, ни у Головчина.

Поражает образцовая координация всех родов войск. Пехота, кавалерия, артиллерия были слиты в единую массу, которую невозможно было расчленить.

Каковы были последствия победы для Северной войны?

Прежде всего следует сказать об изменении ее характера. До 1709 года шведы навязывали северным со-

юзникам полевые сражения, но после полтавской катастрофы Швеция оказалась обескровленной. Россия стратегию «малой войны» и уклонения от полевых сражений сменила наступлением на всех фронтах. Полтава дала свободу действий в Речи Посполитой, на Балтике и в Северной Германии.

В августе и сентябре 1709 года польские города колокольным звоном, салютом, фейерверками, конными ристаниями и балами под возгласы «Виват царь московский!» встречали «северного Самсона» и драгунские полки Меншикова. Оккупационный корпус Крассау ушел в Померанию вместе со Станиславом I.

В «крепостную кампанию» — так был назван 1710 год, были взяты Эльблонг, Пярну, Дюнамюнде, Кексгольм (Приозерск), Аренсбург (Кингисепп) и Выборг. 4 июля 1710 года после 237 дней осады магистрат самого большого и культурного центра Балтики — Риги, поднес Б. П. Шереметеву два золотых ключа от городских ворот. «Шведская житница» — Лифляндия и Эстляндия с островами Сааремаа и Хийумаа (Эзель и Даго), Карелия, которыми шведы владели почти век, полностью оказались в руках России.

Полтавская победа не только освободила от шведов Украину и Россию, но и освободила от страха перед ними несколько государств Европы. Более того, это событие оказалось переломным как в истории России, так и четырех других государств — Швеции, Саксонии, Речи Посполитой и Дании. Полтава предопределила закат Швеции как великой державы Северной Европы и стала предвестницей становления русского великодержавия. До 1709 года Россия занимала скромное место в расчетах западных держав, победа же резко подняла политический и военный престиж России. Впервые за свою историю она стала полноправным балтийским государством и членом европейской системы союзов, обозначив свои интересы на континенте. Инициатива действий не только на суше, но и на море стала принадлежать русскому и датскому флотам. Петр I не зря шутил, что получил чин контр-адмирала за сухопутную баталию. Англия, которая до Полтавы едва замечала Россию и отказывалась в 1707 году включить эту страну в Великий союз, Англия, в столице которой — неслыханный позор! — был избит и посажен в тюрьму рус-

ский посол А. А. Матвеев, в 1709 году заявила о необходимости улучшения отношений с царем.

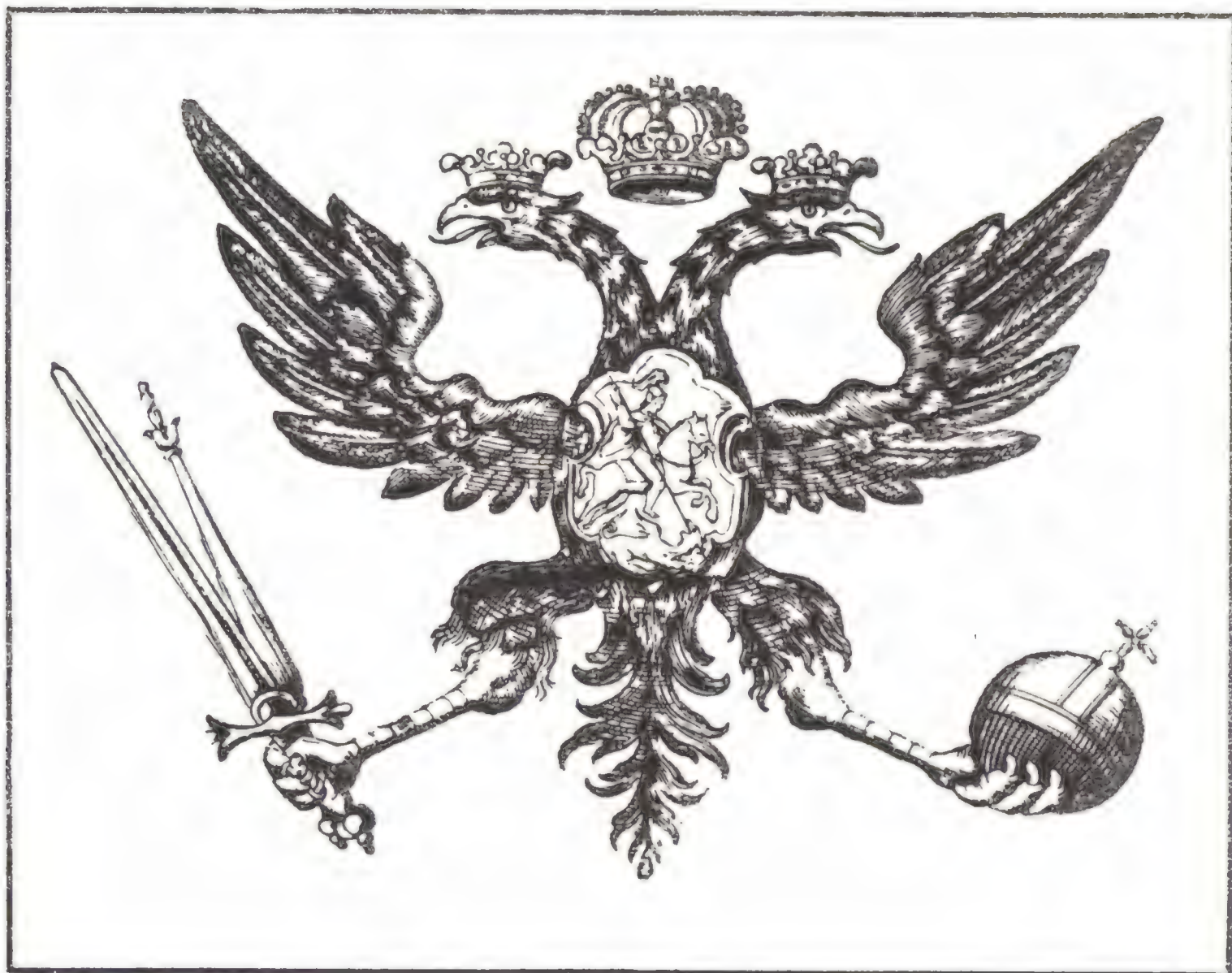
Франция, отклонившая в 1706 году заключение торгового договора с Русским государством, теперь, опасаясь появления полтавских ветеранов на службе Великого союза, пыталась перехватить инициативу и использовать Петра I в центре Европы как нового Густава-Адольфа, шведского короля, успешно воевавшего в Германии во время Тридцатилетней войны. Французский министр Торси заявил англичанам в 1710 году, что война за испанское наследство должна быть окончена при русском посредничестве. Теперь русскому правительству уже не было нужды увеличивать вес своего престижа бочонками с серебром или обещаниями поставки солдат на Рейн или в Испанию.

Сфера влияния победившей страны выросла особенно в Польше, Северной Германии и даже на Балканах, где вспыхнули надежды на освобождение от османского ига православным царем. В Европе были довольны — исчезла угроза шведской гегемонии! Особенно в Риме радовались падению протестантских еретиков. Но одновременно возникли и опасения, что Петр I предъявит претензии на шведские территории в Германии. После Полтавы Порта решила превратить 30-летнее перемирие 1700 года в «вечный мир» 1710 года.

Полтава похоронила надежды шведов на победоносное окончание войны. Общественное мнение, особенно «средних чинов и посадских», склонялось к миру с Россией, хотя бы за цену Лифляндии, пока русские не появились в Стокгольме. Почти каждая шведская семья потеряла близких под Полтавой, и, как писали современники, «покаянное пение» сменило прежнюю заносчивость, победное звучание колоколов и органов. Швеция перешла к оборонительной войне, а в дипломатии сменила политику игры на противоречиях великих держав на союз с Францией.

Полтава не только возродила Северный союз, но и создала условия для расширения антишведской коалиции. Уже в июне 1709 года, когда «победа носилась в воздухе», русские посланники упрекали Августа II, что тот медлит возобновить союз. Через пять дней после получения достоверных сведений о победе саксонец заключил соглашение с Россией и «милостью царя» снова

Русский двуглавый орел. Первая четверть XVIII в.

получил польскую корону. Великие морские державы, заинтересованные в том, чтобы основные силы саксонцев оставались в Нидерландах, поддержали акцию Августа II, признали его польским королем и прикрыли Саксонию, так же как и Данию, системой «северного нейтралитета». Однако на фоне богатырского разворота России роль Саксонии (с учетом альтранштедтского позора) катастрофически «съежилась». Места для вторичной попытки создать срединное польско-литовско-саксонское государство, способное соперничать с Габсбургами или Россией, уже не было. С 1709 года цели короля-саксонца смещались от максимальных — приобретений в Лифляндии и Померании к умеренным — удержать съезжавшую с головы корону и реформировать Речь Посполитую в сторону абсолютизма. Параллельно нарастала убежденность в целесообразности сепаратного выхода из войны при посредничестве западных держав, Турции и даже Крыма.

Десять лет Дания, говоря образным языком тогдаш-

них русских дипломатов, «трусилась, что кошка у горячего киселя». Теперь Полтавская победа побудила ее к реваншу. Ревизовать Травентальский мир 1700 года, отвоевать южную Скандинавию и Гольштейн — вот задачи, которые ставил Фредерик IV, готовя десант для расчета с наследственным врагом. 22 октября Дания заключила союз с Россией, и военные действия с этого года впервые навели коренную шведскую землю — Сконе. (Правда, битва под Хельсинборгом 28 февраля (10 марта) 1710 года окончилась поражением 14-тысячного датского десанта.)

Полтавская победа попутно решила и польский вопрос. В Польше без боя рухнуло марионеточное королевство Станислава I, и Речь Посполитая практически бескровно освободилась от шведской оккупации и неравноправного Варшавского договора 1705 года. Было покончено с прошведской Варшавской конфедерацией и в основном с гражданской войной. Полтавская победа, по оценке тогдашних современников, буквально возродила государство — были восстановлены сеймики, рады, суды, трибуналы — все институты, низверженные шведами. В 1710 году Речь Посполитая признала русско-польские границы, установленные «вечным миром» 1686 года. Россия сняла с себя обязательство выплачивать ежегодные двухсоттысячные субсидии республике и обошла молчанием обещание отдать ей лифляндские города «без награждения». Бывшие приверженцы Станислава, если хотели получить амнистию, должны были добиваться ее как от Августа II, так и от Петра I.

Основную опору, как и в начале войны, русская дипломатия снова стала видеть в Саксонии. Полная смена шведского влияния русским на польской земле особенно чувствительно задела интересы Франции — Польша выпала из системы «антиавстрийского барьера», и вернуть ее к союзу со Швецией стало уже невозможно.

Даже шведский союзник — Гольштейн-Готторпское княжество сменило ориентацию и стало придерживаться нейтралитета между воюющими сторонами.

После полтавского триумфа Петербург, маленький прифронтный городок, оказался почти полностью застрахованным от нападения и на 200 лет превратился в главный город державы. Под Полтавой была, по словам В. Г. Белинского, «проверка... замыслов великих» —

Г. И. Головкин.

Петровских реформ. «Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы» (А. С. Пушкин).

Можно отметить еще два следствия Полтавской битвы, которые выпускаются из виду. Полтава нанесла последний удар Булавинскому восстанию, которое, как известно, не завершилось со смертью вождя в 1708 году. В 1709—1710 годах потерпело поражение и крестьянское движение в центре. Одновременно 1709 год дал стимул к новой волне национально-классовой борьбы на Правобережной Украине, которая, не прекращаясь, переросла впоследствии в гайдамачество. Полтава положила конец и последнему (мазепинскому) проекту перехода Украины в состав Речи Посполитой.

О сопоставимости Полтавской победы с битвами других народов было сказано выше. А если сопоставить ее с битвами в истории нашей страны? Первым на это в шутливой форме ответил Петр I. 13 августа 1709 года он писал Т. Н. Стрешневу: «А что ваша ми-

Баталия при Гангуте 27 июля 1714 г. (гравюра А. Зубова, 1715 г.).

лость пишете, что примеру еще не сыскали, и то мне зело удивительно, ибо преж сего не такие «великие победы» бывали, а именно, как Дивея-мурзу и протчих великославных татар побивали, и прехрабрых поляков.

А то что за диковина, что ныне побили такова малого короля, которого одним Новгородским разрядом ганивали».

Действительно, славная победа на Куликовом поле

1380 года, резко поднявшая авторитет Московского княжества, не освободила Русь от ордынского ига. После Бородинского сражения, когда, по словам Наполеона, «русские снискали славу быть непобедимыми», была сдана Москва. Полтавскую битву можно поставить в один ряд лишь с битвой из другой исторической эпохи — Сталинградской. При всей необычности этого сравнения и там и здесь победа стала центральным и поворотным пунктом не только военных действий на восточном фронте, но и всей войны. И там и здесь отступление сменилось всеобщим контрнаступлением, судьба агрессора была решена, и ситуация изменилась в пользу победителя и его коалиции.

Полтавская битва не только на века прославила русское оружие, она так же, как Куликовская, Бородинская, Сталинградская и Курская, стала символом стойкости и храбрости народного характера, навсегда стала моральной опорой для самосознания народа в годы лихолетья. Она навечно стала общенародной гордостью.

* * *

Триумфы русского оружия в 1709—1710 годах временно омрачила прутская неудача. Карл XII, силы которого под Бендерами в 1710 году выросли до 10 тысяч за счет запорожцев и эмигрантов-поляков, внушил султану, что русские войска в Польше и связи России с балканскими христианами угрожают османским интересам и что возможен турецкий протекторат над Украиной. Османская империя предъявила ультиматум: вернуть Азов, Таганрог, очистить Речь Посполитую, признать Станислава I, независимость казаков на Украине и отказаться от Прибалтики. 118 тысяч войск из Египта, Анатолии, Румелии и Боснии двинулось в Молдавию.

Русское командование после победы над лучшей армией мира «турок ставило за мало» и полагало после победы быстро вернуться на Балтику. В отличие от «Свейской» этой войне был придан религиозно-освободительный характер. Гвардейским полкам выдали красные знамена с изображением креста и девизом «Сим

Титульный лист первой «Географии» петровского времени.
Заголовок первых печатных «Ведомостей».

победиши». Однако бескормица, два налета саранчи в 1710—1711 годах, оголодившей поля от Молдавии до Волыни и Северской Украины, а также чума, прокатившаяся от Балкан до Швеции, сделали поход к Дунаю необычайно изнурительным. Из-за падежа коней 6 тысяч драгун шли на юг пешими. Хан Девлет Гирей II вывел из Крыма 30 тысяч воинов и закружил наступавших «малой войной». Татары перехватывали обозы с хлебом, питьевой водой и дровами, жгли степь, ловили фуражиров, отгоняли тягловую силу — волов и коней.

9 июля 1711 года 130—135 тысяч османо-татарских войск окружили 45—47 тысяч русских, молдаван и казаков в излучине Прута. Как поступали в таких случаях Румянцев и Суворов? В 1770 году при Кагуле 27-тысячная армия Румянцева атаковала противника с нескольких направлений огненным каре и разбила 150 тысяч турок. Суворов, следуя тому же правилу: «турецкие атаки отбивать наступательно», с войском в 25 тысяч разгромил 90 тысяч османов под Рымником.

Ф. А. Головин.

Однако при Петре I не был накоплен еще опыт боевых действий против османов.

Янычарские атаки «вихрем» были, по сути, бешеным натиском густой толпы с саблями и ножами на укрепления. Отхлынув при неудаче, пехота повторяла приступ снова. Всадники-сипахи, лихо управлявшие превосходными конями, метко стреляли и искусно рубились. В атаку они бросались с разных сторон широкими клиньями, в острие которых мчались храбрейшие. Учитывая это, Петр I предписал отражать турок огнем пехоты и рогатками, холодному же оружию «дать покой». На Пруте полтавские ветераны ушли в глухую оборону. Времени на создание укрепленной полосы, подобной полтавской, не оказалось, и войска наскоро заслонились телегами, рогатками, павшими лошадьми и кое-где невысокими валами.

Несколько неистовых атак «бритых батыров» отбили дружным мушкетным и орудийным огнем, а также вылазкой за пределы лагеря, но временное замешательство противника не использовали и не рискнули контр-

атаковать. Османский командующий везир Мехмед-Балтаджи считал, что «ежели бы Москва наступала, и то бы никогда (османы. — В. А.) места не одержали и назад бы утекли. Во время бою задние турки уже утек-ли, а ежели бы москвичи из лагеря выступили, то бы и пушки покинули»¹.

За дни 9—10 июня от обстрела 310 турецкими ору-диями погибло 2856 человек. И хотя ответный огонь 122 русских пушек не был подавлен, а пехота стойко держалась за рогатками лагеря, янычары имели воз-можность ликвидировать армию блокадой и бомбарди-ровкой. Нехватка фуража и провианта была такой, что лошади объедали себе хвосты и гривы. Военный совет решил принять мысль Екатерины, жены Петра, собрать червонцы и предложить мир.

По Прутскому (1711) и двум последующим догово-рам (1712, 1713 годов) Россия потеряла Запорожье и пограничные крепости Самару, Каменный Затон, Таган-рог. Была потеряна и «любимая затея» царя, «стоив-шая столько трудов и затрат», — азовский флот вместе с Азовом и устьем Дона. Пришлось даже устно согла-шаться на возобновление ежегодной дани в Крым, и лишь благодаря ссоре великого везира Мехмеда-Бал-таджи с ханом этот самый «бедственный пункт» не был записан в текст договора².

Прутская кампания понизила престиж России и про-длила Северную войну на несколько лет. Впрочем, об-легчением было то, что можно было снова воевать на одном фронте.

В Швеции военный совет с большим трудом собрал вторую полевую армию, вручив ее М. Стенбоку.

Русские войска в 1712 году впервые в истории по-явились на немецкой земле и обложили шведские города Штеттин, Висмар и Штральзунд. 21 октября фельдмар-шал Стенбок вывел из Штральзунда 10 600 человек пе-хоты и 6600 кавалерии, чтобы наступлением в Ютлан-дии вывести Данию из Северного союза. Датский ко-роль Фредерик IV предложил раздавить Стенбока между русскими, датскими и саксонскими войсками. Однако Стенбок упредил соединение союзников. 9 де-кабря он ударил конницей и пехотой во фланг датча-нам во время их перестроения под деревней Гадебуш и перебил и пленил около 10 тысяч датчан. Тем не менее

союзники загнали его в голштинскую крепость Тоннинг, где принудили к сдаче в мае 1713 года. Швеция потеряла свою вторую и последнюю полевую армию, однако еще сильный шведский флот контролировал Балтику.

Конец Северной войны прошел под знаком морских операций и дипломатических переговоров.

Весной 1713 года более 16 тысяч русской морской пехоты на галерах при содействии сухопутных частей взяли Гельсингфорс и Обо (Або, Турку). Большая часть Финляндии была потеряна для шведов.

Русская первая большая победа на море была одержана 27 июля 1714 года при Гангуте. Гребные суда окружили шведскую эскадру контр-адмирала Н. Эреншельда и взяли ее на абордаж. Морская пехота проявила такую отчаянную храбрость, что, как писал Петр I, «несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым от пушек разорваны». Фрегат, шесть галер и три шхербота противника с триумфом были приведены в Петербург. Гангут показал, что «свейский» флот, последняя надежда Швеции, тоже терпит поражения от молодого русского соперника.

Вскоре заняли Аланды, откуда можно было угрожать Стокгольму. В сентябре 1714 года впервые на шведской земле под городом Умео высадился русский десант в одну тысячу человек.

С 1714—1715 годов начался новый период войны — Пруссия, Ганновер и Дания при поддержке Англии заключили договор о разделе шведских владений. «Выпроставшийся» из турецкой неволи в ноябре 1714 года Карл уже ничем не мог помочь, — в декабре 1715 года сдался Штральзунд, в апреле следующего года — Висмар. Шведы были окончательно вытеснены в Скандинавию, куда и стали готовить высадку союзники.

В июле 1716 года Петр I занимался организацией мощнейшего 24-тысячного русско-датского десанта из-под Копенгагена в Швецию. Ему же было вручено командование соединенным флотом из 83 кораблей четырех морских держав Европы — Англии, Голландии, Дании и России. Однако в связи с разбродом в рядах союзников высадку пришлось отложить и отвести русские войска в Мекленбург. Это вызвало подозрение о намерении России закрепиться в Германии, получить господство на Балтике и выйти на торговые пути в

Кавалерийские знамена.

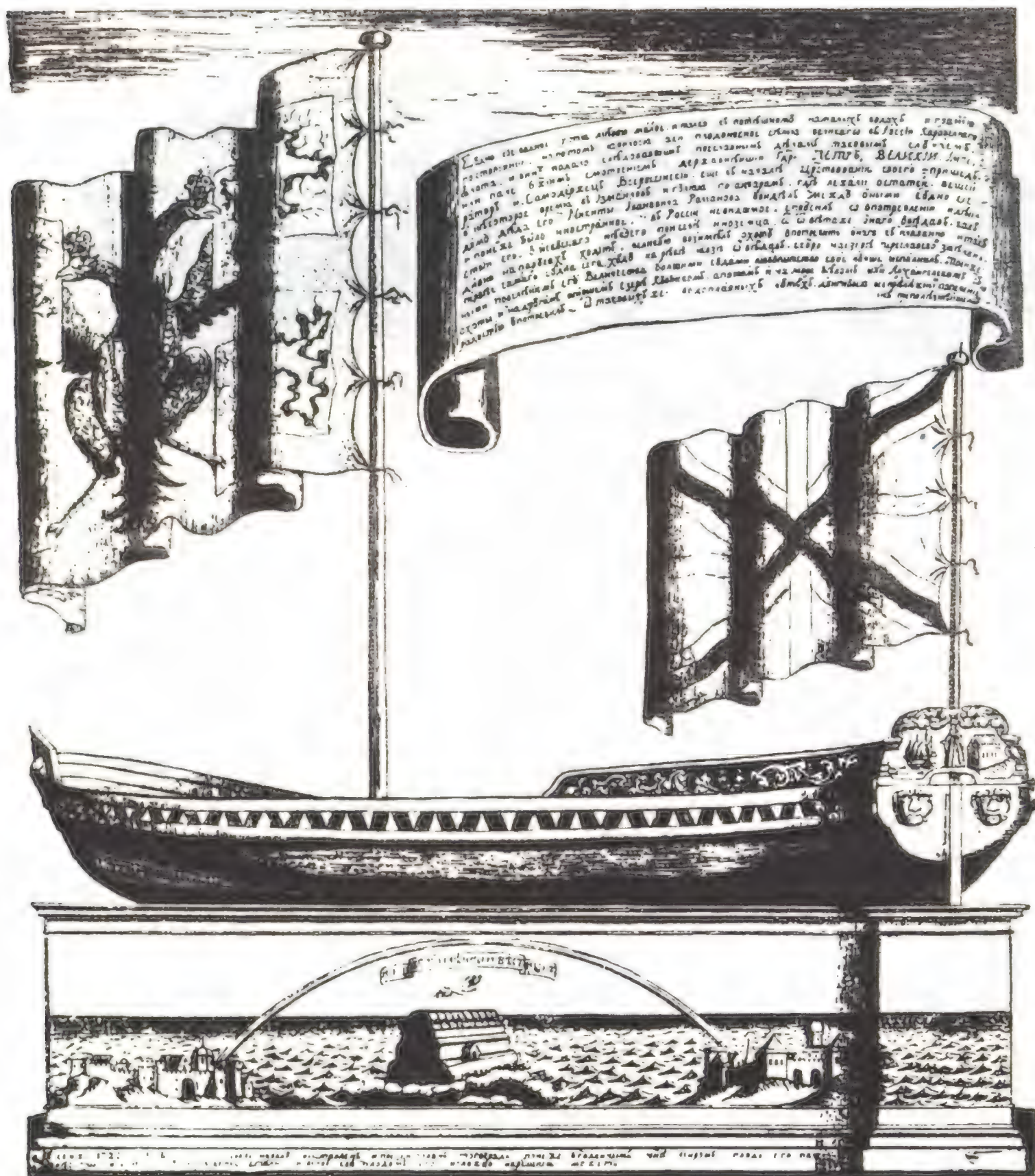
Атлантику. Перспектива политической изоляции подтолкнула русскую дипломатию к сближению с Францией и к переговорам со шведами на Аландах в мае 1718 года. За Лифляндию, Эстляндию и часть Карелии с Выборгом Россия соглашалась вернуть Финляндию и даже помочь шведам приобрести «эквивалент» в датской Норвегии. Смерть короля в ноябре 1718 года прервала переговоры.

Летом 1719 года население шведской столицы было насмерть перепугано: в стокгольмскую шхеру вошел русский галерный флот. 20-тысячный десант, казалось, намеревался штурмовать Стокгольм. Однако морская пехота не имела такого приказа и в течение месяца воевала на побережье к северу и югу от главного города государства. Шведские отряды разбегались при виде русских десантников.

Устрашенное шведское правительство во главе с сестрой Карла XII — королевой Ульрикой-Элеонорой заключило мир с Ганновером и затем союз с Англией, по которому британцы обещали защитить флотом и оружием Швецию от будущих вторжений. Но демонстрация соединенного англо-шведского флота в Финском заливе не помогла.

В 1720 и 1721 годах русские снова навестили шведские берега. Бесполезность союза с Англией стала очевидной, и после пятимесячных переговоров в Ништадте 30 августа 1721 года Россия добилась долгожданного ми-

Ботик Петра I.

ра. Завершилась самая длительная в Европе за 300 предшествующих лет и самая долгая во всей русской истории война. «Русский орел» отвоевал у «северного льва» широкую полосу морского побережья от Риги до Выборга.

Праздничный фейерверк 22 октября 1721 года освещал аллегорическую «Россию» с мечом и весами (символ «правды») и с надписью: «Всегда победит». Праздником победы страна была обязана, как говорил Петр I, «храбрым и победоносным воинам и матросам».

Россия стала новой полноценной балтийской держа-

вой, сильнейшей в Северной и Восточной Европе. Более того, в сферу внимания Петра I попал весь Старый и северная окраина Нового Света (вплоть до Испании, Мадагаскара и Алеутов).

Конечно, шведская гегемония на Балтике была сломлена не только русской армией, но и Саксонией, Датско-норвежской унией, Речью Посполитой, Бранденбургом-Пруссией и Ганновером, но именно Россия нанесла смертельный удар шведской военной машине. Перенапряжение сил Швеции и смерть Карла XII разрушили абсолютистскую структуру этого государства, и гегемон Северной Европы стал превращаться во второстепенное государство с ограниченными внешнеполитическими задачами. Швеция вышла из числа держав, которые могли бы вмешиваться в польские и германские дела.

Любые победы, даже пирровы, укрепляют авторитет центральной власти. Подъем и воодушевление в стране-победительнице погасили голоса открытой оппозиции.

Престиж, полученный династией Романовых благодаря военным победам, стал одной из предпосылок окончательного установления абсолютизма. Русские военные победы стали гордостью дворянского сословия, упрочили его господство и вошли в традицию царизма.

Почему Петр I одержал столь блестящую победу, несмотря на грозное нашествие, перестройку государственного аппарата и пламя классовой борьбы, вырывавшееся из-под перепаханной царем России? Почему такой вялой и нежизнеспособной оказалась альтернативная идея «царя-антихриста», который «мир выел, а крестьян выбрал»?

Нет резона останавливаться на правильных и хорошо накатанных ответах: своевременность военных, административных и экономических реформ, стихийность и разрозненность народных движений, отсутствие у них материальной базы, боевого опыта, крупных лидеров, способных сравниться с Петром I, «откачка горячего материала» на трудовые повинности и в армию.

Видимо, в сфере идей тогдашнего общества существовали сильные объединяющие связи, «прошивавшие» все слои сверху донизу: осознание общенациональной угрозы не только для господствующего класса, но и для всей нации, патриотизм и ответственность за судьбу страны. Ошибался Писарев, когда писал, что народу не

Медаль на Ништадтский мир.

было дела, что Карл XII разбит под Полтавой. Всеобщей в верхах и низах была идея спасительности и святости центральной власти и добровольного подчинения самодержцу. Последнее было мучительно выстрадано народом за несколько веков феодальной анархии. И эта патриотическая идея хорошо работала в кризисные периоды русской истории: в 1612, 1708, 1812 годах.

В результате Северной войны русское оружие завоевало авторитет, сравнимый с авторитетом лучших европейских армий. В Европе появились отзывы, что в отношении организованности и дисциплинированности русская армия превосходит габсбургскую, датскую и английскую.

К 1725 году балтийский флот имел 34 линейных корабля, 15 фрегатов, артиллерийский парк насчитывал около 8 тысяч стволов крепостной, осадной, полевой и полковой артиллерии, два гвардейских, два гренадерских, 42 пехотных, 33 драгунских полка действующей армии общей численностью более 100 тысяч человек.

Некоторые зарубежные историки приписывают успехи заслугам иностранных офицеров или «обезьянничанью» Петра I. Отрицать использование в Северной войне как зарубежного, так и старомосковского опыта было бы бессмысленно. Но победа была прежде всего плодом солдатского и офицерского подвига, плодом государственных преобразований и, наконец, плодом полководческого гения Петра I.

С Северной войны пошли традиции русского военного искусства. Она заложила веру в силы своей армии, гордость за славу оружия, она заложила суворовское: «Мы победим, мы — русские!» «Русские не отступают — враг дрожит перед ними!»

«Российские полководцы XVIII века заработали славу своей наступательной тактикой, которая комбинировала огонь с беспощадной штыковой атакой» — такое высказывание особенно ценно в устах критика из ФРГ³. Северная война положила начало грозному русскому штыковому бою, которому позже суворовские инструкторы обучали своих союзников.

Сильной стороной русской армии стала приученность к тысячеверстным кампаниям и наступательной стратегии за пределами своих границ.

Новшеством для Европы были конная артиллерия и «летучий корпус — корволант», вызванный к жизни войной на огромных просторах. «Корволантом» был взят Берлин в 1760 году, он применялся в румянцевских кампаниях и разных модификациях во время первой и второй мировых войн и используется даже сейчас — в виде подводных лодок-рейдеров — так о детище Петра I писал английский военный историк К. Д. Даффи⁴.

Лишь в России драгуны сохранили свою специфику — способность сражаться как в конном, так и в пешем строю. Традиционно высоким оставалось мастерство создания легких полевых укреплений и искусство оборонительного боя с переходом в наступление.

Историческим событием стало введение рекрутских наборов, просуществовавших до 1874 года. До России ни одно европейское государство не использовало рекрутские наборы как систему.

Северная война закалила армию, которая трижды переменила свой состав за 1700—1721 годы. Она ускорила усвоение западной технологии и дала стимул к развитию отечественной промышленности и экономики. Более того, Великая Северная война и реформы сменили мышление и психологию целого поколения, заложив понятия нового времени, такие, как «национальный престиж», «мощь державы», «честь», «польза отечеству» и т. д.

«Воинским делом Россия вышла от тьмы к свету» — так заключил Петр Великий оценку Великой Северной войны 1700—1721 годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

На рубеже веков

¹ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М. — Л., 1945, с. 74.

² Письма и бумаги императора Петра Великого (ПиБ). — СПб., т. 1, с. 53, 55.

³ Желябужский И. А. Записки. — В кн.: Записки русских людей. — СПб., 1841, с. 49, 51.

⁴ ПиБ, т. 1, с. 174.

На путях к Северному союзу

¹ Памятники дипломатических сношений. — СПб., 1868, т. 9, с. 253—261.

² Богословский М. М. Петр I. — М., 1948, т. 5, с. 12.

³ Там же, с. 136, 137.

⁴ ПиБ, т. 1, с. 295—302.

⁵ Богословский М. М. Указ. соч. т. 4, с. 117—118.

Начало «трехвременной школы»

¹ Богословский М. М. Указ. соч., с. 415.

² ПиБ, т. 1, с. 338.

³ Форстен Г. Датские дипломаты при Московском государстве во второй половине XVII века. — Журнал министерства народного просвещения. 1904, № 12, с. 363—364.

- ⁴ Журнал, или Поденная записка императора Петра Великого (журнал). — СПб., 1770, ч. 1, с. 25—26.
- ⁵ Устрялов Н. Г. История царствования императора Петра Великого. — СПб., 1863, т. 4, ч. 2, с. 506—509.
- ⁶ Там же, с. 168.
- ⁷ ПиБ, т. 1, с. 404—405.
- ⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М., 1965, т. 14, с. 1248—1249.
- ⁹ Журнал, с. 26.
- ¹⁰ Там же, с. 28.
- ¹¹ Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. — М., 1985, с. 138.
- ¹² ПиБ, т. 1, с. 410, 411.
- ¹³ Устрялов Н. Г. Указ. соч., с. 168, 198.
- ¹⁴ ПиБ, т. 1, с. 456.
- ¹⁵ Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. — М., 1958, с. 51—52.
- ¹⁶ Устрялов Н. Г. Указ. соч., с. 224.
- ¹⁷ Желябужский И. А. Указ. соч., с. 81—82.
- ¹⁸ Военно-походный журнал Б. П. Шереметева. — В кн.: Материалы военно-учетного архива Главного штаба. — СПб., 1871, стлб. 90.
- ¹⁹ Там же, стлб. 101.
- ²⁰ Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра. — СПб., 1912, вып. 1, с. 110—111.
- ²¹ Желябужский И. А. Указ. соч., с. 95.
- ²² Устрялов Н. Г. Указ. соч., с. 248—249.
- ²³ Журнал, с. 58.
- ²⁴ ПиБ, т. 2. СПб., 1889, с. 158—159.
- ²⁵ Там же, с. 163.
- ²⁶ Там же, с. 547.
- ²⁷ Журнал, с. 76.
- ²⁸ Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. — СПб., с. 44.
- ²⁹ Устрялов Н. Г. Указ. соч., с. 290.
- ³⁰ ПиБ, т. 2, с. 368—369.

Годы испытаний

- ¹ ПиБ, т. 3, СПб., 1893, с. 71.
- ² Там же, с. 105—106.
- ³ Журнал, с. 88.
- ⁴ Устрялов Н. Г. Указ. соч., т. 4, ч. 2, с. 295.
- ⁵ Журнал, с. 95.
- ⁶ Походный журнал 1704 года. — СПб., 1854, с. 97—98.
- ⁷ ПиБ, т. 3, с. 120—124.
- ⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. — Л., 1977, т. 9, с. 92.
- ⁹ Ведомости времен Петра Великого. — М., 1903, вып. 1, с. 3.
- ¹⁰ Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). — СПб., 1884, т. 39, с. 60.
- ¹¹ ПиБ, т. 3, с. 391.
- ¹² Журнал, с. 120.
- ¹³ ПиБ, т. 3, с. 391.

¹⁴ Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705—1706 гг. — М., 1975, с. 80—81.

¹⁵ Там же, с. 87.

¹⁶ ПиБ, т. 4, с. 221.

Накануне вторжения

¹ Сб. РИО, т. 39, с. 189—190.

² Там же, с. 203—204.

³ ПиБ, т. 3, с. 1059—1061; ПиБ, т. 4, вып. 2, с. 528—529, 538, 544.

⁴ ПиБ, т. 4, вып. 2, с. 565—567.

⁵ ПиБ, т. 4, вып. 1, с. 13, 14, 35; ПиБ, т. 4, вып. 1, с. 43.

⁶ Устрялов Н. Г. Указ. соч., т. 4, ч. 1, с. 465.

⁷ Журнал, с. 134.

⁸ Сб. РИО, т. 39, с. 80.

⁹ ПиБ, т. 4, вып. 1, с. 110, 129, 133, 146, 148.

¹⁰ Там же, с. 166—169.

¹¹ Там же, с. 228, 231, 249; вып. 2, с. 838.

¹² Сб. РИО, т. 39, с. 327; ПиБ, т. 4, вып. 1, с. 402.

¹³ Постепенное развитие русской регулярной конницы... вып. 1, кн. 2, с. 395; Сб. РИО, т. 39, с. 326—327.

¹⁴ Сын Отечества, 1848, № 4, с. 100; Сб. РИО, т. 39, с. 326, 327.

¹⁵ ПиБ, т. 4, вып. 2, с. 1196, вып. 1, с. 437.

¹⁶ ПиБ, т. 4, вып. 1, с. 442.

¹⁷ Журнал, с. 157; Картина жизни и великих деяний кн. А. Д. Меншикова. М., 1809, с. 42—43.

¹⁸ ПиБ, т. 5, СПб., с. 9.

¹⁹ Там же, с. 60—61; ПиБ, т. 4, с. 411—424.

²⁰ ПиБ, т. 4, с. 411.

²¹ ПиБ, т. 5, с. 60.

²² Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1960, с. 52—61.

²³ ПиБ, т. 5, с. 14; т. 6, СПб., 1912, с. 3.

²⁴ ПиБ, т. 6, с. 18, 45.

²⁵ ПиБ, т. 5, с. 319, 346.

²⁶ ПиБ, т. 6, с. 48.

²⁷ ПиБ, т. 6, с. 48, 298, 299.

²⁸ Там же, с. 129.

Нашествие

¹ Энгельс Ф. Армии Европы. — Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. — М., 1958, т. 11, с. 501.

² Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. — М., 1984, с. 219.

³ Леер Г. А. Петр Великий как полководец. — Военный сборник. 1865, № 3, с. 14.

⁴ Petre R. Fänrik R. Petré dagbok 1702—9. — Karolinska krigares dagböcker. Lund, 1901, Bd. 1, s. 163.

⁵ Kentrschynskyj B. Mazepa. Stockholm, 1962, s. 13.

⁶ Энгельс Ф. Армии Европы... с. 436, 447, 457, 469.

⁷ Там же, с. 480—481.

⁸ Труды имп. Русского военно-исторического общества. — СПб., 1909, т. 4, с. 199.

«Генеральная баталия»

¹ Понятовский С. Записки сподвижника Карла XII. К истории Северной войны. — Журнал имп. Русского военно-исторического общества. — СПб., 1910, кн. 2, с. 34.

² Siltman D. N. «Volontären» vid Svenska armeen preussiske överstlöjtnanten baron D. N. Silltmanns dagbok 1708—9' — Karolinska krigares dagböcker. Lund, 1907, Bd. 3, s. 257, 324—325.

³ Там же, с. 328—329.

⁴ Соколовский А. План местности Полтавского боя 27 июня 1709 г. — Полтава, 1909, с. 8.

⁵ Шутый В. Е. Малоизвестный источник по истории Северной войны. — Вопросы истории. 1976, № 12, с. 107.

⁶ Алларт Л. Н. Историческое описание Северной войны... — Центральный государственный архив древних актов. Каб. Петра Великого, отд. 1, кн. 13, л. 63.

⁷ Wallberg J. Berättelse of fältväbeln... J. Wallberg. — Karolinska krigares dagböcker. Lund, 1912, Bd. 7, s. 307—308.

⁸ Roos C. Generalmajor Roses relation. — Karolinska krigares dagböcker. Lund, 1903, Bd. 2, s. 223—224.

⁹ Piper G. A. Minnen från Karl XII: s ryska fälttag och sin ryska fangenskap. — Svensk bokskatt. Stockholm, 1902, № 22, s. 1.

¹⁰ Aberg A. Karolinerna och Österlandet. Stockholm, 1967, s. 24.

¹¹ Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. — М., 1958, с. 408, Кафенгауз Б. Б. Полтавская битва. — Историк-марксист, 1939, № 4, с. 55.

¹² Schultz J. Regementsfältskären J. Schultz dagbokanteckningar 1697—1721. — Karolinska förbundets arsbok. 1948, s. 88.

¹³ Maximilien-Emanuel. Memoires de Maximien-Emanuel, duc de Wirtemberg, colonel d'un regiment de dragons au service de Suede 1703—6 Amsterdam a Leipzig, 1740, p. 322. Bardili J. W. Des Weyland... Maximilian-Emaunels... Stuttgart, 1730, s. 452.

¹⁴ ПиБ., М. — Л., 1946, т. 8, вып. 1, с. 8—9.

¹⁵ Остерман А. И. Заслуги и подвиги его высококняжеской светлости князя А. Д. Меншикова. — Сын Отечества. 1848, кн. 5, с. 16.

Эхо Полтавы

¹ ПиБ., М. — Л., 1964, т. 11, вып. 2, с. 568.

² Артамонов В. А. О русско-крымских отношениях конца XVII — начала XVIII в. — Общественно-политическое развитие феодальной России. — М., 1985, с. 78, 82.

³ Beyrau D. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland. Köln, Wien, 1984, s. 95—96.

⁴ Duffy Ch. Russia's Military Way to the West, London, Boston, 1981, p. 30, 35.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
На рубеже веков	5
На путях к Северному союзу	25
Начало «трехвременной школы»	41
Годы испытаний	91
Накануне вторжения	113
Нашествие	149
«Генеральная баталия»	199
Эхо Полтавы	247
Примечания	268

27
ИЮНЯ
1709

ИБ № 6019

**Павленко Николай Иванович,
Артамонов Владимир Алексеевич**

27 ИЮНЯ 1709

**Заведующий редакцией А. Житнухин
Редактор И. Андреев
Художники О. Смирнов, Р. Тагирова,
В. Павлюк
Художественный редактор М. Решетько
Технический редактор Н. Теплякова
Корректоры И. Самойлова,
Т. Контиевская**

**Сдано в набор 13.02.89. Подписано в
печать 26.06.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
офсетная № 1. Гарнитура «Литератур-
ная». Печать офсетная Усл. печ. л. 14,28.
Усл. кр.-отт. 57,54. Уч.-изд. л. 14,4. Тираж
100 000 экз. Цена 85 коп. Заказ 837.**

**Типография ордена Трудового Красного
Знамени издательско-полиграфического
объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва,
Суцеская, 21.**

ISBN 5-235-00325-X

85 коп.

27
ИЮНЯ
1709

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ

Н. Павленко,

В. Артамонов

27 июня 1909